

Григорий Шепелев

Пастушок

Роман

18+

Григорий Александрович Шепелев

Пастушок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40521133

SelfPub; 2023

Аннотация

Пианистка Ирка снимает двухкомнатную квартиру. В маленькой комнате она спит, а в большой стоит старинный рояль. И ночью этот рояль за стеной начинает тихо звучать. Кто-то нажимает поочерёдно несколько клавиш – одних и тех же, из раза в раз. Это происходит каждую ночь, с полуночи до зари. Встать и приоткрыть дверь Ирка не решается. А однажды двое соседей, проникнув ночью в её квартиру и заглянув во вторую комнату, моментально находят там свою смерть...

Григорий Шепелев

Пастушок

Часть первая

Глава первая

Торговли не было даже после шести, когда мимо магазинчика повалил от метро народ. И это не удивляло – восьмое марта уже прошло. Более того – опять наступил февраль, хоть все уж настроились на весну. Ирка и Лариска выпили коньяку, подаренного хозяйкой. Принять участие в этом деле Ирка решила только ввиду ужасной погоды. Коньяк она не любила. Если бы на Земле из всего спиртного остались одни только коньяки, ей сразу пришлось бы сделаться трезвенницей. Не быть же кислой занудой! У неё было твёрдое ощущение, что пять звёздочек возбуждают унылое мозгоблудие ещё больше, чем три сосны.

– Уж лучше потерять с водкой, чем с коньяком найти, – заявила Ирка, вынув из-под прилавка конфету и творожок, чтобы основательно закусить, – это моё мнение.

– И моё, – вздохнула её напарница. Скручивая с бутылки пробку, она посмеивалась. Ещё бы! Последние года три Ирочка и с водкой, и с коньяком, и даже без них тем только

и занималась, что находила предельно странные вещи. Чего далеко ходить – не далее как вчера эта ненормальная, уступив своей сестре Женьке общую их квартиру на Вешняковской, сняла какую-то конуру в Павловском Посаде. Когда всплывали детали, все ужасались. Первый этаж разваливающегося дома, в котором даже подростки уже спились!

– Так ты хорошо подумала? – в сотый раз спросила Лариска, опорожнив свой бокал и ставя его опять на прилавок, – твоя сестричка вроде взялась за ум! А то, что она купила альт-саксофон, беда небольшая. Может, она два дня на нём поиграет, да и забросит! Я никакого не вижу смысла тебе от неё съезжать.

– В том-то всё и дело, что Женька взялась за ум, – объяснила Ирка, влив в себя дрянь, – ей двадцать один. Ещё год назад у неё в башке свистел ураган, она без меня пропала бы! А теперь она – фельдшер на Скорой помощи. Почти врач! Когда к ней приходят парни, я не могу их уже гонять, как гоняла раньше. Кто я такая?

– Ты – старшая сестра! Да и при чём здесь какие-то её парни? Чем они могут тебе мешать? В квартире – две комнаты!

– Да, но стены – одно название! Всё ведь слышно! Знаешь, как слышно?

– Ты что, завидуешь?

Ирка молча кивнула. Если бы не коньяк, она бы ответила, что ей стоны и вопли мешают спать. Но под коньяком любое враньё звучало коряво. Оно царапало рот.

– Дай-ка мне ещё разок поглядеть на её последнюю фотографию, – попросила Лариска, – я не успела внимательно присмотреться к правому глазу.

– Он не косит, как мой.

Достав из кармана юбки смартфон, Ирка отыскиала требуемую фотку и показала её Лариске. Та удивлённо скривила свои блестящие губы.

– Слушай, одно лицо! Ну просто одно лицо! Ты на сколько лет её старше?

– Почти на семь. Без четырёх месяцев.

– Обалдеть! Вы просто близняшки! Но она больше, чем ты, похожа на Анжелику Варум. Знаешь, почему?

– Почему? – оскорбилась Ирка.

Ответа не прозвучало, поскольку дверь неожиданно распахнулась, и в магазин ввалился мороз с белой бородой. За ним вошёл покупатель, окутанный снежным облаком. Закрыв дверь, после чего облако опустилось к его ногам, он взглянул на девушек и сказал с нотками иронии:

– Добрый вечер! С прошедшим праздником, дамы. Или он всё ещё продолжается?

Торопливо спрятав бокальчики и коньяк, обе продавщицы приветливо засверкали всеми шестьюдесятью тремя зубами – у Ирки не было одного. Его сгубил кариес. Игнорируя горький опыт, Ирка оставшимися зубами вгрызлась в конфету. Её коллега, тем временем, вгрызлась по уши в кошелёк незнакомца, опытным взглядом определив все его потребно-

сти и возможности.

– Добрый вечер, – проворковала она, подиумной поступью огибая угол прилавка, чтобы сокрушить иронию мужика своей новой юбкой, больше напоминавшей пояс, – у нас сегодня день скидок! Розы – свежайшие. Их доставили час назад. Лилии, тюльпаны, флоксы и хризантемы привезли днём. Но все они первосортные.

– Меня розы интересуют, – сказал мужчина, глядя на юбку больше с недоумением, чем с восторгом.

– Какие именно?

– Белые.

И мужчина обвёл глазами цветы, стоявшие на прилавках в ведрах с водой. Лариска застрекотала, расписывая особенности сортов душистых красавиц. При этом она, конечно, пустила в ход весь свой арсенал обаяния, разве что до стриптиза не дошло дело. А Ирка во все глаза смотрела на незнакомца. Он имел странный вид. Лицо его было вполне приличным, даже красивым – тонкий и прямой нос, выбритые щёки, синие пристальные глаза под чёлочкой с проседью. Но шинель! Да, он был в шинели, белой от снега, который не спешил таять. Пуговицы этой шинели были как будто бы золотыми. Но, разумеется, вряд ли. Застёгивалась она на четыре пуговицы, да две ещё красовались сзади, на хлястике. И на каждой был отчеканен герб – двуглавый орёл со скипетром и державой в когтистых лапах, с коронами на обеих уродливых головах.

– Какая у вас шинель! – не сдержалась Ирка, прервав Лариску, которая щебетала и щебетала, жестикулируя не слабее, чем Ума Турман, – должно быть, белогвардейская?

– Царская, – глупо сумничала Лариска, скосив глаза на пуговицы шинели, – вот погляди, на орле – короны! Белогвардейский орёл не имел никаких корон.

– Вы обе неправы, – обескуражил её загадочный покупатель. Но объяснять ничего не стал. И слушать дальнейшую трескотню Лариски не захотел, – я беру вот эти, по сто пятьдесят рублей. Мне нужно шесть штук.

Лариска и Ирка изобразили на пьяных мордах печаль, близкую к отчаянию.

– У вас горе? – вздохнула первая, – соболезуем. Вы платить будете наличными или картой?

– Горе не у меня.

Ответ, разумеется, показался девушкам странным. Но продолжение было ещё более удивительным.

– Я сегодня не при деньгах, – без тени смущения объявил носитель странной шинели, внимательно поглядев сперва на Лариску, затем – на Ирку, которая, сев за кассовый аппарат, языком вытаскивала из щели между зубов остатки конфеты. Две работницы магазина переглянулись. Печаль, близкая к отчаянию, уцепилась за их сдвинувшиеся брови и закачалась.

– Вы собираетесь платить картой, я правильно понимаю? – с едва заметной прохладностью подала голосок Ла-

риска.

– Никакой карты нет у меня, – сказал незнакомец и сунул руки в карманы своей шинели, как бы желая их вывернуть. Но не вывернул. Взгляд Лариски стал ледяным. Она иронично цокнула языком.

– Видите ли, здесь – магазин. В магазине платят, прежде чем взять товар! Вы об этом слышали?

– Да, представьте, я не с луны свалился, – нетерпеливо проговорил мужчина, делая резкий жест, – но я уже объяснил вам, мадемуазель, что денег у меня нет! Совсем, никаких. Ни наличных, ни электронных. Мои карманы пусты! Но мне нужны розы. Шесть белых роз.

– Это потрясающе! Только как же вы собираетесь...

– Пусть возьмёт, – вдруг сказала Ирка. Плотная карамель накрепко засела между зубами. Языком было её не вытащить, а ногтями лезть не хотелось – ведь перед ней, перед продавщицей, стоял какой-никакой, а всё-таки покупатель. Выпроводить его как можно скорее! Вдруг этот псих окажется буйным? Лариска, которая ради девятисот рублей вцепилась бы в горло буйному носорогу, на каблуках повернулась к своей напарнице.

– Ты больная? У нас и так уже не достача!

– Я разберусь, – поморщилась Ирка, – это мои проблемы, а не твои. Мужчина, возьмите розы!

Мужчина взял, отсчитав шесть штук. Затем он подошёл к кассе, не обращая внимания на Лариску, которая с показной

брезгливостью отшатнулась с его пути.

– Я правильно понимаю, что у вас нет ни стыда, ни совести? – спросил он, пристально уставившись в правый глаз встревоженной Ирки, который слегка косил. Ирка улыбнулась, однако вовсе не для того, чтоб спрятать свою встревоженность.

– Очень тонкое наблюдение.

– Вы совсем не верите в то, что совесть и стыд нужны?

– Да, совсем не верю.

– А почему вы так недоверчивы?

– Я доверчива. Но наивность и глупость – это немного разные вещи. Вы не находите?

– Нахожу. Но разве одни глупцы верят в глупости?

– Я имела в виду другое, – замялась Ирка.

– Что именно?

– Я не знаю, как объяснить. Конечно, вы правы, разные люди верят в довольно странные вещи и совершают странные действия. Больше мне сказать нечего.

– Разделяю вашу позицию. Вы сейчас совершили странный поступок, отдав мне розы задаром. Ваша коллега вам это объяснит очень убедительно и доступно, когда я выйду отсюда. А вы ведь умная девушка! Вы ведь умная?

– Я не знаю, – стала терять терпение Ирка, – не мне об этом судить!

– К счастью, да. Вы бы осудили себя на смерть, что было бы даже несправедливо. Я уж не говорю о милости! Мне

досадно, что вы пришли к таким удивительным выводам и итогам, мадемуазель. Я не утверждаю, что это плохо, что всё должно быть иначе. Я утверждаю только, что раздосадован. Чёрт возьми!

С этими словами витиеватый халявщик, державший розы левой рукой в кожаной перчатке, пальцами правой схватил одну из четырёх пуговиц на своей шинели и оторвал её. После этого ослепительный металлический кругляшок с двуглавым орлом был протянут Ирке.

– Мадемуазель, возьмите!

Ирка взяла, чисто машинально протянув руку. Масса предмета, который лёг на её ладонь, была впечатляющей.

– Золотая? – приподняла Ирка брови.

– Конечно. Возьмите, мадемуазель!

Два последних слова были обращены к Лариске. Ей на руки легли розы. Расставшись с ними, более чем загадочный незнакомец резко мотнул головой, стряхивая с чёрных волос подтаявший снег, поднял воротник, открыл дверь и вышел из магазинчика прямо в белый февральский вихрь, который обрушился на Москву девятого марта.

Глава вторая

Было уже одиннадцать вечера, когда Ирка сошла с электрички на станции Павловский Посад. Спустившись с платформы вместе с десятком других поздних пассажиров, она

направилась через площадь к крытому рынку, чтобы его обойти и попасть на улицу Кирова. Там стоял двухэтажный многоподъездный дом, в котором снимала она квартиру. Дом был начала прошлого века. Его хотели снести ещё при Советской власти, но вместо этого снесена была сама власть, а в новом столетии всем уже окончательно стало и не до этого дома, и не до этого городка с его контингентом.

Все основные вещи были вчера перевезены на такси. Поэтому Ирка несла в руке лишь пакет с десятком яиц, двумя огурцами, буханкой хлеба и маслом. Маленький городок уже засыпал. Прохожих было чуть-чуть, машин – ещё меньше. Снегопад стих, и небо полностью прояснилось. Рогатый, но безголовый месяц так вероломно тянулся своими жёлтыми пальцами к монастырской церкви, что можно было подумать, он собирается взять себе её золотую голову. Вдалеке, за монастырём, белело затянутое льдом озеро. Ирке было холодно и тоскливо. Когда она огибала рынок, её мобильник нарушил мрачную тишину привокзальной площади.

– Чего надо? – недружелюбно спросила Ирка, выйдя на связь.

– А где твои вещи? – миролюбиво спросила Женька, – ты что, уже переехала?

– Тебе скучно? – вспыхнула Ирка, – лайкни в соцсети какую-нибудь картинку с древнеиндийской свастикой или разожги ненависть к какому-нибудь дерьму – мгновенно получишь мощную развлекуху! Целых пять лет веселиться бу-

дешь! А от меня отстань! Поняла?

– Ты сама фашистка, – всхлипнула Женька, – сама отстань! Кто к тебе когда-нибудь приставал? Я делала всё, чтоб мы с тобой жили мирно! Я так старалась!

– Ты слишком слабо старалась. Всего два зуба мне выбила молотком, только половину зарплаты у меня спёрла! Кто так старается? Ты халтурщица!

– А ты сука, свинья, обманщица! – зарыдала Женька, – да, ты всё врёшь! Я тебе не выбила зубы, а только губы разбила в кровь! А деньги мне были очень нужны, я ведь объяснила!

Ирка молчала. Она шагала уже по улице Кирова, иногда забираясь в сугроб от встречных машин, чтоб те её не забрызгали реагентами. Женька громко ревела в трубку. Потом она неожиданно успокоилась и сказала, чиркая зажигалкой:

– Кстати, меня уже на другую подстанцию переводят. Сказать тебе, на какую?

– Конечно же, на Центральную, в Склиф, – усмехнулась Ирка, – куда же тебя ещё? Разве что в Кремлёвскую! Но там нет никаких подстанций.

Женька от удивления что-то в комнате уронила, и, кажется, себе на ногу, потому что громко разойкалась. А затем начала орать:

– Да! Именно в Склиф! Но как ты узнала? Тебе кто-то позвонил? Кто? Виктор Васильевич? Ну, конечно! Ведь это он всё организовал! Он дал мне рекомендацию в Склиф!

– Женька, не гони, – опять разозлилась Ирка, – Виктор Васильевич никогда тебе не поможет устроиться даже в морг, от тебя покойники разбегутся! Какой ещё к чертям Склиф? Ты что, нажралась?

– Я не нажралась, сама нажралась! – завизжала Женька и дала клятву, что их сосед, врач Виктор Васильевич Гамаюнов, действительно оказал ей поддержку с трудоустройством на Центральную подстанцию Скорой помощи имени Склифосовского. Прозвучало всё это убедительно.

– Хорошо, – задумалась Ирка, – завтра я позвоню Виктору Васильевичу и выясню, пошутил он или свихнулся. Потом позвоню тебе. А сейчас ты мне уже надоела. Я подхожу к подъезду, спокойной ночи!

– А что у тебя за дом? – не отстала Женька.

– Обычный дом. Двухэтажный.

– С лифтом?

– Конечно. Со скоростным. Прямо в небеса.

Женька рассмеялась.

– А что ещё там есть интересного?

– Старый, пыльный рояль.

– В квартире?

– Ну не на улице же!

– Играй, – разрешила Женька. Её сестра, которой уже действительно надоел этот разговор, выразила ей горячую благодарность, нажала сброс и пошла быстрее. Она слегка обманула Женьку – дом ещё только виднелся среди других, по-

хожих домов. Завернув к подъезду, Ирка увидела рядом с ним двух милых очкариков пожилого возраста, женщину и мужчину. Это была семейная пара, сдавшая ей жилплощадь. Странное дело – сидя сейчас в электричке, Ирка зачем-то твердила мысленно имена двух арендодателей: Ольга Фёдоровна, Борис Владимирович. Как знала! Жили приятные старички, работники умственного труда, километрах в двух, за монастырём с красивой высокой церковью. Разумеется, Ирку насторожило то, что они внезапно примчались к ней почти ночью и вот стоят ещё, ждут на холоде! Ей немедленно показалось, что их очки мерцают под фонарём подъезда как-то особенно.

– Добрый вечер, – сказала Ирка, приблизившись, – не меня ли вы ждёте, Борис Владимирович и Ольга Фёдоровна?

– Вас, Ирочка, вас, – смущённо засуетился Борис Владимирович, в волнении позабыв, что надо бы поздороваться и жене дать время на это, – просим простить, что не позвонили – стоит ли, думаем, беспокоить звонком? Ведь повод ничтожный, совсем ничтожный, а вы устали наверняка! Вчера вы сказали нам, что домой вернётесь часов в одиннадцать. Вот решили вас подождать около подъезда...

– Но вы могли бы в квартире запросто подождать, – заметила Ирка, берясь за дверную ручку, – зачем же мёрзнуть? Пойдёмте попьем чайку, и вы мне расскажете про ничтожный повод, ради которого вам пришлось пересечь полгорода ночью.

– Ни в коем случае! – замахал руками Борис Владимирович. А спутница его жизни, вдруг заблестев очками ещё более взволнованно, начала объяснять про внучку, которая ждёт бигмак из Макдональдса, про собаку, которая ждёт прогулку, и про волнистого попугая, который хоть и не ждёт ничего, но может дожидаться гадости от кота, которому восемь месяцев.

– Хорошо, – согласилась Ирка, опустив руку, – что вы хотите? Сразу вам говорю, что я всем довольна и никаких вопросов у меня нет.

Семейная пара переглянулась, после чего худая и остроносая Ольга Фёдоровна, поправив очки, вполголоса сообщила:

– Там, в большой комнате, есть рояль! Вы его заметили?

– А как можно взять да и не заметить рояль в не очень-то большой комнате? – удивилась Ирка, – к тому же, я – профессиональная пианистка. Мне ли рояли не замечать?

– Профессиональная пианистка? – всплеснул руками Борис Владимирович. Супруга, скосив на него глаза с суровым неодобрением, продолжала:

– Ах, даже так? Это хорошо, что вы пианистка, Ирочка! Это просто чудесно. Значит, рояль вам мешать не будет?

– Конечно, нет! Я думаю, что он будет даже весьма полезен, если его поднять на полтона. Я, может быть, позову настройщика. Вы не против?

– Ирочка, делайте что хотите, – опять взял слово глава се-

мейства, – но если этот рояль вам начнёт мешать, вы можете его выкинуть. Хоть сегодня! Мы возражать не будем, честное слово! Только скажите, и мы всё сделаем за свой счёт. Мы пригласим грузчиков.

– Да зачем же его выкидывать? – изумилась Ирка, – это французский рояль – немного потрёпанный, но рабочий! Он стоит денег. И я, возможно, буду на нём играть.

– Ради бога, Ирочка, как хотите, – непритязательно закивала арендодательница, – позавчера мы не стали внимание заострять на этом рояле – ни к чему, думаем, при просмотре нагромождать лишние нюансы, но вам как будто бы всё понравилось, и сегодня мы уж, на всякий случай...

– Спокойной ночи, – вздохнула Ирка, не видя острой необходимости продолжать эту удивительную беседу. Но не успела она опять прикоснуться к двери подъезда, как та открылась с невероятной певучестью, и под чахлый свет фонаря вышел габаритный мужчина с щетинистым и угрюмым лицом. Одет он был так себе, а пострижен и того хуже. Это был Лёшка, сосед. Он жил в коммуналке. Ирка успела с ним познакомиться накануне, когда приехала с пятью сумками и он чуть не убил таксиста за то, что тот перед ним не посторонился на лестнице, помогая заносить вещи в квартиру. Поскольку Ирка в данном конфликте заняла сторону низкорослого, шуленького таксиста, Лёшка теперь взглянул на неё без всякой приязни. Со старичками он поздоровался вполне вежливо.

– Здравствуй, Лёшенька, здравствуй, – отозвалась Ольга Фёдоровна, в то время как её муж лишь слабо кивнул, – ты неплохо выглядишь. Неужели пить перестал?

– На хлеб начал мазать, – хохотнул Лёшка, достав из пачки «L&M» последнюю сигарету и отрывая от неё фильтр, – а вы теперь проституткам хату сдаёте? Наверное, за валюту?

– Спокойной ночи, – ещё раз сказала Ирка и поспешила войти в подъезд. Ей было досадно – не столько из-за того, что она услышала, а, главным образом, потому, что в голову не пришёл мгновенный и смертоносный ответ. Дверь громко захлопнулась, и за ней раздался смех Лёшки. В подъезде было темно. Под ногами скрипнули три ступеньки, сколоченные из дерева. Пахло плесенью. На площадке первого этажа почти незаметно блестели ручками двери двух коммуналок и двух отдельных квартир, одной из которых временно завладела Ирка. Достав два нужных ключа, она торопливо воткнула каждый в нужную скважину, повернула нужное число раз, затем навалилась на дверь плечом, на ручку – всем весом, как инструктировали хозяева, и вошла. Свет ей удалось включить сразу. Потом она скрупулёзно заперла дверь на оба замка, засов и цепочку. Точнее сказать, на цепь. Дверь была стальная. На окнах были решётки. Все эти металлические предметы Ирка сочла уместными, потому что город слыл криминальным. К тому же, первый этаж!

Она была голодна. Но ещё сильнее хотелось встать под горячий душ. Положив продукты в маленький холодильник,

Ирка разделась и заперлась в довольно уютной ванной. Все стены в ней были кафельными от пола до потолка – не то, что в московской! Там на всех стенах от пола до потолка были лишь следы Женькиного скотства в виде раздавленных тараканов и муравьёв. Ирка наслаждалась душем минут пятнадцать, пустив горячую воду под максимальным напором. Ванная наполнялась клубами пара. Дышать становилось трудно. Ирка решила приоткрыть дверь. Она положила душ, закрутила краны, затем отдернула шторку и наклонилась вперёд, чтобы дотянуться до шпингалета. Достать его удалось, но он был тугим и не поддавался мизинцу. Зачем она заперлась? Её приучила к этому идиотка Женька – то приводя домой пацанов, которые везде лезли, то потихоньку входя и перекрывая под раковиной горячий кран, дабы насладиться визгом за шторкой. И вот теперь из-за этой дуры бедная Ирка отчаянно рисковала, дёргая шпингалет в крайне неудобной и смешной позе. Пятки вполне могли заскользить, и тогда беда! Ценой большого усилия кое-как отщёлкнув чертов засов, она кончиками пальцев толкнула дверь. Но дверь не открылась. Странно! Ирка по ней ударила кулаком. Руке стало больно, однако дверь даже и не вздрогнула. Её крепко удерживали с другой стороны.

Конечно же, Ирка оцепенела и затаила дыхание. Сердце в её груди сделалось тяжёлым, неповоротливым и чужим. Едва ли душа опустилась в пятки, так как они помертвели и перестали чувствовать воду, ещё стекавшую в слив. Когда же

горячий и влажный воздух снова наполнил лёгкие, началось самое ужасное – понимание, что творится именно то, чего быть не может. В квартире не было никого! Абсолютно точно! Двадцать минут назад Ирка обошла обе комнаты, кухню и коридор. Балконная дверь была заперта со стороны комнаты. Может, кто-то прятался под столом? Или под роялем? Но кто? Зачем? О, Господи!

– Кто здесь? – крикнула Ирка, не узнавая своего голоса, – почему вы держите дверь? Оставьте меня в покое!

Ответа не было. Тогда Ирка выпрыгнула из ванны на скользкий кафельный пол. Стремительно натянув халат на мокрое тело, она опять ударила по двери. И дверь распахнулась. Сразу. Легко. Свободно. Необязательно было по ней долбить, достаточно было бы одного касания пальцем.

У Ирки перехватило горло опять, но лишь на мгновение. Взяв из-под умывальника вантуз, будто он мог её защитить, она быстро вышла и, оставляя на полу мокрые следы босых ног, ещё раз проверила всю квартиру. Нет, ни единой живой души! Ирка открывала шкафы, заглядывала под стол, под рояль, за шторы. Но находила одних только пауков. Их было полно. К счастью, пианистка их не боялась. Её вихрастая голова отказывалась рождать объяснение. Бросив вантуз, Ирка прошла в маленькую комнату, где она собиралась спать, и, взяв телефон, позвонила Женьке.

– Я уже сплю, – пробубнила та, громко от чего-то отплываваясь, как будто ей в рот попало несколько пёрышек из

подушки, – ты разбудила меня, свинья!

– Это твои штуки? – визгливо спросила Ирка.

– Какие штуки? – внезапно перепугалась Женька, – я их бросаю в мусорное ведро! Там, около шкафа, только один валяется... Ой! Откуда ты знаешь? Ты что, веб-камеру здесь оставила?

– Заткнись, тварь! – оборвала Ирка смущённый лепет и очень внятно, с деталями рассказала о том, что с нею произошло пять минут назад. Женька изумилась. Потом она, закрипев диваном, начала быстро с кем-то шептаться. Затем воскликнула:

– Всё понятно! Ты открывала дверь не в ту сторону!

– Ох, какая же ты тупица, – вздохнула Ирка и прервала с Женькой связь. Сидя на диване, она скосила взгляд за окно, к которому привалилась странная, непривычная темнота угрюмого города. Из неё сочилась на Ирку такая жуть, что она заплакала. Ей и раньше порой казалось, что жизнь – штука идиотская, потому что каждый твой шаг и каждая твоя мысль отслеживаются чужими глазами из потаённых глубин твоего сознания. Неужели оно – действительно капля в море, которое не имеет имени, смысла и перспективы, хотя и создано с умыслом? А раз так – откуда у каждой капли эта иллюзия своей собственной уникальности и зачем она вообще, если с такой лёгкостью разбивается о дверь ванной?

Утерев рот, к которому подползли два потока слёз, Ирка начала смотреть в телефоне старые фотографии. Очень

сильно хотелось увидеть лица людей, которые были ей бесконечно дороги. Они все остались в далёком прошлом, кроме одной только Женьки. Их было мало, всего лишь семь или восемь. Ирка сквозь слёзы им улыбнулась. Они улыбнулись ей сквозь года. Сколько фотографий! Сколько улыбок! Можно ли так улыбаться, чувствуя на себе чей-то неусыпный и вечный взгляд?

– Это невозможно! – всхлипнула Ирка, глядя в смеющиеся глаза худенькой брюнетки с горбатым носиком, – Ритка, Ритка! Скажи, что это не так!

– Да, да, разумеется, – подтвердили расширенные зрачки брюнетки, – это не так. Но это возможно. Возможно всё, что пугает.

Ирка задумалась. Отложив телефон, она поднялась и пошла на кухню. Она не ела с полудня, а было за полночь. Но готовить ей не хотелось, и решено было ограничиться огурцами с горбушкой чёрного хлеба. Не прерывая ужина, Ирка на всякий случай проверила все запоры наружной двери, прикрыла дверь во вторую комнату, где стоял рояль, и стала стелить постель. Через пять минут она уже засыпала, зябко свернувшись под одеялом. В комнате свет был выключен, а в прихожей на всякий случай оставлен. За синеватым, влажным окном порой раздавались шорохи. Там валился с кустов и деревьев снег, который подтаивал. Этой ночью весна всё-таки вступила в свои права.

Сперва Ирке показалось, что она спит, когда в другой ком-

нате стал негромко звучать рояль. Поняв, что это не сон, она пожалела о том, что не умерла часом ранее, когда кто-то держал дверь ванной. Музыка не было. Кто-то просто тихонько нажимал клавиши самой верхней октавы: ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. А потом – опять и опять, по кругу, эти же самые ноты. Прodelывалось всё это медленно, осторожно, дабы не разбудить соседей. Будь дело днём, Ирка, вероятно, смогла бы встать и приоткрыть дверь во вторую комнату. Но сейчас она не решалась даже пошевелиться. Из её глаз опять текли слёзы. Вся покрываясь холодным потом под одеялом, она звала к себе смерть, потому что больше звать было некого. Перед самой зарёй, когда рояль смолк, Ирка незаметно уснула. Она была ужас как измучена.

Глава третья

Крепче вкрутив подъездную лампочку, в результате чего та сразу же загорелась, Дмитрий Романович Керниковский делал два дела сразу – запирали дверь и оправлял шарф, который неряшливо выбивался из-под воротника куртки. Кейс он при этом сжимал коленями. Ирка также спешила. Одновременно вынув ключи из замков, они повернулись и поздоровались. На минуту он и она забыли про поезд. Ирка недоумённо глядела на худощавого, горбоносого человека с седеющими усами и аккуратным пробором. Одет этот невысокий мужчина был хорошо, и одеколон он использовал со-

вершенно точно по назначению. Очень миленько улыбался. А она думала, что в подъезде живут одни только пьяницы! Керниковский же, взяв свой кейс, с ещё большим любопытством смотрел на тоненькую, высокую девушку, надевавшую лайковые перчатки. Она немножко косила на правый глаз. Приталенное пальто ей отлично шло, но белая шапочка как-то слишком эпично и вызывающе сочеталась с чёрными волосами. Кого-то эта брюнетка лет двадцати пяти Дмитрию Романовичу ужасно напоминала – не то одну из его студенток, не то актрису, не то очень популярную певицу из девяностых. Точно, была такая певица! Всё пела про городок. И, кажется, про художника, что рисует дождь. Но её фамилию Керниковский не смог припомнить.

– Меня звать Дмитрий Романович, – сказал он, спустившись бок о бок с девушкой по ступенькам и распахнув перед нею дверь. Ирка улыбнулась.

– Спасибо. Меня – Ирина.

– Очень приятно.

Заря уже разгоралась. День обещал быть солнечным. С крыши текло. Упругий весенний ветер стелил над городом запах леса, свежеумытого бурной талой водой.

– Вы на электричку? – спросил у Ирки Дмитрий Романович, – на семичасовую? Нам по пути.

– Прекрасно.

Судя по тесноте и спешке на тротуарах, залитых розовым блеском луж, семичасовая была востребована. Казалось, к

станции топал весь городок. С трудом поспевая за Керниковским, который всё любил делать быстро, даже когда спешить было некуда, Ирка сообщила ему, что стала его соседкой два дня назад. Потом она поделилась своим двойным ночным приключением. Керниковский, слушая, закурил.

– Вы, значит, совсем не спали? – спросил он так, будто усмотрел проблему лишь в этом.

– Почти совсем не спала! А как можно спать, когда за стеной такое творится? Вы бы уснули?

– Ира, я не могу так прямо ответить на ваш вопрос. Смотря что звучало! Под Моцарта моя дочь, по её словам, могла бы и умереть. Я склонен с ней согласиться. Моцарт – невероятно добрый волшебник. А вот Шопен...

– Вы что, издеваетесь надо мной? – психанула Ирка, – я ведь вам объяснила: в квартире не было никого, а этот рояль играл! Звучал он ужасным образом, если это имеет для вас значение. Кто-то просто трогал верхние клавиши одним пальцем – ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. Без полутонов. И вот так – по кругу, одно и то же!

– Тогда следует признать, что это загадка, – проговорил Керниковский, взглянув на Ирку внимательно, – одним пальцем, верхние клавиши? Да, бесспорно, интрига есть. А вы различаете на слух ноты?

– Дмитрий Романович, я училась в Московской Консерватории.

Керниковский от неожиданности промазал, бросая оку-

рок в урну.

– Ого! А ваша специальность, позвольте полюбопытствовать?

– Исполнитель. Я пианистка.

– И вы работаете по профилю?

– Абсолютно. Цветы продаю около метро.

К кассам была очередь, и сосед с соседкой еле успели на электричку. Им посчастливилось занять место возле окна. Народу набилось много, и героический штурм вагона десятка два человек приобщил к блестящей идее передовых психологов: не держи эмоции при себе, ведь ты уникален, неповторим, и любой твой звук бесконечно важен! Не придавая значения первому за три месяца появлению солнышка, пассажиры и пассажирки собачились, как при самой дрянной погоде. Особенно отличились местные. Когда поезд после невнятной реплики машиниста всё-таки тронулся и скандалы в вагоне стихли, Дмитрий Романович наклонился к уху новой знакомой.

– Ирочка, а гитарой вы не владеете?

– На примитивном уровне, если честно. Но у меня абсолютный слух. Могу подобрать любую мелодию и гармонию.

– О! Тогда у меня к вам дело, Ирина. Дело серьёзное. Но для вас оно, полагаю, не будет сложным. Ведь вы – профессионал.

У Ирки возникло скверное подозрение. И оно немедленно подтвердилось. Делая множество пояснений и уточнений,

словно был повод его в чём-то заподозрить, Дмитрий Романович предложил ей позаниматься гитарой с его двадцатиоднолетней дочерью, уже очень давно прикованной к инвалидному креслу. Слушая Керниковского, Ирка мрачно разглядывала двух женщин и двух мужчин, сидевших напротив, но уже явно не в электричке. Глядя на их смартфоны и на их лица, трудно было понять, где лицо, а где телефон. Когда Керниковский подвёл свою речь к концу, Ирка улыбнулась и проронила:

– Дмитрий Романович, в интернете полно видеоуроков. Они бесплатные. Ваша дочь владеет компьютером?

– Разумеется. Мне до неё очень далеко – несмотря на то, что я в силу своих профессиональных потребностей провожу за компьютером почти всё свободное время. Но дело в том, что Марина вряд ли добьётся успехов с помощью интернета. Она склонна к самокритике и легко опускает руки. Ей нужно живое и близкое общение с музыкантом, который сможет дать ей пинка, чтоб она не вешала нос. Вы – очень обаятельная и умная девушка её лет...

– Я вовсе не умная, – перебила Ирка, – и мне уже двадцать семь.

– Вы выглядите на двадцать. А об уме позвольте уж судить мне, как специалисту. Я – педагог с двадцатидвухлетним стажем работы.

– Серьёзно? А вы какой ведёте предмет?

– Я преподаю философию и культурологию в Школе-студ-

дии МХАТ. По некоторым разделам читаю лекции в МГУ.

Ирка призадумалась. Электричка в эту минуту подошла к станции. На платформе столпилось не меньше ста человек. Когда они кое-как втиснулись в вагоны и поезд тронулся, Керниковский вновь наклонился к Ирке.

– Ну что, подумаете?

– Возможно, – скривила Ирка лицо, как от зубной боли. Дёрнул же чёрт похвастаться! И чем? Прошлым, похоронить и забыть которое было самой сладкой мечтой! Вот теперь по-пробуй-ка, отбрешишь!

Будто прочитав её мысли, Дмитрий Романович с сожалением улыбнулся. Но ничего не сказал. Когда миновали следующую станцию, Ирка, оторвав злые глаза от окна, увидела, что он смотрит в смартфоне курсы валют.

– Гитара у вас какая?

Дмитрий Романович поднял взгляд.

– Классическая. «Кремона». Ей, правда, уже лет двадцать.

– Кто-нибудь обучал вашу дочь игре на гитаре?

– Да, наш сосед. Марина сама его попросила с нею позаниматься, о чём я узнал не сразу. Но он владеет только пятью аккордами, и она успела выучить всего три.

– Что значит, успела? Ваш сосед умер, что ли?

Дмитрий Романович колебался одну минуту, прежде чем дать ответ. Потом он сказал, не глядя на Ирку:

– Ну, хорошо. Вам лучше об этом знать. Ведь это и ваш сосед! Вы, можно сказать, почти угадали. Я его чуть не убил.

Иркино лицо от ужаса побелело.

– Дмитрий Романович! Вы хотите сказать, что он вашу дочь...

– Нет, он не успел сделать то, о чём вы подумали, – перебил Керниковский, – входная дверь была приоткрыта, и два соседа – Гиви и Алик, пришли на помощь Маринке. Это произошло на втором занятии, когда он явился к ней пьяный сверх всякой меры. Гиви и Алик его не сильно побили, он ведь мужик здоровенный! Но зато я постарался вечером. Пришлось звать врача-травматолога из другого подъезда.

– Как он осмелился? – прошептала Ирка, с сомнением поглядев на худые руки и не особенно атлетичные плечи своего спутника, – ведь она беспомощная, больная!

– Она красивая. А он пьёт.

– Его зовут Лёшка?

– Да. Вы уже успели с ним познакомиться?

– Знаю только, что он живёт в коммуналке через две двери.

– Ну да, от вас – через две, и через одну от нас. В этой же квартире живёт старушка, Дарья Михайловна, и её сорокадвухлетняя дочь Галина. К ним он относится без агрессии, потому что бывший муж Гали, который время от времени навещает их – полицейский.

– А кто живёт между ними и вами, в трёхкомнатной коммуналке? – спросила Ирка, стараясь запоминать имена соседей.

– Гиви и Алик. Они снимают по комнате. Иногда приводят приятных барышень. В третьей комнате живёт собственник. Он когда-то баловался наркотиками, и теперь вот у него СПИД. Да, не ВИЧ, а СПИД. Каждый день ему становится хуже, температура всё время под тридцать восемь. А он ещё очень молод.

– Как его звать?

– Серёжа. Вам про второй этаж рассказать?

– Да, сделайте одолжение.

Между двумя следующими остановками Дмитрий Романович рассказал про второй этаж. Одна из квартир там была, по его словам, опечатана, потому что её хозяин недавно умер и никаких наследников не нашлось. Во второй квартире жили Валентина Егоровна – бывшая продавщица, её взрослая дочь Лена и две дочурки последней, Оля и Юля. Девочки были уже подростками. Иногда к Ленке захаживал её друг Руслан. Когда он являлся, Ленка заканчивала пить водку и начинала хлестать коньяк. К счастью, продолжалось это недолго. В третьей квартире жила пятидесятитрёхлетняя Роза Викторовна, отчаянно соблазнявшая Лёшку, и её муж Гавриил Петрович, спившийся бригадир. Наконец, в четвёртой квартире жила Галина Васильевна, полуспившаяся швея. Её дочка, зять и два внука жили в другом районе.

– И часто Лёшка буянит? – спросила Ирка, сразу усвоив всю эту информацию, потому что она была преподнесена педагогом без всяких лишних подробностей, но при этом впол-

не художественно и ярко.

– Не беспокойтесь. Зная меня и бывшего мужа Галочки, он давно перестал буйствовать в подъезде. Где-то он веселится, но где и с кем – это его дело.

– На что же он существует?

– Да иногда находит какую-то работёнку в дачных посёлках – что-то приколотить, починить, подправить, землю вскопать. Вполне вероятно, чем-то ещё занимается.

Ирка долго не отрывала взгляд от окна. Перед ней мелькали какие-то городки, деревни, поля, залитые солнышком. Полустанки, мимо которых проходил поезд, хранили облик семидесятых годов. Ирке это нравилось. После Электростали она и Дмитрий Романович уступили место двум старушенциям, вышли в тамбур. Там из-за грохота приходилось почти кричать.

– Я очень прошу вас обдумать мою идею, Ирочка, – произнёс Керниковский, взявшись за перекладинку на звенящей двери, – я вам согласен платить восемьсот рублей за академический час. Больше не могу. Но это – средняя ставка преподавателя игры на гитаре с выездом на дом.

– Я ведь не гитаристка, Дмитрий Романович, – возразила Ирка, – мне самой нужно позаниматься и что-нибудь почистить перед тем, как браться за это дело. И восемьсот рублей – это слишком много. Я столько с вас брать не буду.

– Это единственный камень преткновения?

– Не единственный! Я ведь вам объяснила, что происхо-

дит в этой квартире.

– Вы про рояль?

– Естественно! И про дверь. Мне ведь не могло показаться, что я толкаю её рукой, а она – ни с места! Кто-то снаружи её удерживал с большой силой.

На Салтыковке вошло много пассажиров. Но ни один из них не остался в тамбуре. Когда поезд снова загрохотал по рельсам, Дмитрий Романович предложил:

– Рояль вы можете выкинуть, пользуясь позволением Ольги Фёдоровны и Бориса Владимировича. Дверь – снять. Я вам помогу. Зачем вам дверь в ванную? Вы в квартире одна живёте.

– Дмитрий Романович, вы смешной! Вы очень забавный. Кончится тем, что вы мне предложите убрать мебель, стены и пол, чтобы невидимка, который бродит по этой странной квартире, не имел способа о себе напомнить. Нужно решать вопрос с невидимкой, а не с вещами, к которым он прикасается!

– Безусловно. Но каким способом вы планируете решить этот щекотливый вопрос? Уж не переездом ли?

– Переездом.

– А если он за вами увяжется?

Ирка вздрогнула.

– Как, за мной?

– Да элементарно. Ему ведь нужно что-то от вас! Это совершенно понятно. В этой квартире никогда не было ничего

похожего. Ольга Фёдоровна и Борис Владимирович пристали к вам с этим самым роялем только из-за того, что он половину комнаты занимает и может вам помешать.

– Тогда почему они сами его не выбросили на свалку, прежде чем сдать квартиру на долгий срок?

– По сентиментальным соображениям. На нём, видите ли, играла их дочь, которая умерла. И они решили: попросят выкинуть – выкинем, нет – так нет. Такая история.

Ирка вышла в Новогиреево. Ей оттуда было недалеко до места её работы. Дмитрий Романович, как обычно, поехал дальше, до Курского. День у Ирки не задался. Лариска бесила – то разговорами, то молчанием. Ни один покупатель не набрал больше чем на семьсот рублей, а важничал каждый так, будто собирался взять на семь тысяч. Ослов этих было столько, что пообедать толком не удалось. Вечером, прошившись с Лариской на транспортной остановке, Ирка влезла в маршрутку до улицы Молдагуловой, где была их с Женькой квартира. Усевшись и взяв билет, она позвонила Женьке.

– Я занята, – ответила та не менее важным тоном, чем самый глупый из давешних покупателей, – я работаю.

– У меня короткий вопрос. Можно я возьму одну из твоих гитар на пару недель? Если сейчас будет с твоей стороны отказ, я её возьму всё равно. Но при этом выброшу саксофон.

– Бери, только отвяжись!

Ирке не хотелось столкнуться с кем-нибудь из соседей. Ей

повезло – пока она ехала, на Москву посыпался снег с дождём, так что во дворе обычных любителей почесать языками не оказалось. Женьки, действительно, дома не было. Это Женьку спасло – старшая сестра вряд ли бы смогла устоять перед искушением дать ей в рыло при виде свинства, которое воцарилось в доме за двое суток. Альт-саксофон лежал, сволочуга, на видном месте. Переступая через плевики и презервативы, Ирка с матерной руганью добралась до угла, где заросли пылью две препоганейшие гитары, акустическая и классическая. Сдув пыль со второй, она обнаружила, что на месте первой струны висят два обрывка. Момент для старой гитары настал опасный. Был уже сделан замах, чтоб грохнуть её об угол стола. Но тут Ирка вспомнила, что какие-то струны раньше лежали в большом шкафу, внутри бабушкиной вазы, где Женька прежде держала двух головастиков. Там они и остались. Конечно, не головастики. Они умерли в первый день. Схватив нужную струну, гитару и стопку нот, которые также принадлежали Женьке, Ирка бегом покинула свой родимый свинарник и понеслась в Павловский Посад.

Глава четвертая

Женька не то второй, не то третий раз в жизни сказала правду. Виктор Васильевич Гамаюнов действительно помог ей переустроиться на другое место работы, дабы младшая

копия знаменитой певицы тратила больше времени на дорогу и, соответственно, меньше времени проводила в своём районе, который она затерроризировала. Особенно от неё страдал, конечно же, дом, в котором она жила. Её смерти жаждали – разумеется, не всегда, а при нервных срывах, жильцы всех восьми этажей первого подъезда, от тараканов до самого Виктора Васильевича. Общее сочувствие Ирке было огромным, хотя всеми признавалось, что и сама она – не ахти какой сладкий сахар. Живя с нею в одной квартире, Женька пять-шесть недель в году стабильно ходила с разбитой мордой и слегка вправленными мозгами, что гарантировало всеобщую относительную безопасность и относительную успешность её учёбы в медколледже номер девять. По окончании колледжа Женька, правда, попробовала два раза устроить некий шалман прямо во дворе, почувствовав себя взрослой, но вся её гоп-компания оба раза мгновенно куда-то делась при приближении Ирки. Ввиду всех этих нюансов новость о том, что Ирка свинтила, была для улицы Молдагуловой чем-то вроде правительственного сообщения о подлёте американских бомбардировщиков. Подловив Виктора Васильевича у подъезда, толпа инициативных граждан, в том числе и с погонами, попросила его придумать какой-нибудь ход конём. Хорошенько взвесив все за и против, Виктор Васильевич позвонил главному врачу Института имени Склифосовского, а уж тот переговорил с заведующим Центральной подстанцией Скорой помощи. Таким вот

нехитрым образом Женька на другой день и была оформлена. Перед этим, ясное дело, с ней говорил заведующий. Тут Женька не подкачала – Виктор Васильевич объяснил, какие вопросы профессор будет ей задавать и какие надо давать ответы. Что-то она, конечно, перемудрила с признаками клинической и биологической смерти, но хмурый дядька, ещё раз внимательно поглядев на её чулочки, которые на один сантиметрик не дотянулись до края юбочки, прогнусавил:

– Давай-ка эту дискуссию прекратим, Евгения! Ведь иначе, если у двухнедельного трупа в твоём присутствии что-нибудь шевельнётся, чего я не исключаю, мне будет слишком горестно признавать своё заблуждение. Трудовая книжка с собой?

– С собой, – весело ответила Женька, хлопнув себя по заднице, потому что книжка лежала в заднем кармане, – дать её вам?

– Нет, мне она не нужна. Бери свой диплом и дуй в отдел кадров. Будешь писать заявление. Кстати, я не спросил, ты писать умеешь?

– Да, у меня четвёрка была по русскому языку, – набрехала Женька и, выхватив из руки профессора свой диплом, а также медкнижку, дунула в отдел кадров.

Вот так всё и началось. Да не пошло гладко. Будучи фельдшером, Женька твёрдо рассчитывала кататься на «Скорой помощи» в полусуточной смене и в одиночку – ну, в смысле, только с водителем, и откачивать всяких там умирающих

абсолютно самостоятельно. Но вот с этим вышла заминка. Старшая фельдшерица, что-то перетерев со старшим врачом, жёстко заявила, что этому не бывать. И Виктор Васильевич не помог, звонить никому не стал. И определили бедную Женьку напарницей к такой стерве, что даже Ирка ей показалась ангелом. И, что самое интересное, было этой мерзотине ровно столько же, сколько Ирке – двадцать семь лет. Её звали Ася. Она была очень злая – видимо, потому, что мелкая. Но не страшная. В первый день, когда возвращались с вызова, на котором Ася чуть не убила мерзкого алкаша за враньё диспетчеру – мол, жена пырнула его ножом, Женька обратилась к новой знакомой с таким вопросом:

– Аська, как ты смогла институт закончить? Я бы с такими нервами всех там просто поубивала на хрен!

– Женечка, я в приличных местах веду себя соответственно, – возразила Ася, закурив длинную сигарету. Женька от хохота чуть не сдохла!

– Что? Институт – приличное место? Да иди в жопу! Ой, не могу! Ты знаешь, я бы окончила сразу десять этих приличных мест, если бы не боялась за два своих, неприличных! Я их не на помойке нашла! Мне даже в медколледже на экзаменах заявили, что основная моя деталь – это задница! Прикинь, в колледже! Что уж про институт говорить?

– Заткнись, – проблеяла Ася голосом умирающей балерины. Не в пример ей, водитель – дядя Володя, Женькино мнение разделил:

– Эх, Женечка, Женечка! Кабы у меня было столько мозгов, сколько у тебя, я бы не баранку крутил, а межгалактическими ракетами управлял!

– Вот-вот, – усмехнулась Женька, – и я про то же! Аська, кретинка, не догоняет.

Но после очередного дежурства Ася вдруг проявила себя с очень неожиданной стороны. История вышла жуткая. Делая по приказу своей напарницы обезболивающий укол фигуристке, которая повредила голеностоп, Женька умудрилась иглу сломать – попа у спортсменки какая-то оказалась слишком спортивная. Часть иглы в ней так и осталась. Поняв, что произошло, Женька вся от страха вспотела. Жестом руки предсказав овце криворукой секир-башку, Ася отвезла орущую фигуристку на операцию, надавала Женьке пощёчин и из машины стала звонить старшему врачу на подстанцию. Женька плакала и рыдала. Но всё вдруг как-то замялось. Никто ей даже не предложил писать объяснительную, хоть шутками-прибаутками задолбали просто со всех сторон! К примеру, заведующий, который не забывал про её враньё по поводу русского языка, сказал, что по физкультуре, похоже, была пятёрка. Ася, конечно, пас приняла и не преминула заметить, что сдуру можно сломать не только иглу, если постоянно так вилять задницей, из которой руки растут. Как всё обошлось, для Женьки осталось тайной. Но она знала, что тайну создала Ася.

На той же самой неделе вдруг изменилось прежнее отно-

шение Женьки не только к ней, но и к очень многим другим вещам. А произошло вот что. Четырнадцатого марта Женька явилась в Склиф после бурной ночи и отрубилась в комнате отдыха, хоть и кофе выпила до хренища, и все кругом бега-ли-орали просто как идиоты конченные. Ее разбудила Ася. На ней была некрасивая, ярко-синяя униформа – вместо привычной, зелёной, которая Женьке нравилась. Ей самой накануне всучили синюю, а когда она разоралась, дали взглянуть на её подругу, медсестру Эльку, которой новая форма очень пришлась к лицу. Элька заявила взбешённой Женьке, что Анжелина Джоли вчера в Инстаграме выложила какие-то свои фотки в синих чулках. Женька притворилась, что успокоилась. И теперь вот вдвойне противная, ярко-синяя Ася её будила, за ногу стаскивая с кушетки.

– Мы сейчас едем в суд! – орала она, – что ещё за спячка? Ты что, опять с бодуница? Морда – как тумбочка! Вот гляди, дождёшься, напишу рапорт!

Второй ногой Женька оттолкнула психически нездоровое существо. Кое-как приняв сидячее положение, начала надевать ботинки.

– Что ты орёшь? У меня всю ночь болел зуб! Я на пять минут прилегла, чтоб не умереть! В какой ещё суд мы едем?

– В Мещанский суд, твою мать! К двум девкам, которых взяли под стражу за экстремизм! Одной из них стало плохо в зале суда! Шевелись, скотина!

– Какой ещё экстремизм? – недоумевала Женька с развя-

занными шнурками, когда напарница за руку потащила её к машине, – какие девки? Дай мне сходить в туалет!

Аська продолжала орать какую-то чушь про неадекватное состояние. Её перлы слышали все. И со всех сторон, больше из диспетчерской, раздавались шуточки-прибауточки и вопросы, чем Женька так ужралась. Особенно зацепило Женьку чьё-то паскудное заявление, что ей синяя форма сегодня весьма к лицу.

Уже стоял полдень. Светило солнце. Осуществляя рискованные обгоны под вой сирены, дядя Володя Женьке рассказывал:

– Только ты об этом не слышала! Собирался в Макдональдсе молодняк, пацаны и девки. Самому старшему – двадцать. Просто сидели и обсуждали новостной фон: беспредел, коррупция, пытки, милитаризм и так далее. Вдруг подсаживается к ним дядя и говорит: «Я с вами согласен. Готов вложиться финансово, чтоб у нас возникла организация для борьбы за честность и справедливость. Давайте-ка снимем офис, напишем некий устав и будем искать сторонников в Интернете!» Ты поняла, что это за дядя был?

– А как можно этого не понять? – оскорбилась Женька, – хороший дядя. Неравнодушный, ответственный человек. Что ты замолчал? Продолжай.

– Какая овца, – смертно закатила Ася глаза зелёного цвета, – Владимир Юрьевич, ради бога, сделайте что-нибудь! Ударьте её гаечным ключом по височной кости! Я не могу

дышать одним воздухом с говорящей варёной курицей! Боже правый! За что мне это, за что? Я ведь никому ничего плохого не сделала!

– Перестань, – одёрнул рыжую стерву дядя Володя, опасно проскакивая на красный, – она ещё не проснулась. Женечка, это был провокатор с официальными полномочиями, который решил заработать орден, на ровном месте создав экстремистский заговор и успешно его раскрыв. Теперь поняла?

– Я сразу всё поняла, – огрызнулась Женька, – что было дальше? У них хватило ума подписать устав, который он накатал?

– Да, можешь гордиться тем, что не ты одна идиотка, – вздохнула Ася. От её вздохов, больше напоминавших вопли, Женькина голова разнылась.

– И их всех арестовали? – тихо спросила Женька, надеясь, что и напарница вполовину понизит громкость, а то и вовсе заткнётся.

– Нет, только двух самых мелких, Аню и Машу, – понизила Ася громкость на одну четверть, – первой семнадцать, другая на год постарше. Многие знаменитости им сочувствуют, и сегодня судья решает, оставить ли их под стражей на время следствия, до суда, или заменить тюрьму домашним арестом.

Женька решила, что ей всё это не нравится.

– И какой из них стало плохо?

– Аньке, которой семнадцать лет. Судя по всему, пробле-

ма серьёзная – то ли гинекология, то ли почки.

– Так давай скажем, что ей нужна госпитализация! Неужели её не освободят?

– Нашла дураков, – опять подал голос дядя Володя, – когда человек болеет, его в тюрьме расколоть ничего не стоит! Дашь показания – пойдёшь к маме.

– Да это ведь сволочизм! Ей семнадцать лет! Школьница! Ребёнок!

– Тебе об этом и говорят! – опять разоралась Ася, – ребёнок психологически обработать очень легко! А Анька – ребёнок с тонкой душевной организацией. Знаешь, чем она занималась, когда была на свободе? Лечила больных животных. Все свои деньги на это тратила. А семья у неё совсем небогатая. Когда Аньку арестовали, её отца инфаркт долбанул, и бедная мать теперь разрывается между реанимацией и тюрьмой, где орденосносные упыри пугают и истязают её больного ребёнка, чтоб получить ещё по одному ордену!

Дядя Володя молча кивал, лихо маневрируя. Под шумок стащив у напарницы сигарету, Женька воскликнула:

– Слушай, Аська! Я всё-таки не могу понять, почему под стражу взяли девчонок, а не парней?

– Женечка, нельзя быть такой тупой в двадцать один год! Для психологического эффекта, чтобы девчонкам стало обидно и они дали нужные показания на парней! Сильнее всего следователи всегда давят на самых слабых – на матерей, на детей и на инвалидов! Это рациональнее.

Женька медленно прикурила, щуря глаза.

– Угу. Теперь ясно. А провокатор, который девочек посадил – он, вообще, кто? Известна его фамилия?

– Нет, он скромный и предпочёл держать её втайне, – ответил дядя Володя, – и это правильно. Истинные герои должны заботиться не о собственной славе, а о престиже страны. Если же герой случайно получит кирпичом в морду и все друг друга поздравят с этим событием, что тогда останется от престижа?

Женька молча глотала дым и сбивала пепел. «Скорая помощь» уже сворачивала к суду.

Глава пятая

Судебные приставы проводили Асю и Женьку в конвойное помещение. Коридор был длинным. Пришлось идти мимо журналистов, которые покидали зал заседания, чтобы только взглянуть на двух медработниц. Спрашивать их пока ещё было не о чем. Вдвое больше корреспондентов было на улице, под двуглавым орлом с когтистыми лапами. Им давал интервью статный джентльмен с тонкими усами, который вышел из здания покурить. Женька догадалась, что это один из двух адвокатов. Всюду стояли бойцы Росгвардии. Среди них торчали какие-то левоватые мужики в форме казаков, с пышными усами и при холодном оружии. Они также смотрели на Асю с Женькой, особенно на последнюю, потому что

она была длинноногая и несла саквояж. На входе её достаточно вежливо попросили его открыть. Она это сделала.

– Тут у вас одна наркота, – пошутил майор, заглянув вовнутрь.

– Да почему же одна? – обиделась Ася, – у нас ещё и взрывчатка! Евгения Николаевна в среду так сделала укол одной пациентке, что Департамент московского здравоохранения чуть не рухнул.

Все ещё раз взглянули на Женьку очень серьёзно. Она слегка покраснела. В конвойной комнате был второй двуглавый орёл, которого почему-то забыли одеть в форму конвоира. Под ним, на узкой кушетке, лежала девушка с острым носиком и косичками. На ней были слишком широкие для неё потёртые джинсы, туго затянутые ремнём, кроссовки и свитер. Рядом на стуле сидела очень красивая белокурая женщина средних лет, державшая на коленях офисный чемоданчик. Это была адвокат. У другой стены стояло ещё одно двухголовое существо. В отличие от орла, оно было в форме, и не с когтями, а с автоматами. При ближайшем ознакомлении выяснилось, что это – два человека. Судя по их глазам, глядевшим на девушку и её адвоката с полным бесстрашием, автоматы были заряжены. Когда Ася с Женькой вошли, оба автоматчика, как и все фехтовальщики в коридоре, стали отслеживать преимущественно вторую. Адвокат встала, освобождая стул. Девочка испуганно покосилась.

– Мужчин прошу удалиться, – распорядилась Ася, как

только Женька поставила саквояж около кушетки, – я буду её осматривать.

Автоматчики продолжали глядеть на Женьку.

– Не полагается, – отозвался один из них.

– Что не полагается? – удивилась Ася, – больных осматривать?

– Помещение покидать им не полагается, – объяснила вежливая защитница, – они строго придерживаются устава. Придётся с этим смириться. Я адвокат. Меня зовут Ксения. Это Анечка.

– А где Машенька? – поинтересовалась Ася, садясь на стул. Она обращалась к Анечке, которая суетливо приподнялась и сказала «здравствуйте». Когда Женька встретилась с ней глазами и улыбнулась, она сперва заморгала, затем ответила очень осторожной, слабой улыбкой.

– Машенька сидит в клеточке, – удовлетворила красавица-адвокат любопытство Аси, – держится за решётку и плачет, глядя на маму, которая тоже плачет. Я должна выйти? Или мне лучше остаться?

– Остаться, – сказала Ася, пощупав девочке пульс, – но рот открывайте только тогда, когда я вас буду просить об этом! Анечка, сядь и скажи мне на ухо, что тебя сейчас беспокоит?

Разговор шёпотом длился более двух минут. Вопросы врача были продолжительнее ответов революционерки, которые иногда прерывались хлюпаньем её носа. Все остальные стоя-

ли молча. Видимо, сделав некие выводы из беседы, Ася взяла у Женьки тонометр, затем – градусник. И давление, и температура у девочки оказались повышенными.

– Два кубика анальгина, – холодно дала Ася команду Женьке. Потом взглянула на Ксению, – боль её беспокоит. Причины могут быть две. Более конкретный диагноз можно поставить только в стационарной клинике. Но любая из двух причин требует немедленной госпитализации.

– Объясните это судье, – пожалала плечами Ксения, видимо уязвлённая повелительным тоном Аси.

– Такая возможность есть?

– Пойдёмте, попробуем. Только будет гораздо лучше, если сперва напишете заключение.

Стол имелся. Стул придвигала Ксения. Пока Женька вводила девочке анальгин и корчила рожи, чтобы её рассмешить, Ася за столом развернула такую масштабную писанину, что признаки нетерпения начала проявлять даже адвокат, уж не говоря про двух автоматчиков, хотя Женька, ставшая обезьяной, нравилась им по-прежнему. Наконец, поставила Ася точку и, взяв листок, отправилась с адвокатом в другую комнату. В совещательную. Их не было минут десять. Всё это время Женька сидела с Анечкой, и они улыбались одна другой, как две ненормальные. Разговаривать запрещалось, поскольку Женька не обладала врачебными полномочиями.

– Пошли, – сказала ей Ася, когда вернулась. Она вернулась одна и была мрачна. Женька поднялась.

– Вы уже уходите? – очень тихо спросила Анечка.

– Да, – ответила Женька – проститься ведь было можно, – ещё увидимся! Давай руку.

Анечка улыбнулась и протянула руку. Рука была очень тонкая и казалась почти прозрачной. Ася и Женька крепко её пожали и быстро вышли.

Приставы и бойцы Росгвардии кое-как спасли их от журналистов. Те всё равно пытались им задавать разные вопросы, крича на весь коридор. Но две медработницы понимали, что лучше не реагировать, потому что любое слово, произнесённое ими, будет оформлено сучьими комментариями и вряд ли принесёт пользу. Гвардейцы их довели до самой машины.

– Ты говорила с судьёй? – обратилась Женька к своей напарнице, когда дядя Володя завёл мотор и «Скорая помощь» тронулась.

– Говорила.

– Ну, расскажи!

– Охота тебе? – пожала плечами Ася, взяв сигарету, – вхожу, а она сидит, кофе пьёт вместе с секретаршей и прокуроршей. Все три хохочут – похоже, над анекдотом. Какой-то доктор наук, судя по лицу, что-то им читал с телефона. Я эту мразь рукой отодвинула, объяснила судье, что речь, скорее всего, идёт о почечной недостаточности, нужна госпитализация. И официально вручила ей заключение.

– А она?

– Сказала: «Спасибо, мы примем к сведению». И выставила. Лениво махнула ручкой – иди, мол, к чёртовой матери, не мешай анекдоты слушать!

Дядя Володя вырулил на Садовое. Женька крепко задумалась, глядя вдаль, на поток машин и стёкла домов, сияющие под солнышком. Даже здесь, где всё было сделано человеческими руками, приход весны впечатлял, менял настроение, уносил мечтами к дальним дорогам.

– Аська, там был орёл? – вдруг спросила Женька. Ася курила, слегка опустив стекло и слушая ветер.

– Какой орёл?

– Двуглавый, с когтями.

– Был. На стене. И в зале суда он висит. А что?

– Как думаешь, он отпустит двух этих мышек?

– Вряд ли, – ответил дядя Володя, переключая скорость, – он двухголовый. Если, к примеру, два человека долго вместе живут, у них с трудом выйдет даже простое дело. А доброта – штука сложная.

Через сорок минут, читая в смартфоне новости, Ася с Женькой узнали, что их недавнюю пациентку вместе с подельницей Мещанский районный суд города Москвы оставил под стражей.

Глава шестая

Лёшка слыл жеребцом. Кроме Розы Викторовны, имев-

шей обыкновение раздеваться перед ним полностью, сразу после чего он звал её мужа, к нему заходили две дамы существенно помоложе. Обе они проживали в третьем подъезде, который был за углом. Звали их Захарова Лена и Андрианова Катя. Вторая пользовалась гораздо большим успехом, так как была очень высока ростом и симпатична лицом. Все её считали самой скандальной личностью в доме, что было правдой только отчасти, поскольку трезвая Андрианова ненавидела всех пассивно и молча. Именно всех. Лёшка не являл собой исключение. Он ведь был всего лишь деталью в сложном механизме судьбы Катюшки Андриановой. А любая деталь подлежит замене.

Четырнадцатого марта, вечером, Ирка, идя со станции, натолкнулась на эту сладкую парочку у подъезда. То есть, не совсем парочку, потому что на руке Катюшки был рыжий смешной котёнок. Котёнка этого Ирка сразу узнала. Он жил в подвале, где, собственно, и родился. Ему шёл четвёртый месяц. Два его блюдечка очень мило стояли на кирпиче, под кустом. Жители двора, как могли, заботились о малышке – меняли в блюдечке воду, в другое блюдечко подливали свежее молоко, клали на кирпич кто шпротину, кто колбаску. И теперь Лёшка, в руке которого были ножницы, угрожал отрезать котёнку ушки. Он лязгал ножницами над самой его головкой и громко ржал. Рыжий симпатяшка, не понимая степень опасности, весело отбивался лапкой. Он был ещё очень глупый и ко всем ластился, потому что его пока ни разу не

обижали. Катька Лёшке орала, чтоб он не смел калечить животное, и толкала его свободной рукой. Само собой разумеется, трезвым в этой компании был один лишь котёнок.

У Ирки было неважное настроение, потому что она почти всю дорогу болтала по телефону с Женькой. Та рассказала ей о своей поездке в Мещанский суд. Плюс к тому, усталость. Подойдя к Лёшке, Ирка вцепилась в ножницы, за одну секунду вырвала их из его руки и бросила на дорогу. Лёшка остолбенел. Потом рывкнул:

– Падла косая! Давно по морде не получала?

– Правильно сделала, между прочим, – еле ворочая языком, хихикнула Андрианова, – нечего ножницами махать! Ирочка, привет.

– Добрый вечер, Катя, – сказала Ирка и неожиданно для себя самой дала Лёшке в глаз. Удар получился – у Ирки был разряд по гимнастике, а пьянчуга едва стоял на ногах. Короче, он грохнулся. Андрианова изумилась так, что выронила котёнка. По счастью, тот сумел приземлиться очень удачно и не обиделся. Но он понял, что всем тут стало не до него. Пока он бежал в подвал, Лёшка смог подняться и схватил Ирку за горло. Была бы Ирке верная смерть, кабы Андрианова не вцепилась в левую руку обиженного придурка, а с правой не совладал бы Гиви. Он выбежал из подъезда, услышав шум. Так Ирку спасли. Катька оттащила в сторону Лёшку, который провозглашал на весь городок, что он – не расист, но негры с грузинами должны знать своё место. Гиви, взвалив

на плечо визжащую Ирку, которая рвалась в бой, внёс её в подъезд. Только закрыв дверь, отпустил.

– Ты зачем связалась? Он ведь больной человек, законченный алкоголик! Сперва убьёт, потом будет думать, за что убил.

– Я тоже больная! – вскричала Ирка, маленько утихомирившись, – мне плевать! Он хотел рыжему котёнку уши отрезать!

Гиви задумался.

– Значит, ты всё сделала правильно. Молодец. Но только прошу тебя, в следующий раз не лезь сама драться. Зови меня. Или Алика.

– Хорошо, – улыбнулась Ирка, – спасибо тебе, генацвале! Ты очень вовремя подоспел. Серёжка там как?

– Какие-то у него проблемы с лёгкими начались.

– Пневмония, что ли?

– Возможно. Иммунитет – на нуле, любая болезнь может появиться на ровном месте. Зашла бы, что ли, проведала!

– Не сегодня. Возможно, завтра. Спокойной ночи.

– Пока.

Они разошлись по своим квартирам. Лёшка на улице всё орал. Потом Андрианова, кажется, увела его в свой подъезд.

Ирка торопливо выпила чаю, приняла душ, надела халатик и, взяв гитару, отправилась к Керниковским. К её немалому удивлению, дверь открыла Ленка Смирнова – та самая, что жила на втором этаже, с мамой Валентиной Егоров-

ной и двумя несовершеннолетними дочками. Вид Смирнова, прозвище у которой было Смирновка, имела самый дурацкий: толстые шерстяные носки с дырками на пятках, старые джинсы с дырками на коленках, фланелевая рубашка без всяких дыр, которые бы не сделали её хуже, и мокрая половая тряпка в руке. Волосы Смирновки были взлохмачены ещё больше, чем накануне, когда она пила джин, кроткие глаза её сквозь очки глядели на Ирку жалобно и устало.

– Ты что здесь делаешь? – удивлённо спросила Ирка.

– Мою полы, – пропищала Ленка, – Дмитрий Романович попросил Мариночке что-нибудь приготовить, его сегодня не будет. Я заодно решила порядок маленький навести.

– Дмитрия Романовича не будет? А почему?

– Ну, как почему? Ведь он же мужчина! Видимо, у него какое-то дело возникло по этой части в Москве.

– Идите сюда! – крикнула Маринка из своей комнаты. Судя по её голосу, прозвучавшему в унисон с Ленкиным обычным нытьём, она с нетерпением ждала Ирку и очень сильно грустила. Но вскоре выяснилось, что это не совсем так. Накинув на дверь цепочку и войдя в комнату вслед за Ленкой, Ирка увидела, что гитара лежит себе на комод, а на столе, рядом с ноутбуком, стоит уже опустевшая двухлитровая банка смородиновой наливки и два стакана. Пахла наливка невероятно. Весь воздух в комнате был густым, приторным и липким.

– Зачем ты это ей принесла? – строго обратилась Ирка к

Смирновой. Та заморгала, бледная и готовая разрыдаться.

– Это не водка!

– Без тебя вижу, что не водка! Я спрашиваю, зачем ты это ей принесла?

– Да что я, не человек? – вознегодовала Маринка, – не могу выпить раз в две недели, когда мой папочка трахается? Отлично, что принесла!

Приставив свою гитару к книжному шкафу, Ирка уселась верхом на скрипучий стул. Ей самой хотелось. Но не наливки, которую Валентина Егоровна делала из смородины, выращенной на дачном участке. Перебродивший сироп, вот что это было такое. Ирка поморщилась, представляя его во рту. Маринка – живая копия её мёртвой подруги Ритки, сидела в кресле-коляске, глядя глазами чёрными и бездонными. На ней было красное платье, чулки и туфли. Дочь Дмитрия Романовича всегда выглядела так, будто ожидала карету, которая повезёт её прямо в Лувр.

– Ты сама-то будешь? – спросила она у Ирки.

– Я бы не отказалась. Но разве нет другого чего-нибудь? Даже коньяк лучше, чем эта сладкая самогонка!

– Леночка, принеси из папиной комнаты коньяку. И несколько бутербродов сделай. Но только руки вымой сперва.

Ленка, кинув тряпку, утопала. Видимо, бутерброды были уже готовы, так как вернулась она буквально через минуту. За это время Ирка с Маринкой успели лишь перебраться

парой реплик о новом фильме Бессона. Коньяк Смирновкою был доставлен прямо в стакане, наполненном на две трети, а замечательные поделки из хлеба, сыра и колбасы она принесла в тарелочке. Ирка залпом выпила весь коньяк и жадно умяла бутерброд с сыром. Потом взяла с колбасой. Ленка и Маринка допили перебродивший сироп, после чего первая опустила на четвереньки и стала опять мыть пол.

– Это на тебя так Лёшка орал? – спросила она у Ирки, плаксиво шмыгая носом.

– Да, на меня, – зевая, сказала Ирка, – я рыло ему начинила. Он хотел котёнку отрезать уши.

– Какому? Рыжему?

– Да.

– Значит, ты спасла их обоих, – раздула ноздри Маринка, глядя на Ленкин зад, обтянутый джинсами и ритмично качавшийся взад-вперёд, – я бы за котёнка ему перегрызла горло. Клянусь. Плевать мне на Андрианову. Пусть попробует мне хоть слово сказать!

– Она за него не полезет драться, – сказала Ленка, сполоснув тряпку в ведре, – она в феврале мне очки разбила не из-за Лёшки. Нужен он мне!

– А из-за чего?

– Да из-за того, что эти очки были дорогие. Ей стало завидно.

Во дворе завывла автосигнализация. Вскоре смолкла. Ленка, хлопая носом, подползла к шкафу и наклонилась ещё

сильнее, чтобы протереть пол под ним.

– Будем заниматься? – спросила Ирка, доев второй бутерброд. Маринка устало сморщила носик.

– Нет, давай отдохнём сегодня. Ты слишком мало спишь. Ложишься в час ночи, а встаёшь в шесть. Как у тебя сил хватает на всё? За четыре вечера умудрилась с целым подъездом перезнакомиться и со мной два раза позаниматься!

– Я превосходно сплю в электричке, – пожалала плечами Ирка, – ведь мне до Новогиреево ехать час. И обратно – столько же.

– Ты смеёшься? Два часа сна! – воскликнула Ленка, почти засунув башку под шкаф, – мне бы и пяти не хватило! Мне нужно семь. И это сейчас, пока не работаю! А вот если найду какую-нибудь работу, буду спать восемь. Иначе я просто сдохну.

– Почему два? – не поняла Ирка, – я ведь не только в поезде сплю. Маринка сказала правильно – я ложусь в час ночи, а встаю в шесть.

Ленка поднялась, чтоб снова сполоснуть тряпку. Они с Маринкой переглянулись.

– Но это бред, – сказала последняя.

– Почему? – удивилась Ирка.

– Как почему? Ты хочешь сказать, что по ночам спишь?

– Конечно. Я по ночам очень крепко сплю.

– Под рояль?

Ирка улыбнулась. Ей уже было сладко от коньяка. Ленка

и Маринка внимательно на неё глядели.

– Да, под рояль. Он играет тихо. Звучат лишь верхние клавиши – ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. Ведь вы его даже и не слышите!

– Мы не слышим, – взволнованно согласилась Ленка, опять вставая на четвереньки, – никто не слышит, как этот рояль играет, кроме тебя! Это очень странно.

– Здесь ничего нет странного. Я ведь вам говорю, он играет тихо. Трогают только верхние клавиши. Они тихие.

– Это бред, – резко повторила Маринка, – с этим роялем всегда было всё в порядке. Ты допускаешь мысль, что тебе мерещится?

– Нет, Марина, я такой мысли не допускаю. Но спорить я по этому поводу не намерена.

– Хорошо. Тогда объясни – как ты можешь спать, будучи уверенной в том, что кто-то в пустой квартире трогает эти чёртовы клавиши?

– Я привыкла.

– Вот это уж точно бред! К такому нельзя привыкнуть даже и за всю жизнь, а ты с этим ужасом провела только пять ночей! Я тебе не верю. Ты не могла к этому привыкнуть, Ира! Ты шутишь.

– Нет, не шучу.

Ленка примирительно засопела, ползая с тряпкой. Маринка, наоборот, разозлилась и стала есть бутерброд. Чавканье одной и хлюпанье носом другой рассмешили Ирку. Коньяк

качал у неё в башке какие-то звонкие и весёлые колокольчики.

– Хорошо, я всё объясню. Кто-то очень хочет мне доказать, что Бог существует. Поэтому за стеной, где никого нет, играет рояль. Но я не боюсь, потому что кто-то – добрый и щедрый. Он подарил мне пуговицу с уродливой двухголовой птичкой.

– Жалкий подарок, – набитым колбасой ртом злобно пробубнила Маринка, – и жалкое доказательство.

– Да, по поводу доказательства я согласна. Пускай предъявит другое.

– Твою отрезанную башку?

– Зачем ты так шутишь? – проныла Ленка, вставая на ноги, – вот возьму сейчас и уйду!

– Смирновка, ты лучше сядь, отдохни. Всё чисто. Спасибо.

Ленка, очень довольная похвалой, отправилась в ванную – вымыть руки, ведро и тряпку. Но на обратном пути она завернула в другую комнату, где ещё остался коньяк. Когда она вновь присоединилась к Ирке с Маринкой, последняя говорила, жуя второй бутерброд:

– Я в Бога не верю. Сказать тебе, по какой причине? Я не могу понять, как можно поверить в Бога! Физически не могу этого понять. Вот я в понедельник видела сон. Мне приснился Тишка.

– А это кто? – перебила Ирка. Ленка, усевшись с ногами

в кресло, плачущим голосом объяснила:

– Это её ирландский терьер, который полтора года назад попал под машину.

– Да, да, он самый, – снова застрекотала Маринка, – он повторил моё приключение. Но ему повезло сильнее, он мучился только час. Так вот, в понедельник он мне приснился. Сон был такой. Стою на лесной дорожке, под ярким солнцем, и кричу: «Тишка, Тишка!» И Тишка вдруг появляется. И мы с ним бежим наперегонки по этой самой тропинке! Как я бежала! Так наяву ни один человек не может бежать. Со мной мчался Тишка – довольный, радостный. Его глаза сияли от счастья!

Маринка вдруг замолчала. Две её слушательницы думали, что она продолжит. Но она снова стала есть бутерброд и громко причмокивать. А потом начала облизывать свои пальчики, на которых остались крошки.

– Ну, и что дальше? – спросила Ирка.

– Дальше? Сон кончился. Я проснулась.

– И что ты этим хочешь сказать?

– А то, что это был рай. Я была в раю. Я до глубины души ощутила это всей своей кровью.

Ирка от удивления повернулась к Ленке. Но та зевала. И тогда Ирка спросила, опять взглянув на Маринку:

– Но если это был рай, что тебе мешает поверить в Бога?

– А то, что всё это было слишком чудесно и распрекрасно. Если за две минуты я чуть с ума не сошла от счастья, то

как можно представить вечность, наполненную таким необычным счастьем? Я допускаю боль, растянутую на вечность. Но такой блеск в глазах Тишки – нет! Это невозможно. Это обман.

– Почему обман? – удивилась Ленка, – в чём здесь обман? Тишка был весёлый! Помню, однажды мы с ним на рынок пошли – я, он, Юля, Оля ...

Тут зачирикал дверной звонок. Досадуя, что прервали, Ленка вскочила и понеслась открывать.

– Сперва спроси, кто, – велела Маринка, – вдруг Андрианова?

Но цепочка уже гремела. Потом заскрипела дверь.

– Мамочка, ты что, ночевать здесь будешь? – послышался голос девочки.

– Нет, я скоро приду, – ответила Ленка, – скажите бабушке, что я трезвая!

– Как стекло, – нахально издеванулась другая девочка, явно старшая, – смотри, с лестницы не свались, а то разлетишься вдребезги! А ну, дай-ка мы поглядим, что там происходит...

– Юлька, не смей так с матерью разговаривать! – заорала Ленка, – ой, что вы делаете? С ума сошли? Караул! На помощь!

Но ей никто не помог, поскольку и Ирка успела уже понять, что крики о помощи, хохот, брань и рыдания в этом доме звучат по поводу и без повода. Не хватало лишь сани-

таров. С силою двух молодых кобыл протопав по коридору, Оля и Юля без церемоний просунули рожи в комнату.

– Добрый вечер, – хитро взглянула на них Маринка, – что вам угодно? Руслана мы здесь не прячем. И алкоголь не употребляем.

– Гоните её домой, – попросила Юля, – пожалуйста! Ей ведь завтра на собеседование!

– Опять? Ну ладно, сейчас прогоним. Только, пожалуйста, отвезите меня к Серёжке.

Девочки с радостью согласились, хоть Ленка сзади орала, чтобы они шли немедленно спать, без них разберутся! Но спать, в итоге, пошла она, а Оля и Юля весело подкатили коляску с Маринкой к двери, перетащили через порожек и довели до следующей квартиры. Сзади шла Ирка с гитарой. Дверь открыл Алик – маленький, тощий, смурной таджик. Девчонки его шутливо начали бить, а Маринка, имевшая с ним натянутость по причине кормления им голубей, а не воробьёв, без всяких расшаркиваний спросила:

– К Серёжке можно?

– Да, – сказал Алик и, к удивлению всех, помог затащить Маринку в квартиру. Видимо, он был чрезмерно пьян. Две девочки, пожелав всем спокойной ночи, заторопились к себе, на второй этаж. А Ирка самостоятельно повезла Маринку к Серёжке.

Серёжке едва исполнилось тридцать шесть. Но он умирал. Его короткая жизнь промелькнула ярко. Но без следа. Он был из интеллигентной семьи потомственных москвичей. Хорошее воспитание помогло ему стать виртуозным воором. Но виртуоз – не всегда профессионал. Поскольку Серёжка чистил карманы ради спортивного интереса, а интерес не берётся из ниоткуда, а стимуляторы интереса не стимулируют здравый смысл и инстинкт самосохранения, он сел в тюрьму из-за ерунды. После тридцати, получив в наследство двухкомнатную квартиру, рецидивист обменял её на однушку, затем по-быстрому совершил ещё два обмена и таким образом очутился здесь, в Павловском Посаде. Ленка Смирнова на него клюнула, разомлев от его симпатичной внешности, остроумия и привычки сорить деньгами. Но деньги быстро растаяли, и когда жених обокрал невесту, чтобы купить наркотики, их пути решительно разошлись. При этом друзьями они остались. И все соседи Серёжку очень любили, ибо он не был злым. Весь последний год он чувствовал себя плохо, но продолжал безобразничать. И процесс стал необратимым.

Был уже первый час, когда Ирка, держа гитару в левой руке, правой закатила кресло с Маринкой в маленькую Серёжкину комнату. Их визит не был неожиданным, так как Дмитрий Романович накануне предупредил Серёжку, что его дочь, возможно, к нему заглянет, и не одна. Посему Се-

рёжка лежал на своём диване вполне одетый. Рядом с диваном сидел малюсенький чёрный пёс. Его звали Гром. Серёжка его подобрал на улице год назад, когда этот самый Гром ещё был щенком. Точнее сказать, отобрал – у Лёшки, который начал вертеть щенка за задние лапы, чтоб рассмешить Захарову. В одиночку Серёжка бы не управился. Но с ним шёл от озера Алик. Вырвав у дворника лом, маленький таджик предельно корректно попросил Лёшку щенка отдать. Лёшка поорал, но отдал. Так маленький чёрный пёс стал другом Серёжки и получил кличку Гром. Он, как и Серёжка, очень любил смотреть телевизор. Этим как раз два друга и занимались, когда припёрлись Маринка с Ирккой.

– Мы тебе водки не принесли, – сказала Маринка, погладив Грома, который к ней подошёл, – хватит пить, придурок!

– Мне и нельзя, – ответил Серёжка, приняв сидячее положение. Ирка, выключив телевизор, чтоб не орал, с пьяной деловитостью подержала Серёжку за руку выше кисти. Потом она примостилась возле него. Слева от себя поставила инструмент. Рука у Серёжки была костлявая, ледяная, будто у смерти. Но сам он смерть не напоминал даже отдалённо – нос имел длинный, глаза весёлые, стрижку стильную. А вот голос уже был слабым. Настолько слабым, что Ирка сразу не поняла ответ. Поняв же, расхохоталась.

– С ума сойти! Ему пить нельзя! Давно на тебя нашло озарение?

– Это не просветление, – внесла сразу две поправки Ма-

ринка, взяв пса к себе на колени, – если он утверждает, что ему пить нельзя, значит – укололся!

– Он что, дурак? – возмутилась Ирка, – давай-ка посмотрим вены!

– Мы ни черта не поймём. Медсестра ему через день всякие иммуностимуляторы колет в вену. Там всё исколото!

– Что за тварь приносит ему наркотики?

– А я знаю?

– Может, посмотрим его мобильник?

– Нет у него мобильного! Он его ещё в прошлом месяце раздолбал об голову Петьки.

– Кто этот Петька?

– Местный урод, друг Лёшки. Не знаю, как он проник сюда и зачем, но он хотел Грома прищемить дверью. Ну, и мобильник распался на пять частей.

– А башка?

– Башка не распалась. Наоборот, стала работать лучше. Но, тем не менее, жалко, что телефоны делают из пластмассы, а не из чугуна.

– Маринка! А ты не думаешь, что тот самый debil как раз приносил ему наркоту?

– Послушайте, суки, – вновь подал голос Серёжка, – я, вообще-то, здесь нахожусь! Что за разговор через мою голову? Если вы не уймётесь, я вот возьму да пса на вас натравлю!

– Твой свирепый пёс уже на меня напал! – вскричала Маринка, которой Гром вылизывал нос, – короче, Серёжка! Ес-

ли тебе действительно пить нельзя и ты это понимаешь, мы при тебе бухнём. Ты не соблазнишься?

– Не соблазнюсь. А где вы возьмёте?

Маринка вместо ответа вынула из кармана платья мобильник и набрала короткое сообщение. Почти сразу после того, как оно ушло, дверь вдруг распахнулась без стука, и вбежал Гиви. На нём был строгий костюм, который он, видимо, примерял в данную минуту. Ясное дело, грузин пожаловал не с пустыми руками. В одной был ром, в другой – три бокала. Рома была полная бутылка, и не простая, а семисотграммовая.

– Спасибо за приглашение, – гаркнул уроженец Тбилиси, жестом попросив Ирку придвинуть к дивану журнальный столик и всё на нём расставляя, – закуской располагаете?

– Не нужна, – сказала Маринка, весело трепля Грома, – все моряки как раз потому и предпочитали ром, что этот напиток можно не запивать и не заедать. Ты где его брал?

– Конечно, в торговом центре! Я ведь теперь там работаю.

– Неужели?

– Богом клянусь! Рынок, как ты знаешь, скоро закроют, и я заранее снял отдел в этом самом центре. Кстати, Ирина! Ведь мы с завтрашнего дня коллегами станем. Я буду брать цветы на реализацию.

– Потрясающе, – восхитилась Ирка, – мы будем пить или поздравлять друг друга с идиотизмом?

Гиви скрутил с горлышка бутылки пробку, налил. Взяв

бокал, Маринка поморщилась. Гром чихнул.

– Да пейте быстрее, мать вашу драть! – взмолился Серёжка, – я не могу на это смотреть!

И он начал кашлять. Все поспешили избавить его слезящиеся глаза от тяжкого зрелища. Потом Ирка взяла гитару и стала импровизировать – но негромко, чтобы Галина Васильевна не слышала, не пришла и не присоседилась. Гиви в пышных подробностях рассказал, как Ирка побила Лёшку.

– Вот это зря, – просипел Серёжка, вытерев рот платком, – у него друзья – уголовники.

– Значит, мы с ним на-равных, – сказала Ирка, беря аккорд, – ты разве не уголовник? Или ты мне не друг?

– Статья статье рознь, – заметил Серёжка, – я не мокрушник.

– Да хватит её запугивать! – прошипела Маринка, – дверь у неё железная, и в подъезде – полно народу! Пусть только сунутся!

– Ира, а если я проведу несколько ночей у тебя? – очень милым тоном предложил Гиви, вынув из пиджака пачку дорогих сигарет, к которой Серёжка сразу же потянулся, а вслед за ним и Маринка, – ты не волнуйся, я буду спать в другой комнате! Как тебе такая идея?

Ирка решительно отказалась, выразив свой отказ взмахом головы. Когда её собеседники закурили, она сказала, перебирая ногтями струны:

– Гиви, в той комнате спать нельзя. Там стоит рояль.

– А разве рояль всю комнату занимает?

– Нет, только половину.

– Так в чём же дело?

– Он по ночам играет! – выкрикнула Маринка, – ты что, не слышал?

Гиви сделал затяжку и улыбнулся.

– Ну, и пускай! Я – меланхоличный романтик. Люблю засыпать под музыку.

– Эта музыка предназначена для меня, – возразила Ирка, – нет, Гиви, нет. Спасибо за предложение, но оно взаимоневыгодно. Наполняй-ка лучше бокалы!

Сказано – сделано. Потом Гиви начал замысловатый грузинский тост. Но тут пришёл Алик с кофейной чашкой. Он заявил, что крики мешают ему уснуть. Пришлось тост прервать и наполнить чашку. После того, как выпили, Алик от всей души поблагодарил компанию и ушёл. Ирка начала исполнять «Шербурские зонтики», и Маринке сделалось грустно. Не устояв перед романтической бурей с воем и наводнением, Гром сбежал от неё под шкаф. Тогда буря стала ослабевать, хоть грустная музыка продолжалась. Гиви всучил Маринке салфетку, и она вытерла слёзы.

– Что ты ревёшь? – чуть слышно спросил у неё Серёжка, – всё хорошо!

– Да это тебе хорошо! – опять взорвалась Маринка, – и Тишке было отлично! Быстро сдыхать – это замечательно, я согласна! Даже и спорить с тобой не буду! Папочка трахает-

ся, и ладно! Главное, чтобы папочке было классно!

– Маринка, ты неправа, – заявила Ирка, ударив рукой по струнам, – если бы твой отец пылинки с тебя сдувал и не отходил ни на шаг, ты бы ещё громче завывала! Я тебя знаю. И от Серёжки отстань. Он сейчас орать на тебя не может, и ты его забиваешь.

– Я всех уже задолбала! – не унималась Маринка, – буквально всех! Меня слишком много!

Гиви опять наполнял бокалы. Ирка подстраивала струну. Когда Серёжка с Маринкой стали гасить окурки, их пальцы соприкоснулись над старой бронзовой пепельницей в виде лежащей собаки. И странно – это прикосновение что-то сделало с ними. Они вдруг замерли, взявшись за руки. А потом Серёжка, откидываясь на спинку дивана, сказал:

– Маринка, ведь у меня нет выбора. Никакого.

– Серёженька, понимаю! Поэтому и завидую. Когда нет никакого выбора, это круто. Если он есть, легко ошибиться. А ошибиться страшно! Я ведь не Ирка, которую охраняет пуговица.

– Маринка, ты погнала, – разозлилась Ирка, – я эту глупость не говорила! Давайте просто заткнёмся и просто выпьем.

Никто возражать не стал. Осушив бокал, Ирка заиграла что-то венгерское, с яростными ударами по всем струнам. Гиви, по молчаливой просьбе Серёжки дав ему градусник, затянул грузинскую песню. Маринка маниакально пыталась

встать с непонятной целью – видимо, для того, чтоб пуститься в пляс.

Вот тут Галина Васильевна и явилась. Алик в этой связи ухитрился сделать два добрых дела одновременно: во-первых, он Галину Васильевну не впустил, во-вторых – передал от неё компании банку отличнейшего овощного рагу. Одним словом, всё было бы неплохо, но градусник показал почти тридцать девять.

– О! – воскликнула Ирка, прищурившись на шкалу, – пора расходиться, судари и сударыни! Гиви, неси сюда анальгин и лей по последнему.

– Да, и грузинский тост! – визжала Маринка, – без тоста я не уйду, даже не мечтайте!

– Ты в любом случае не уйдёшь, а уедешь, – обескуражила её Ирка. Достав из шкафчика сковородку вместо большой тарелки, которой не было, она вывалила в неё две трети рагу, а треть отдала Серёжке.

– Завтра сожрёшь!

Тем временем, Гиви перелил весь оставшийся ром в бокалы и начал произносить весьма нудный тост. Когда он его окончил, рагу уже было съедено. Он обиделся, но решил особенно не скандалить, ибо действительно уж давно пора было расходиться. И разошлись. Серёжка остался с Громом и анальгином, Гиви – с обидой, Алик – с кофейной чашкой, Маринка – с Иркой. Время уже приблизилось к двум. Доставив домой Маринку, Ирка ей помогла раздеться, выполнить

водные процедуры и лечь в постель. На это ушли все силы и весь крохотный остаток здравого смысла. Придя к себе, Ирка не легла, а грохнулась спать. Наружную дверь квартиры она оставила настежь. Зато дверь комнаты постаралась прикрыть как можно плотнее – мало ли, что!

Прошло полчаса. Когда за стеной заиграл рояль, Ирка не проснулась. Когда в подъезд, а затем в квартиру вошли на цыпочках двое, ей снилось что-то приятное. Кажется, райский сад. Только без цветов. Цветы она целый год уже ненавидела всей душой. Услышав рояль, два незваных гостя перемигнулись, хоть в коридоре было темно.

– Нормально, – прошептал Лёшка, – она, кажись, там играет!

– Да я бы лучше сыграл, – ответил второй, – по ходу, грузин её напоил! Поэтому дверь открыта.

– А вдруг он с ней?

– Тебя это парит?

– Наоборот!

– Тогда закрой варежку.

И они устремились в комнату, где играл рояль. И сразу зажгли в ней свет.

В шесть утра Галина – но не Васильевна, а другая, с первого этажа, вышла на лестничную площадку, чтобы отправиться на работу. Заперев дверь, она повернулась к лестнице. И – до крайности озадачилась. Дверь противоположной квартиры была открыта. Полностью. Нараспашку. И ни внутри, ни

рядом с этой квартирой ни одного человека не наблюдалось. Здоровое любопытство было Галине свойственно.

В шесть часов ноль одну минуту Ирка проснулась от диких воплей за дверью комнаты. Очумело спрыгнув с дивана, она, босая и почти голая, выбежала в прихожую – вдруг пожар? Но всё оказалось хуже. Во много раз. Посреди прихожей лежала её соседка Галина. Она теряла сознание. Дверь квартиры была распахнута, как и дверь второй комнаты. Голова у Ирки – спросонья, спьяну, с испугу, вся затуманилась, пошла кругом. Но когда Ирка сунула нос во вторую комнату, голова взяла да пошла зигзагами.

У рояля лежали два человека. Один из этих людей был, кажется, Лёшка. Очень предположительно, потому что его ещё накануне русая голова была вся седая. Вторым мужчиной был лысый и Ирке вовсе неведомый, в связи с чем она не смогла оценить степень перемены, произошедшей с ним. Оба они были мертвы.

Глава восьмая

Тридцатого марта в наполненный слухами городок приехала Женька, с которой Оля и Юлия завели дружбу в Фейсбуке. Её на станции встретил Гиви. Хоть две сестры из Павловского Посада предупредили его о внешней неотличимости двух сестёр из Выхино, он сначала оторопел, увидев младшую копию Анжелики Варум, сходящую с поезда. Не заме-

тить Женьку в целой толпе пассажиров не смог бы даже и Алик – большой любитель блондинок, к которым Женька не относилась категорически и которых в толпе насчитывалось штук десять. В правой руке она бережно несла футляр с саксофоном, в левой – рюкзак. На ней была мини-юбка, туфли с высокими каблуками, колготки, блузка и пиджачок. Для плюс десяти – нормально. Гиви приблизился.

– Добрый день, Евгения Николаевна.

– Полагаю, что ещё утро, – строго взглянула на него Женька, протягивая рюкзак, – по всей вероятности, вы Георгий?

– Вы не ошиблись. Но меня все называют Гиви.

– Я не сторонница фамильярностей. Впрочем, как вам угодно. Идёмте, Гиви!

Они спустились с платформы, воспользовавшись мостом, и неторопливо двинулись к рынку. Женька хромала – новые туфли ей натирали пятки. Низко над городом плыли сизые облака. Снег растаял полностью, и повсюду стояли лужи. Рюкзачок Женьки весил порядочно.

– Это у вас саксофон? – поинтересовался Гиви, разглядывая футляр, который она оставила при себе.

– Да, альт-саксофон.

– Вы на нём играете?

– Разумеется. Согласитесь – было бы странно, если бы я, окончив консерваторию по трубе, хотя бы на среднем уровне не владела также и саксофоном! Разница между ними только в диапазоне. Диапазон шире у трубы. А у саксофона – длин-

нее. Он иногда совсем не даёт мне спать по ночам.

– Саксофон?

– Ну, да.

– Это каким образом?

– Очень просто. Он весь кривой, поэтому звуки в нём застревают, а ночью время от времени вырываются. Вот попробуй тогда, поспи!

Гиви осенила догадка.

– Скажите, Женечка, а в рояле звук не может застрять, а ночью вдруг вырваться?

– Нет, Георгий. С рояльным звуком подобная ситуация невозможна. Надо искать причину в другом. Но не беспокойтесь, я разберусь. Ведь я, как-никак, окончила университет военной криминалистики!

– Неужели? А Ира мне говорила, что вы учились только в медколледже.

– Во даёт! – усмехнулась Женька, сделав большой прыжок через лужу, – но это, впрочем, логично. Ирка под пытками никому не скажет, что я училась в консерватории! Ведь она сама окончила её с тройками, а в моём дипломе тройка стоит лишь по физкультуре, и то лишь из-за того, что я подвернула ногу, когда улучшила мировой рекорд по прыжкам в длину. Нет, я вру – конечно же, у меня было растяжение связок! Вызвали Скорую. Но у тех, кто звонил ноль три, хватило ума сказать о рекорде, и экипаж приехал психиатрический. Руководству консерватории, чтобы всё это дело как-то замя-

лось, пришлось наврать, что произошла ошибка. Физрук поставил мне тройку для убедительности. Но вы только Ирке не проболтайте, что вам об этом известно, не то она тут вся кровью будет блевать от радости!

– К сожалению, с ней уже это происходит, – сообщил Гиви. Женька взглянула на него искоса.

– Ага! Ясно. Девочки мне писали, что у неё сильный нервный срыв, но я не предполагала, что эта дура в течение столь короткого времени доберётся до местной водки!

– Боюсь, что вы меня не так поняли, – вздохнул Гиви, – Ира не только пьёт.

Брови Женьки сдвинулись.

– Идиотка! Она что, колется?

– Всё возможно. Она связалась с Серёжкой. Оля и Юля вам про него писали?

– Конечно. Чёрт! Этого ещё не хватало! Но я не удивлена. Ведь пять лет назад мне с этой её проблемой пришлось работать не один день, так как я училась только на первом курсе мединститута. Но обо мне – потом. Вы лучше скажите мне одну вещь: если эта дрянь села на иглу, почему хозяева не дают ей пинка под жопу?

– Эти наивные старички ничего не поняли. Её странное состояние объясняют стрессом. И они чувствуют себя перед ней очень виноватыми – ведь рояль принадлежит им! А она всего лишь забыла запереть дверь. И, кроме того, она заплатила им за два месяца.

– Понимаю, – кивнула Женька, – жадность, прижимистость, меркантильность и ограниченность. А полиция что сказала? Надеюсь, было проведено расследование?

– Безусловно. На высочайшем идейно-художественном уровне. Участковый и дознаватель, выпив вина с Галиной Васильевной, заявили Серёжке, что он, как рецидивист, получит двадцать пять лет, если не признает себя виновным в двойном убийстве. Если признает – двадцать. Когда Серёжка им объяснил, что ему осталось жить две недели, они пошли к Розе Викторовне и с нею напились водки. Полковник спецназа Золотов, ознакомившись с показаниями Серёжки, вызвал его на дуэль. А судмедэксперты установили, что Лёшка и его друг скончались от алкогольной интоксикации.

– Что за вздор? – возмутилась Женька, – впёрлись в чужую квартиру ночью и в один миг сразу оба сдохли от алкогольной интоксикации? Ирка мне говорила, что Лёшка был весь седой, и рожи у них обоих были искривлены от ужаса!

– Так и было. Все это видели. Но врачи со следователями дружат. Одновременная смерть от палёной водки, которую по ночам продают, вызывает меньше вопросов, чем, например, от инфаркта. Вы так не думаете?

– Сперва надо осмотреть место происшествия, а потом уже выстраивать версии, – осадила приткого дилетанта Женька. Они сворачивали уже на улицу Кирова.

И вот тут пришлось задержаться. Из-за угла магазина навстречу им вылетел не первой свежести джип, «Линкольн

Навигатор». Не успел Гиви объяснить Женьке, что это за автомобиль, как тот вдруг остановился, чуть не создав аварию со смертельным исходом, и из него, из этого джипа, выпорхнули два джентльмена с очень похожими на джип лицами. Оба были в штатских костюмах, но почему-то имели манеры военачальников, одержавших уверенную победу над целым литром сорокаградусного бухла. Со сжатыми кулаками подбежав к Женьке, они внезапно начали угрожать ей какой-то лютой расправой и обвинять её в лицемерии. Это всё было весьма странно. Ни пешеходы, которые проходили мимо, ни Гиви за Женьку не заступались. Но Гиви, кажется, выжидал.

– Да кто вы такие? – вскричала Женька, переводя испуганные глаза с одного плюющегося лица на другое, – и по какому праву мне угрожаете?

– Я тебе сейчас зачитаю, сволочь, твои права! – проорал в ответ один из её загадочных собеседников, коренастый и лысоватый, – но после этого ты три года будешь играть на своей трубе знаешь где? В кружке самодеятельности Мордовской женской колонии! НАТО всё расширяется на восток, а ты мне тут нервы треплешь, паскуда? Я удивлюсь, если адвокаты добьются для тебя двушечки!

– Ишь ты, сука, принарядилась! – тьявкал другой, столь же неказистый и низкорослый, – на наркоту деньги есть, на шмотки с духами есть? Да знаешь ли ты...

А уж дальше шёл такой мат, что для бедной Женьки стал недоступен смысл не только всего диалога, но и отдельных

фраз. Она умоляюще поглядела на своего попутчика.

– Познакомься, Женечка, это – начальник местного ОВД и помощник следователя районной прокуратуры, – отрекомендовал двух крикунов Гиви, дождавшись паузы, – их зовут Владимир Владимирович и Сергей... Сергей...

Тут Гиви защёлкал пальцами.

– Владиленович? Кужугетович? – начала подсказывать Женька.

– Да, Вродеэтович. Они думают, что ты – Ирка, которая наркоманит, живёт без временной регистрации и клянётся, что денег у неё нет.

– Да, денег у неё нет, – подтвердила Женька, сунув руку в карман и на расстоянии показав фельдшерскую ксиву, – но вы держитесь. Не унывайте.

Сосредоточенно поморгав глазами на карточку, два официальных лица, багровых от ярости, обрели здоровый розовый цвет.

– Просим извинить, – лихо козырнул Сергей Вродеэтович, – так Ирина – ваша сестра?

– Скорее всего, – поморщилась Женька, – я проживу у неё три дня. Может быть, неделю. Без временной регистрации. Попрошу не путаться под ногами. Я должна вытащить свою старшую сестру из дерьма.

– Она утонула, – сказал Владимир Владимирович, и оба военачальника погрузились в свой чёрный джип. Даже не взглянув, как он отъезжает, Гиви и Женька вышли на улицу

Кирова. Закурили. Женька очень внимательно озиралась по сторонам и делала фотографии на мобильник. Гиви не понимал, что здесь можно фоткать. Серость на небе и на земле, обшарпанные дома и злые физиономии до того ему опротивели, что он думал о возвращении в Грузию, где три бабы его разыскивали по поводу алиментов.

С недоумением поглядел на Женьку и Керниковский, куривший возле подъезда. У него тоже был выходной.

– Евгения Николаевна, – церемонно представил спутницу Гиви.

– Дима, – представился Керниковский, протянув руку. Женька её сдержанно пожала, сначала пристально поглядев на полуседые волосы и седые усы нового знакомого. Он был в джинсах, свитере и домашних замшевых тапках.

– Дмитрий Романович, – добродушно поправил Гиви.

– Ну, хорошо, – согласилась Женька, – очень приятно. Если не ошибаюсь, Дмитрий Романович, ночь с четырнадцатого на пятнадцатое марта вы провели в Москве, у своей знакомой?

– Сколько вам лет? – несколько секунд помолчав и сбив с сигареты пепел, мягко спросил педагог, – извините, дамам, конечно, таких вопросов не задают, но я, как и вы, Евгения Николаевна, любопытен до неприличия.

На лице у Женьки не дрогнул ни один мускул.

– Мне двадцать два, – соврала она, – могу я поговорить с вашей дочерью?

– Не имею ничего против. Но только прежде поговорите с вашей сестрой. Ведь вы – медсестра, простите за тавтологию?

– Не совсем, – отрезала Женька, – у вашей дочери – патология? Поздравляю! Вам бы за это просить прощения у неё, а не у меня. Дурная наследственность – благодатная почва для большинства отклонений!

– Тогда позвольте от всей души поздравить вас с тем, что я – не ваш папа. А заодно и себя.

– Скажите уж лучше – дедушка! – абсолютно безосновательно брызнула Женька ядом и, далеко отшвырнув окурочок, впёрлась в подъезд. Гиви не отстал. Он показал Женьке, какую из четырёх квартир занимает Ирка. Дверь оказалась не запертой. Оглядев всю квартиру мельком, Евгения Николаевна положила вещи на кресло рядом с роялем. Затем она сняла туфли, надела Иркины шлёпки и, достав лупу из рюкзака, вышла на площадку. Гиви ждал там.

– Где эта овца? – спросила у него Женька.

– У тебя крепкие нервы?

– Из стальной проволоки.

– Ну, ладно.

И повёл Гиви Женьку к Серёжке. Алика дома не было. Он кому-то стеклил балкон. Серёжка, который после начала своей болезни все силы тратил на то, чтобы не казаться больным, лежал, как всегда, чуть ли не в костюме. Курил, глядя в потолок. Лицо у него за несколько дней исхудало так, что

сделалось страшным. Ирка валялась рядом – носом к стене, чуть подогнув ноги. Она была почти голая и спала. На скрипучих стульях сидели пьяненькие Захарова, Андрианова и Смирнова. Как и Серёжка, они курили, о чём-то тихо беседуя. Гром лакал из миски кефир. Когда Гиви с Женькой вошли, три бабы и пёс так дико уставились на последнюю, а потом на Ирку, что у Серёжки вырвался смех.

– Да это её младшая сестра, – сказал он чуть слышно, протянув Ленке окурочек, – я её фотку видел! Похожи?

– Одно лицо, – мяукнула сонная Андрианова, – обалдеть!

– Если это можно назвать лицом, – съехидничала отёчная, с редкозубым ртом до ушей, Захарова, – дело вкуса!

Из-под очков у Смирновой капали слёзы. Подойдя к Женьке, Гром с любопытством её обнюхал. Она внимательно осмотрела его сквозь лупу. Потом она осмотрела дверной замок. Затем поинтересовалась, не лучше ли открыть форточку. Андрианова объяснила, что у Серёжки сильная пневмония, у Ленки – насморк, а у Захаровой – убеждённость, что смерть не может войти туда, куда перед этим не влетит птица. Гиви, стиснув руками голову, удалился. Тогда Евгения Николаевна подошла к дивану, решительно перегнулась через больного и начала осматривать руки своей сестры.

– Она жрёт таблетки, – тихо рыдая, наябедничала Ленка Смирнова, – транквилизаторы!

– Где берёт?

– В четвёртом подъезде живёт старушка, которой всякие

психотропные препараты выписывают! И Ирка взяла у неё рецепт, отдав ей за это пуговицу.

– Ту самую, золотую?

– Да уж, наверное, не пластмассовую, от старых штанов!

– Как зовут старушку?

– Анна Лаврентьевна.

Убрав лупу в карман коротенькой юбки, Женька пощупала пульс Серёжки, одновременно прислушиваясь к дыханию.

– Сколько ты хотел бы прожить, имея в виду реальное состояние дел? – спросила она. Серёжка что-то ответил, на этот раз слишком тихо.

– Одну неделю, – всхлипнула Ленка Смирнова, лучше других научившаяся его понимать.

– Тогда – госпитализация, друг мой! Надо вызывать Скорую.

– Три врача ему это долбят! – воскликнула Андрианова, – толку – ноль!

– Серёженька, надо вызвать, – запричитала Захарова, давя в пепельнице окурков, – девочка знает! Все некрасивые – умные!

– Зеркало предъявит вам исключение, – не осталась Женька в долгу. И, шлёпая шлёпками, ускакала. Но не особенно далеко, так как у неё возникла идея заглянуть к Гиви.

Грузин жил в маленькой комнате. Мебель в ней была старая, зато крепкая, потому что Гиви отремонтировал её сам. Теперь он, пользуясь тем, что торговый центр на один день

закрыли в связи с какой-то проверкой, решил покрасить окно. Масляная краска пахла ужасно. Но Женька смело вошла. И первым, что бросилось ей в глаза, был небольшой ключ, висевший на гвоздике, вбитом в стену возле двери.

– Что это за ключ? – спросила она, бегло осмотрев его через лупу. Гиви, сменивший новый пиджак на старый, медленно водил кисточкой по открытой оконной раме.

– А, этот? Он от той самой квартиры, где Лёшка жил.

– Какой Лёшка? – с недоумением опустила Женька свой инструмент, – тот, который умер?

Гиви кивнул. У Женьки, естественно, появился третий вопрос.

– А какого хрена он у тебя-то делает?

– Просто я про него забыл. Мне его дала ещё год назад Лёшкина соседка, Галина. Она живёт вместе с мамой, Дарьей Михайловной. Теперь они, вероятно, получают Лёшкину комнату.

– погоди! Галина – это та самая, которая обнаружила трупы возле рояля, криками разбудила Ирку и потеряла сознание?

– Да, та самая.

– А зачем она дала тебе ключ от их с Лёшкой общей квартиры?

Гиви погрузил кисточку в банку с краской, потом извлёк и начал опять наносить мазки.

– Ну, как тебе объяснить? Ты ведь уже знаешь, что Лёшка

был полоумный. Дарья Михайловна и Галина решили, что будет лучше, если я буду иметь возможность в любой момент прийти к ним на помощь. Мало ли, что! Теперь поняла?

– Угу.

– Но они и сами слегка с головой не дружат, – продолжал Гиви, чуть помолчав, – знаешь, что придумали?

– Что?

– Что Ирка – вампир.

– Моя сестра?

– Да.

Женька усмехнулась.

– Отдаю должное их смекалке и проницательности! Но как они догадались?

– Вот уж не знаю! Но они твёрдо убеждены, что Лёшка и Колька сдохли из-за того, что Ирка у них выпила всю кровь. Ещё они утверждают, что она кровь сосёт у Серёжки, поэтому он болеет.

– Но это бред! Те двое ведь умерли вовсе не от потери крови, а у Серёжки – СПИД! Он ещё задолго до Ирки начал болеть!

– Ну, а от меня что ты хочешь? – с досадой спросил грузин. Женька почесала затылок.

– Да ничего! Я просто офигеваю. А они знают, зачем сосёт Ирка кровь?

– Чтобы молодеть.

– Молодеть?

– Конечно. Они считают, что ей уже пятьдесят, а выглядит она в два раза моложе только благодаря кровяной диете.

– Как интересно, – задумчиво проронила Женька, глядя на ключ. И тут она вспомнила, что такой же или похожий ключ лежит на столе в квартире, которую сняла Ирка. Он, вероятно, тоже был от замка наружной двери квартиры. Евгения Николаевна не сочла за труд туда сбегать и прибежать обратно с ключом.

– Гиви, я забыла спросить, ты знаешь Анну Лаврентьевну?

– Из четвёртого? – спросил Гиви, не отрываясь от дела.

– Да, из четвёртого, – пропищала Женька, заменив ключ на гвоздике, – что ты можешь о ней сказать?

– Ничего плохого и ничего хорошего. Очень нервная старушенция. Конфликтует со всем подъездом. Довёл её до такого лютого состояния родной сын. А что?

– Так она действительно состоит на учёте у психиатра?

– Да нет, вроде. У психиатра сынок её наблюдается. Витька его зовут. А она сама – у невропатолога.

– А её сын Витька – алкаш?

– Да, бывший десантник. С Лёшкой дружил. Зачем тебе это всё?

– Просто я люблю задавать вопросы, – сказала Женька и смылась.

Глава девятая

Дарья Михайловна и Галина по случаю воскресенья пекли в духовке пирог с черникой. Пока пирог за стеклом пышнел да румянился, мама с дочкой, сидя на кухне, думали-рассуждали, как бы вернуть к себе в дом Василия – того самого лейтенанта, который был, по твёрдому убеждению Гали, злым вампиром и целый год супружеской жизни тем лишь и занимался, что пил её молодую кровь.

– Дура ты неумная, – говорила Дарья Михайловна, стуча по столу кулачком с синими прожилками, – уже третьего мужика зазря протрепала дурным своим языком! Чего его было славить по всему городу да на весь Интернет? Сосал и сосал! Зато лейтенант полиции! Другой, может, и не сосёт, а вот без погон! И без пистолета!

– Да неизвестно ещё, что хуже, – вяло махнула рукой Галина, – и что хорошего в пистолете? Убил он за десять лет хоть кого-нибудь из этого пистолета? Только всё ходит, грозит. Вернётся он, говорю! У нас ведь теперь две комнаты!

– Размечталась, – вздохнула Дарья Михайловна, – ты её получи сначала, вторую комнату! Вот возьмут и вселят кого-нибудь! За деньги всё быстро делается.

Замок защёлкал как раз во время произнесения этой реплики, потому две спорщицы не услышали ни щелчков, ни дверного скрипа. А вот когда из прихожей вдруг донеслись шлепки резиновых тапок по голым пяткам, они растерянно обернулись. Ох, лучше было бы им ослепнуть за один миг до этого! К ним шла Ирка. Не просто Ирка, а Ирка, помоло-

девшая лет на пять! И не просто Ирка, помолодевшая лет на пять, а в белой рубашке, густо заляпанной чем-то красным! Глаза у Ирки были подсинены и стрелками вытянуты к вискам, изо рта у Ирки сочились красные слюни. Ногти у неё на руках также были красными, очень длинными, и блестели, а волосы на башке стояли торчком, будто она вылезла из печной трубы! Короче, это был страх.

– Я – Ирка-вампирика, – холодно отрекомендовалась гостя, входя на кухню, – не ждали? Сейчас я буду пить вашу кровь, проклятые злыдни!

– А-а-а! – слабо прогудела Дарья Михайловна, раскрыв рот с десятками золотых зубов. Потом, закатив глаза, она скovyрнулась со стула на пол. Женька маленечко растерялась. Вероятность того, что это всего лишь обморок, была очень невелика. Но выйти из роли было никак нельзя. А вот обороты сбавить, пожалуй, следовало – Галина, которую нужно было любой ценой расколоть, имела предрасположенность к обморокам и явно уже готовилась растянуться вслед за мамашей. Выплюнув изо рта просроченный кетчуп, взятый из холодильника Ирки, Женька утёрла ладонью рот и менее замогильным голосом изрекла:

– Не бойся! Я уже напилась Серёжиной крови, так что твою пока пить не стану. Но при одном условии. Ты расскажешь мне, каким образом просекла, что я – упыриха!

– А-а-а! – тонко повторила Галина возглас маман и всё-таки скovyрнулась. Но по-иному: не набок, а на колени. Сту-

каясь башкой в пол, она стала умолять не пить её кровь, хоть Женька ей русским языком объяснила, что и не собирается. Но противная жадина пошла дальше. Тыча дрожащим пальцем в родную мать, она сообщила, что у неё, у Дарьи Михайловны, диабет, а значит – кровь сладкая, так что пей, залейся, приятного аппетита! И, сука, даже причмокнула, чтоб наглядно изобразить, какая вкусняющая кровь у её мамыши! И до того Женьки стало противно, что она плюнула Гальке в рожу и заорала, топнув ногой:

– Заткнись! Будешь отвечать на мои вопросы, крыса бесхвостая, а иначе за один миг останешься без своей поганой гадючьей крови! Всё поняла?

– Всё, Ирочка, всё, – паскудно защебетала Галька, пустив слезу, – ты спрашивай, спрашивай! Ничего не скрою, во всём признаюсь!

Женька вздохнула. Ещё раз сплюнула кетчуп.

– Ну, тварь, гляди – ежели соврёшь, приду к тебе ночью!

– Ой, только не приходи! Матерью клянусь – ни одного слова лживого не скажу, ничего не скрою!

– Окей. Как ты поняла, что я сосу кровь?

Галька вдруг замялась. Женька, заметив это, оскалилась – но слегка, чтоб не переборщить, как с Дарьей Михайловной.

– Говорю, говорю! – всполошилась Галька, – только скажи, ты ведь не рассердишься, если я всё тебе объясню?

– Ты что, идиотка? – взбесилась Женька, – быстро давай выкладывай, а не то у меня действительно аппетит от злости

проснётся!

Галька, трясясь, ей всё рассказала. Её рассказ был коротким: когда она, движимая беспокойством, а не любопытством, вошла в чужую квартиру с открытой дверью, то заглянула сначала в ближнюю комнату, и – увидела там двоих. В постели, по словам Гальки, спала довольная Ирка, а рядом с ней сидел за столом и что-то писал упырь, с которым она, судя по её счастливой улыбке и по его пребыванию в её комнате, была в дружеских отношениях. Самый настоящий упырь! Заглянув затем во вторую комнату, Галька там увидела трупы Лёшки и Кольки, лежавшие близ рояля. Ей стало ещё страшнее, и она грохнулась.

– Ты увидела упыря, сидящего рядом с Иркой? – переспросила Женька, – то есть, рядом со мною? Упырь сидел за столом и что-то писал?

– Да, именно так, – закивала Галька, – писал гусиным пером, на листе пергамента! Представляешь?

Женька слегка повернула голову, чтобы глянуть на Гальку косо. Затем она повернула голову другим профилем и взглянула с другого боку. По роже Гальки тёк пот.

– И как упырь выглядел? – поинтересовалась Женька.

– Старый, с бородой, в рясе! Это был точно монах!

– И что, у него изо рта торчали клыки? С них капала кровь?

Галька замотала башкой.

– Нет, Ирочка, нет! Ничего подобного не было!

– А с чего ты тогда взяла, что это упырь?

– Я ведь говорю – это был монах, который сидел за столом и что-то писал! Пером! На листе пергамента!

– Ну и что?

– Не мучь меня, Ирочка! Ты всё знаешь лучше меня!

– Я знаю? Откуда? Я не дружу ни с каким монахом! И ни с каким упырём! Ты, кстати, про это полиции рассказала?

– Конечно, нет! Я что, дура? Они меня сразу бы отправили в сумасшедший дом, а маму – в дом престарелых, чтоб нашей комнатой завладеть!

Женька призадумалась над услышанным. Было ясно, что всё это – либо бред, либо издевательство, либо что-то иное. Также было понятно, что Галька полностью раскололась и больше ей рассказывать нечего. В это время Дарья Михайловна слабенько шевельнулась и застонала. Женька, не обратив на это внимания, от предельной сосредоточенности взяла да и облизала губы с громким присосом, поскольку кетчуп на них уже надоел. Вот это было ошибкой. Пока старуха приподнимала голову, молодуха лишилась чувств. Но Женьке, конечно, было уже плевать на них на обеих. Выбежав из квартиры, она захлопнула дверь, выдернула ключ из замка и ринулась к Гиви.

Тот уже красил вторую раму окна и напевал песенку. Из соседней комнаты звучал хохот трёх или четырёх баб. Судя по всему, голос у Серёжки прорезался, чем он не преминул воспользоваться для всяческого словесного идиотства. О его

склонности вечно врать, шутить и паясничать Женька знала от Ирки. От Аси же она знала, что он уже упустил свой последний шанс, спасти его невозможно. Ася это сказала, внимательно ознакомившись с результатом клинического анализа его крови, который Ирка скинула ей на почту.

Пел Гиви что-то тоскливое, по-грузински. Увидев Женьку, он замолчал и уронил кисточку.

– Ты чего? – изумилась Женька, успевшая за одно мгновение повернуть вторичную рокировку ключей на гвоздике.

– Ты что, ранена? – вскричал Гиви, – откуда кровь?

Женька поняла, что речь идёт о ночнушке. Пришлось небрежно расхохотаться, чтобы грузин не паниковал.

– А, вздор! Пустяки. Тампон прорвало. Слушай, Гиви, слушай! Дмитрий Романович где живёт?

Несмотря на хохот, который перепугал прохожих на улице, Гиви сразу не смог опомниться.

– Что? О чём ты меня спросила?

– Дмитрий Романович где живёт? Ну, этот, седой, с длинными усами!

– Да здесь, на первом. Следующая дверь слева.

Женька сообразила, что ей нетрудно было бы и самой догадаться – она ведь уже оббегала три квартиры из четырёх, имевшихся на площадке. Но от обилия информации голова трещала по швам. Ещё раз смотавшись к Ирке, Евгения Николаевна положила ключ на прежнее место и, подойдя к двери Керниковских, вдавила кнопку звонка. В квартире за-

тренькало. Керниковский открыл мгновенно. Должно быть, он стоял рядом с дверью. При виде его лица Женька опять вспомнила, что опять забыла переодеться.

– Ещё раз здравствуйте, – проронила она сухим и официальным тоном, дабы перенаправить центр внимания с пу-
стяков в деловое русло, – у меня есть к вам пара вопросов, Дмитрий Романович. Вы не будете возражать, если я войду?

– Думаю, что вам следует сделать это незамедлительно, – был ответ, – по подъезду дети иногда ходят.

– Благодарю. Но не беспокойтесь – это не кровь, а кетчуп. Сказав так, Женька вошла. Маринка, которая выезжала из своей комнаты в коридор, слышала её пояснение, и знакомство прошло нормально, без криков. Дмитрий Романович предложил чайку или кофейку. Женька без раздумий дала согласие, потому что жрать ей хотелось сильно и она знала по опыту, что к чайку или кофейку всегда прилагаются бутербродики. И все трое расположились на кухне. Покуда Дмитрий Романович торопливо варганил кофе и бутерброды, Маринка с Женькой разговорились.

– Да, ты на Ирку очень похожа, – сказала первая, улыбаясь, – только она чуть-чуть похудее.

– На полтора килограмма всего, – уточнила Женька, глубокомысленно барабаня пальцами по столу с голубой клеёнкой, – а ты похожа на Ритку.

– На Ритку? Кто эта Ритка?

– Ритка Дроздова. Мы с Ирккой лет пять назад ей сдавали

комнату. Впрочем, цвет волос у тебя немножко другой. Хочешь, перекрашу? Я могу сбежать, краску купить.

– Сбегай и купи, – сказала Маринка. Она всё поняла сразу, в отличие от отца, который остался в полном недоумении от внезапной идеи Женьки. За зиму у него ухудшилось зрение, а к врачам он не обращался.

– Папочка, ты дашь денег на краску? – строго спросила у него дочь.

– Не надо никаких денег! – вскричала Женька, – у меня есть! Не бойся, дешманскую не куплю. Где здесь магазин? Сегодня торговый центр, кажется, на ремонте.

Дмитрий Романович улыбнулся, ставя на стол две тарелки – с печеньем и бутербродами.

– Ах, Евгения Николаевна! Перестаньте. Я, как и вы, кандидат наук. Поэтому знаю, какая у вас зарплата. Деньги на краску я дам.

– Я не кандидат никаких наук, – покраснела Женька, – я доктор! Ну, в смысле, врач Скорой помощи. Ирка вам, может быть, врала, что я – недоучка, но она врёт. Я, не в пример ей, работаю по специальности!

– Судя по твоей рабочей одежде, твой постоянный клиент, то есть пациент – сеньор Помидор, страдающий кровохарканьем, – улыбнулась Маринка. Женька вздохнула, усилив темп барабанной дроби ногтями страшной длины и яркости. Когда Дмитрий Романович сел за стол, сперва водрузив на него три чашки, она сказала:

– Ну, хорошо. Я вам объясню, почему на мне ночная рубашка Ирки.

– Да потому, что это – самый приличный и самый чистый предмет Иркиной одежды из всех оставшихся, – иронично предположила Маринка, – ты, вообще, не в ужасе от того, что с ней происходит?

– Мариночка, если б Женя не была в ужасе, то, наверное, не приехала бы сюда, – заметил Дмитрий Романович, размешав в своём чёрном кофе три ложки сахара, – все мы в ужасе! И велик он из-за того, что всё это происходит с очень талантливым человеком. Ты знаешь, Женечка, вчера Ира впервые за двадцать дней своего пребывания здесь села за рояль!

– Её потом долго били? – спросила Женька, также запустив ложку в сахарницу. Маринка от подслащения отказалась.

– Наоборот, – сказал Керниковский, – была орация! Здесь полгорода собралось. Рояль очень громогласный.

– Полгорода собралось? Это интересно. Так она что, играла перед открытым окном, совершенно голая?

– Нет, в трусах, – сказала Маринка, поднося чашку к губам, – но какая разница? Лично я не могу понять, как голая девка может быть интереснее Моцарта! Или Баха. Или Вивальди.

– Теоретически всё возможно, – не согласился Дмитрий Романович, – а практически и подавно. Голая девка – штука непредсказуемая.

Евгения Николаевна сделала отрицательный жест и уныло вгрызлась в бутерброд с сыром, иногда всасывая глоток горячего кофе. Эти занятия не мешали ей говорить. Она заняла сторону Маринки, сказав:

– И я не могу этого понять, особенно если это голая девка с пустой башкой и полным отсутствием воспитания! Когда Ирочка переехала, все жильцы нашего подъезда договорились, что каждый год они будут отмечать этот день как праздник. А я жила с ней в одной квартире! С рождения! Представляете?

– Женька, на твоём месте я бы даже и не рождалась, – цокнула языком Маринка, – бедная девочка!

Когда Женька съела три бутерброда с твёрдым голландским сыром и один с плавленым, ей напомнили о её желании объяснить, почему Иркина ночнушка имеет столь необычный облик и содержимое. Женька очень долго молчала, обдумывая ответ. А потом сказала:

– Дмитрий Романович, я вам всё объясню. Но сперва хочу задать вам один вопрос, как опытному историку и философу.

Керниковский молча наклонил голову. Его дочь глубоко зевнула. Но, когда Женькин вопрос прозвучал, насмешливый рот захлопнулся очень звонко. Этот вопрос был таков:

– Скажите, Дмитрий Романович, разве все священники – упыри?

– Да, вопрос, действительно, философский, – мрачно признал педагог, – но он очень многогранен. Ты, может быть,

пояснишь, на каком фундаменте он возник?

Женька согласилась и объяснила. Её не перебивали. Ещё бы! А потом долго длилась растерянность.

– Всё понятно, – промолвил Дмитрий Романович, – значит, Галочка утверждает, что Ирка сладко спала, во сне улыбалась, а рядом с ней сидел за столом монах? И что-то писал гусиным пером на листе пергамента?

– Да, всё так, – подтвердила Женька.

– И Галя убеждена, что этот монах – упырь, считая его упырём лишь по той причине, что он – монах с гусиным пером? Других доказательств нет? Да и не нужны они?

– Да, всё так, – повторила Женька и цапнула бутерброд с финской колбасой. Её собеседник так глубоко задумался, что хотел было закурить, но вовремя спохватился, вспомнив, что он находится не на улице, и отдёрнул руку от сигарет. Тут подала голос Маринка:

– Папа, да что ты ломаешь голову? Этой Гальке всё померещилось! Ведь она ненормальная, как и её мамаша! Она давно помешалась на упырях. Ты чего, не знаешь? Все мужики, которые ей не нравятся – упыри, сосущие её кровь. А главный упырь – её бывший муж, который из-за неё чуть не спился! Васька!

– Упырь Лихой, – вдруг проговорил Керниковский и торжествующе поглядел сначала на Женьку, потом – на дочь. Обе удивились. Переглянулись.

– Упырь Лихой, вы сказали? – с тревогой спросила Жень-

ка, – что это значит?

– А это значит, что в первой половине одиннадцатого века в Новгороде жил некто Упырь Лихой. Упырём он не был. Но не был он и монахом. Он был попом. Но Галька не отличит попа от монаха. Короче, Упырь Лихой. А вот почему его так прозвали – убей, не помню. Возможно, даже не знаю. Этот Упырь Лихой занимался тем, что безвылазно сидел в келье и переписывал для Владимира, старшего сына Ярослава Мудрого, книги пророческого содержания. Ведь печатных станков тогда не существовало! Ещё про него известно, что он был великий постник – ел только хлеб с отрубями, которым делился с мышками. Вот тебе и ответ.

Изо рта у Женьки выпал кусок финской колбасы.

– А при чём здесь Галька?

– Галька при том, что Маринка правильно говорит, она помешалась на упырях и наверняка про них в Интернете роет частенько. Вот и наткнулась на это имя – Упырь Лихой. Конечно, у неё в памяти отложилось, что этот Упырь Лихой был священником. Значит, все священники – упыри. Логика железная.

– Ну а каким образом этот Упырь Лихой оказался в комнате рядом с Иркой? – не унималась Женька, – это нелепость, Дмитрий Романович!

– Абсолютная. Он засел у Гальки в башке на определённом уровне подсознания, потом взял да и примерещился в шесть утра, спросонок. Возможно, что она видела этого Упы-

ря Лихого во сне, и сон незаметно перемешался с явью. Такое часто бывает с некоторыми людьми очень ранним утром.

– Бывает и не такое, – весело подтвердила Маринка, налив себе ещё кофе, – особенно в этом доме! Это волшебный дом. Некоторые граждане видят здесь иногда слонов, крокодилов и носорогов. Я уж не говорю про чертей!

Доев бутерброд, Женька молча встала и вышла с туманным, мрачным и ледяным настроением. На площадке она почувяла, что из логова её жертв, напуганных кетчупом, вкусно пахнет ягодным пирогом. Подойдя к их двери, она нажала на ручку. И дверь открылась – после того, как мнимая Ирка слилась, никто к этой двери не прикасался. Дарья Михайловна и Галина опять сидели на кухне и громко спорили, были ли смысл Галине выходить замуж за Лёшку, который умер. Снова увидев Женьку, они умолкли и побелели. Пирог стоял на столе. Он был офигенный. Женька его взяла и пошла к себе. То есть, к Ирке.

Глава десятая

Керниковский, как выяснилось, не зря предостерегал о большой опасности столкновения в доме с мелкими паразитами. Когда Женька с пирогом вышла, в подъезд ввалилось человек семь подростков во главе с Олей и Юлей. Все они шли к ним домой, чтобы вытянуть из-за шкафа интернет-кабель, который был уже там не особо нужен, благодаря

вай-фаю. Зато ему нашлось применение в другой области. С его помощью представлялось возможным осуществить замер глубины городского озера, дабы выяснить, действительно ли оно сливается с Атлантическим океаном возле американского побережья, как уверял священник из монастырской церкви, или это враньё и дно всё же есть. Увидев пирог, сопливые скептики и кощунники на одну минуту остолбенели, ибо Галина умела печь пироги не хуже, чем сплетничать. Женька также остановилась, поскольку путь был закрыт. Её ночная рубашка не привлекла детского внимания. Оно слишком было поглощено шедевром кулинарии. В конце концов, Оля с Юлей подняли всё же глаза на вампирский лик Евгении Николаевны и узнали свою фейсбучную подружницу.

– Привет, Женька! – сказала Юля, облизываясь.

– Привет.

– Ты чего, приехала?

– Типа, да.

– А это пирог с черникой? – спросила Оля.

– Типа того.

– А ты медсестра? – спросил белобрысый мальчик. Женька взбесилась. Она начала орать, что Ирка – тупая, гадкая, лживая идиотка. Затем от избытка чувств она понесла такую хреновину, что когда подростки спросили, сколько же ей, окончившей все университеты Европы, лет, пришлось отдать им пирог, чтоб этот вопрос замять. Так и разошлись.

Ворвавшись в квартиру, Женька ударила кулаком по ролю, который весь загудел, взяла свой смартфон и набрала Асе. Пока звучали гудки, она сняла тапки, запрыгнула на роля и расположилась на нём, как кошка.

– У меня ровно десять минут, – негромко предупредила Ася, – я сижу в очереди к юристу. Ты у сестры?

– Если это можно назвать сестрой, – усмехнулась Женька и весьма сжато, но красочно изложила все свои приключения. Ася страшно развеселилась.

– Упырь Лихой – это блеск! – цокнула она язычком, – думаю, больничный через неделю тебе продлит Парацельс. Или Гиппократ. Что же ты намерена делать дальше? Каковы следующие шаги?

– Набить Ирке морду и навестить эту старушонку, Анну Лаврентьевну.

– Ту, которой твоя сестричка отдала пуговицу с орлом за транквилизаторы?

– За рецепты.

– Зачем тебе эта пуговица?

– Не знаю! Мне кажется, что она имеет какое-то отношение к смерти этих двух алкоголиков. Покажу её Керниковскому.

– Ты сначала выцарапай её у этой старухи, – хмыкнула Ася, – ночнушка с кетчупом её может не впечатлить.

– Что-нибудь придумаю. Круто, кстати, что ты напомнила про ночнушку! Пару секунд повиси.

Отложив мобильник, Женька стянула с себя рубашку, злобно отбросила её прочь и вновь слилась с Асей.

– Всё, я сняла эту помидорную тряпку!

– Зря ты сперва не включила видео, мне охота было взглянуть! А что там сейчас на тебе осталось?

– Трусы и лифчик. Здесь очень жарко, трубы ещё горячие. Слушай, Аська! Тут у меня возникла идея.

– Женечка, постарайся ею блеснуть как можно короче! Если вдруг что, пришли мне голосовое. Тот, кто передо мной, вошёл в кабинет.

– Тогда не перебивай, – разозлилась Женька, – короче, такой вопрос. Ты можешь найти этого провокатора-подстрекателя из подразделения по борьбе с эльфинизмом, который девочек посадил? Ну, тех, Аню с Машей? Ты ведь ведёшь переписку с их адвокатшей! Нельзя ли как-нибудь с её помощью откопать этого прекрасного человека?

– Он засекречен, – сказала Ася, – но средства массовой информации его, кажется, рассекретили. А зачем он тебе, Евгения?

– А вот я бы с ним познакомилась, привезла бы его сюда, в Иркину квартиру, да запихнула бы его ночью вот в эту самую комнату, где стоит волшебный рояль! Как тебе идея?

Ася вздохнула.

– Женечка, ты ребёнок! Во-первых, он – не дебил, чтоб с тобой знакомиться и, тем более, ехать чёрт-те куда. Во-вторых, я вижу в твоей идее ещё парочку изъянов.

– Что ты имеешь в виду?

– Изъян первый: упырь упыря не тронет. Изъян второй: тот, кто будет писать про тебя роман, окажется вынужденным затронуть и этот важный аспект. Если на страницах романа появится провокатор из центра «Э» с эрекцией на Эзопа, автора упакуют за экстремизм. Мне его заранее жаль.

– Кто такой Эзоп?

– Эзоп – это тот, кто делает попы из жоп. И плюётся кетчупом.

– Чёрт возьми, – задумалась Женька, – это проблема! Но я подумую.

– Думай. Как там Серёжка?

– Хрипит. Говорит с трудом. Пульс – около сотни, температура всё время за тридцать восемь.

– В больницу его вези! Пусть это случится там. Иначе потом ...

– Да он не бревно, чтоб его везти! – опять распалилась яростью Женька, сжав телефон, – и не провокатор! Он – человек!

– Я с тобой согласна... Ой, всё, пока!

Раздались гудки. Было уже два часа дня. Соскочив с рояля, Женька с трудом нашла свою лупу и стала производить осмотр места происшествия. Для начала она, понятное дело, обследовала рояль – сдувала пылиночки с каждой клавиши, поднимала крышку, дёргала струны. Даже вползала под инструмент, хоть пыли там было столько, что пришлось долго

чихать. От этих ужасных звуков рояль постанывал. Потом Женька очень внимательно изучила мебель, убогую бытовую технику, свою собственную гитару, шторы и подоконники. После этого начала исследовать половицы. За этим делом её и застала Оля, которую прислала расчувствованная бабушка. Валентина Егоровна попросила внучку вручить Евгении Николаевне кабачок, в обмен на пирог с черникой. Самостоятельно открыв дверь и сразу увидев почти раздетую Женьку, ползавшую на четвереньках с лупой в руке, Оля удивилась.

– Ты чего делаешь?

– Я ищу крошки упырей для мышей, – ответила Женька, – тьфу! То есть, отрубей. Нельзя исключать, что Упырь Лихой мог их притащить на своих лаптях.

Оля убежала, молча положив овощ на табуретку в прихожей. Женька его вскоре обнаружила и до крайней степени удивилась – откуда взялся? Естественно, он был также обследован на предмет экстремизма... тьфу, упыризма! Ещё через пять минут в квартиру вошли три кумушки – Валентина Егоровна, Галина Васильевна, Роза Викторовна. Они приволокли Ирку, сказав ей, что её Женька сошла с ума. Ирка упиралась, крича, что там никакого ума никогда и не было и что если Женька вправду припёрлась, пусть её, Ирку, тащат не к ней, а к матери и к отцу на Новокосинское кладбище. Вслед за этой процессией шли и все остальные жильцы подъезда, кроме двоих – Серёжки с Маринкой. Их заменяли Захарова с Андриановой. Поглядев на высоко задран-

ный Женькин зад в узеньких трусах, полтора десятка мужчин и женщин вполголоса обменялись разными мнениями. Потом Керниковский решил уйти, пока не всплыла информация о его причастности к катастрофе с Женькиной головой. Ушли и Галина с Дарьей Михайловной, удручённые тем, что их одурачили.

Пока Ирка выла и верещала, что Женька – дрянь, тупица и недоучка, её младшая сестра подползла вплотную к её ногам – а Ирка была босиком, и стала рассматривать через лупу ногти, с которых лак давно слез. И вдруг она задрожала всем своим телом, сложенным втрое.

– Ирка! Грани и цвет ногтей говорят о том, что у тебя – большая предрасположенность к раку прямой кишки! Сейчас я их сфоткаю и отправлю снимки специалистам! А потом сфоткаю твою задницу!

Тут у Ирки сразу все её волосы встали дыбом. Забыв о том, что Женька – тупица и недоучка, она мгновенно вытолкала всех вон и стала снимать трусы. Но Женька уже от хохота за живот держалась, вставая на ноги.

– Ха-ха-ха! Вот дура! Я развела тебя, как лохушку! Подохнешь ты не от рака, а от удара молнии, потому что башка у тебя – чугунная! Как горшок! Ой, я не могу!

– Немедленно выметайся, – глухо проговорила Ирка, натягивая трусы и сдвигая брови, – чтоб твоего поганого духу не было здесь через полчаса! Ты всё поняла? Даю тебе полчаса, чтоб ты убралась! Ни минуты больше!

– Нормально ты размечталась, – рассвирепела и Женька, – но только хрен тебе, дорогая! Я – на больничном. Уеду я отсюда через пять дней, и то лишь в том случае, если ты перестанешь жрать психотропные препараты и запивать их водкой! А если не перестанешь, я задержусь на неопределённое время и буду здесь заниматься музыкой!

Указательный палец Женьки с длинным и красным ногтем вытянулся к футляру с альт-саксофоном. Увидев этот предмет, Ирка вся от ярости затряслась. Облизала губы.

– Ты не учитываешь одно, – сказала она, – я эту квартиру снимаю официально! И если я вызову полицию, тебя вышвырнут вместе с этой твоей трубой! И мало того – к тебе на работу поступит сигнал о том, что ты совершила противоправное действие.

– Офигенно ты размечталась, – фыркнула Женька, – но только хрен тебе! Вызовешь ментов – я пойду пить кофе к Маринке. Менты уедут – вернусь. Дубликат ключа я сделать уже успела. Когда ментам надоест сюда приезжать, они на тебя пожалуются хозяевам. Не боишься потерять хату?

– А я другую сниму!

– На какие деньги? Ты на колёса подседа крепко. С работы тебя уволят к чёртовой матери, если ты не предъявишь больничный лист! Кто, кроме меня, тебе его сделает?

Ирка молча прошла на кухню. Сев левым боком к столу, закинула ногу на ногу и, сцепив на коленке руки, мрачно насупилась. Как сова. Немедленно к ней присоединившись,

Женька заметила, что зрачки у неё нормальные, взгляд – задумчивый.

– Видишь, Ирка, сколько проблем, – продолжала Женька, воспламенив под чайником газ, – не проще ли перестать идиотничать? А?

– Не надо меня лечить, – огрызнулась Ирка, – лечи Серёжку, если ты так поумнела!

– Ирка! Серёжка умрёт счастливым. Он прожил жизнь, которой доволен, и у него – до фига друзей. А ты всё ли сделала для того, чтоб сдохнуть без сожаления?

– Я сказала, Женька, не надо меня лечить! Ты чего, тупая?

Чайник за три минуты вскипел. Женька сполоснула две кружки и приготовила кофе. Открыв затем холодильник, она увидела молоко, яйца и чеснок. Срок годности молока пока не истёк. Старшая сестра от кофе не отказалась, но не взяла ни сахар, ни молоко. Она пила очень крепкий и горький кофе. После всего лишь пары глотков лицо у неё стало проясняться. На нём возник небольшой румянец. Женька, следя за ней, поняла, что транквилизаторы доставляли Ирке больше мучений, чем удовольствия, и она сама бы с них соскочила. Только вопрос, на что?

– Я хочу забрать золотую пуговицу у бабки, – сказала Женька, – давай пойдём за ней вместе?

– Я не пойду, – ответила Ирка и почесала башку со спутанными и грязными волосами, – у меня очень туманная голова и слабость в коленках. Я лягу спать.

– Сперва напиши мне ноты.

– Какие ноты?

– Те самые, что звучат по ночам за стенкой. Я правильно поняла, что они всё время одни и те же звучат?

– Как ты задолбала! Дай мне бумагу и карандаш. Здесь их не ищи.

Женька побежала к Маринке. Вернувшись через минуту, она смахнула со стола крошки, после чего положила перед сестрой листок из блокнота и маркер. Ирка, корча рожу очень брезгливую, буквами написала следующие ноты: ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль.

– И ни одного диеза, ни одного бемоля? – спросила Женька, забрав у сестры листок.

– Евгения, хватит умничать! Написала я всё, как есть.

– Это удивительно!

Скребя ногтем горбинку своего носа, Евгения Николаевна прошла в комнату. Там она убрала листок в карман пиджака, оделась и выбежала на улицу. Было уже четыре часа. Выглянуло солнце. Во дворе дети играли с Громом, который вышел гулять, и с рыжим котёнком. Выяснив у детей, в какой стороне четвёртый подъезд, Женька устремилась в ту сторону. Две живые игрушки вдруг поскакали следом за ней.

Женьке посчастливилось успеть вовремя. У подъезда стояла толпа жильцов. Они наблюдали, как санитары несут к специальной машине чей-то небольшой труп. Труп был запакован в чёрный пакет. Женька не особенно впечатлилась

зрелищем – слава богу, досыта навидалась она трупешников и в пакетах, и без пакетов, и даже мелко разрезанных на кусочки. Практика ведь была не только в больницах, но и в ещё менее весёлых местах! И котёнок с Громом не впечатлились.

– Анна Лаврентьевна здесь живёт? – строго обратилась Женька к пожилой женщине, прижимавшей к губам платок. Дама поглядела на Женьку странно.

– Да вот, уже не живёт.

– Ах, мать твою за ногу! – не сдержала Женька досаду, – давно она переехала?

– Да вот, как раз сейчас и переезжает.

Тут голова у Женьки включилась. Старуху уже грузили. А нужно было всё выяснить! Женька бросилась к санитарам и стала требовать, чтобы ей показали тело. Но санитары грубо её послали, не испугавшись Грома, который на них рычал. Закрыв за мертвецом дверцы, сели они в кабину. Машина тронулась.

Тогда Женька помчалась опять к жильцам, которые расходились, и стала громко кричать, топая ногами, чтоб ей объяснили всё. Но жильцы помалкивали, глядели на Женьку косо. И вдруг какой-то мужик, в котором благодаря тельняшке и прочим разным нюансам нетрудно было узнать десантника, повернулся к ней своим неприятным, злым и асимметричным лицом.

– Тебе-то какое дело до этой бабки? Ты кто такая?

– Моя сестра отдала ей пуговицу с орлом, – объяснила

Женька, – на время!

Мужик задумался.

– Золотую, что ли?

– Да, золотую! Вы её сын? Вас Виктор зовут?

– Орёл, значит, к ней влетел, – произнёс мужик, будто не услышав вопроса, – а орёл – птица! Птица влетает к смерти. Примета верная, я сто раз убеждался в этом! Надо сказать большое спасибо твоей сестре.

– Да вы лучше пуговицу отдайте!

Бывший десантник окинул Женьку таким казарменным взглядом, что она съёжилась. Он глядел на неё целую минуту, а затем медленно повернулся и зашагал к подъезду.

– Да как она умерла? – заорала Женька, – говори, сволочь!

Вопрос с таким прибавлением был услышан.

– Повесилась, – сказал Виктор и потянул на себя тяжёлую дверь, только что закрывшуюся за целым десятком его соседей.

Глава одиннадцатая

Краску Женька всё же купила. Дмитрий Романович возместил ей расходы. Почти до восьми часов она помогала Маринке сделаться ярко-рыжей, чтоб больше не было видно двух или трёх седых волосков, которые один только Керниковский не замечал. Потом притащилась Ирка с вымытой головой и с гитарой. Пока она разбирала с Маринкой

гаммы и интервалы, её сестра проводила время на кухне с не меньшей пользой, поскольку Дмитрий Романович захотел её впечатлить своими гастрономическими творениями. Был борщ, крабовый салат, бараньи котлеты, жареная картошка и пирожки. Женька не особо стеснялась, так как была опять очень голодна. За борщом она рассказала о суициде Анны Лаврентьевны.

– Это грустно, но объяснимо, – заметил Дмитрий Романович. Он был очень спокоен. Женька от изумления подавилась и долго кашляла. Потом взвизгнула:

– Объяснимо? Вы что, согласны с её сынком-алкоголиком?

– Нет, конечно. Пуговичный орёл в этом абсолютно не виноват. Тут дело в другом, к сожалению. Этой бедной старушке назначили психотропные препараты именно для того, чтоб она не впала в депрессию. А она отдала их Ирке.

– Мать моя женщина! – ужаснулась Женька, выловив из борща приличный кусок говядины, – значит, Ирка её убила?

– Можно сказать, что да. Конечно же, Ирка не понимала, что делает. Лучше ей об этом не знать. Как ты полагаешь?

– Но ведь Маринка сейчас ей выложит всё! Или уже выложила! Я сдуру Маринке эту историю растрепала, пока мы волосы красили!

– Не волнуйся, Маринка сдуру не треплется. Ирка наверняка рано или поздно узнает, но – лучше поздно, чем рано. Она ещё мутноватая.

Две довольные гитаристки явились к чаю и к пирожкам.

– Лиса Патрикеевна, – весело поглядел Керниковский на волосы своей дочери. Та хихикнула.

– Раньше я была у тебя ворона, теперь – лисица. Ты, папа, прямо Крылов!

– Жан де Лафонтен, – сумничала Ирка, – Крылов ведь все свои басни у него свистнул!

– Не все, а некоторые, – поправил Дмитрий Романович, наливая девушкам борщ, – тогда, двести лет назад, считалось постыдным и неприличным воровать всё. Дремучее было время!

– Кстати, вы знаете, что ближайшим летом в нашей стране будет проводиться чемпионат мира по футболу? – спросила Женька. Все закивали – да, мол, доковылял этот слух до нашей глухой деревни. Женька продолжила, интригуяще надкусив пирожок с картошкой:

– А я теперь точно знаю, что Галька не наврала! Да, да, она видела упыря! И он ей не померещился.

– Зато мне померещилось, что моя сестра перестала быть идиоткой, – вздохнула Ирка. Она ещё ничего не знала о наглых выходках упырей у неё под носом, так как Маринка и вправду не отличалась дурной болтливостью.

– Ирочка, в твоей комнате был замечен упырь, – надела на Ирку Женька, – это произошло очень ранним утром, когда рояль уже смолк, а ты ещё не проснулась. Упырь в обличье попа сидел за столом и что-то писал гусиным пером на листе

пергамента!

– По всей видимости, донос, – улыбнулась Ирка, начав есть борщ, – кому, как не упырям, быть пламенными борцами с нетолерантностью? А я в среду разожгла ненависть и вражду к одной социальной группе.

– К какой, если не секрет? – спросила Маринка, дую на ложку с красной вкуснятиной, – к упырям?

– Хуже! К феминисткам. Я написала в Фейсбуке, что блогеры – все козлы. Две блогерки-феминистки почувствовали себя и всех других блогеров оскорблёнными этим гендерным обобщением. Обозвали меня бревном! А я возразила, что не бревно я, а трость надломленная, поэтому никогда не смогу удовлетворить феминистку.

Дмитрий Романович промолчал, а Женька задрала нос, давая понять, что именно это она и имела в виду, когда говорила о полном отсутствии воспитания и мозгов у кое-кого.

– Ну, это ты ещё слабенько разожгла, моя дорогая, – махнула рукой Маринка, – а, впрочем, кибер-полиция за тебя возьмётся наверняка! Поборники толерантности, равноправия всех полов и свободы слова тоже не успокоятся, пока ты за свою дремучесть в тюрьму не сядешь.

– Кибер-полиция? – испугалась Ирка, – она уже создана?

– Пока ещё вроде нет. Но пропагандоны прямо уже заливаются соловьями, что она очень нужна.

– Ещё бы, ведь соловьёв не баснями кормят, – заметил Дмитрий Романович, – а Лиса Патрикеевна даже кибер-по-

лицией не подавится. Но, конечно, всё это удивительно! Неужели им ещё мало?

– Папочка, ты ведь знаешь – им всегда мало, – проговорила Маринка, взяв пирожок. И все призадумались. Тогда Женька, хоть и была разозлена тем, что резко свернули с вампирской темы – а, впрочем, не очень-то и свернули, стала рассказывать Керниковским про Аню с Машей. Но Керниковские, оказалось, не первый месяц следили за их судьбой.

Ирка и Маринка давно уже пили чай, когда вдруг затренькал дверной звонок. Всем стало не по себе – вдруг кибер-полиция, незаметно созданная? Но выяснилось, когда Керниковский рискнул открыть, что это Галина Васильевна принесла баночку варенья. За стол она отказалась сесть – дескать, много дел, извините!

– Какие ж у вас дела, Галина Васильевна? – не поверил Дмитрий Романович, – внуки с дочкой вашей живут, а полы вы мыли вчера! Попейте с нами чайку.

– Да надо с Серёженькой посидеть, – вздохнула соседка, – он ведь один сейчас! Гиви с Аликом где-то шляются.

Две сестры вернулись домой в без пяти одиннадцать, причём младшая почему-то с карандашом, который она позаимствовала у Керниковского. Ирка сразу улеглась спать, потому что чувствовала большое недомогание. Женька попереписывалась в Фейсбуке и в Телеграме, сидя на кухне. Затем она пошла мыться. К Ирке она пристроилась ровно в полночь, когда весь дом погрузился в мёртвую тишину. И сразу

же за стеной зазвучал рояль.

Ирка не проснулась. Она была, действительно, мутновата. Её младшая сестра, конечно, даже и не подумала сомкнуть веки. Она прислушалась. Темп звучания нот был медленным. Ноты были именно те, которые написала Ирка: ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. И в этой последовательности они повторялись из раза в раз. Между повторениями выдерживались короткие интервалы, пять-шесть секунд.

Женька истекала холодным потом. План действий у неё был, но он разрабатывался при свете яркого солнышка, а теперь, в ночной тишине, попробуй реализуй этот лихой план! Легче застрелиться. Рядом сопела Ирка. Она лежала к Женьке спиной. В окно сквозь решётку мрачно светила луна – кровавая, страшная. Ну, спасибо!

Женька смогла преодолеть страх. Соскочив с дивана, она пошла босиком на кухню и по дороге включила в прихожей свет. На кухне же света не было. Вероятно, перегорела лампочка. Нужен был Женьке чеснок – вернейшее средство от упырей. Взяв из холодильника две головки, она очистила их, а затем достала из шкафа тёрку и начала растирать чеснок над большой тарелкой в мелкую кашу. Рояль играл и играл. Было очень жутко.

С горкой растёртого чеснока в тарелке Женька заперлась в ванной. Поставив тарелку в раковину, она приступила к реализации второй части своего плана – то есть, сняла белё и стала втирать чеснок в свою кожу по всему телу, чтобы

пропахнуть им до костей. Конечно, имелась у плана и третья часть, а именно – героический заход в комнату, где звучал проклятый рояль. Да, он всё звучал! Натирая тело от нижней стороны пяток и до корней волос мерзкой хренью, Женька внезапно поймала себя на том, что делает это медленно и трясущимися руками, и всё прислушивается – не смолк ли чёртов рояль? Нет, он не смолкал. И стала она себя подгонять: «Веселей, трусиха! Чего трясёшься? От чеснока упыри за одну секунду грохнутся в обморок, и тогда...» А вот что тогда, Женька и не знала. Но уж на месте, конечно, будет виднее!

Когда чеснок был частично втёрт, частично уронен на пол, Женька решительно провела ладонью по волосам, по лицу, отдёргнула шпингалет и толкнула дверь. Ага! Щас! Дверь и не подумала шелохнуться. Она была как будто прибита к прилолке гвоздями. У Женьки от неожиданности возникла слабость в ногах, и она присела, схватив руками колени. Но сразу выпрямилась. Ей вспомнился рассказ Ирки о её первой ночи в этой квартире. Как и тогда, кто-то очень сильный удерживал дверь снаружи. Её нельзя было сдвинуть даже на миллиметр. Она вросла. Она превратилась в стену.

Женька не стала долбиться об эту дверь. Не стала звать Ирку, хоть её первым желанием было сделать именно это. Нет! Какой смысл? Если проиграла, то проиграла. Чего было лишний раз позориться перед Иркой? Опять придав шпингалету закрытое положение, Женька прыгнула в ванну, пу-

стила воду на душ и начала тщательно отмываться от чеснока, больно растирая тело мочалкой. Из её глаз текли слёзы. То были слёзы стыда, досады, бессильной ярости. Проиграла! Весь её план накрылся!

Когда она вытиралась и надевала трусы, рояль всё ещё стонал – ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль, и опять по сто пятьдесят девятому кругу вся эта тягомотина! Но когда, как гром среди ясного неба, чирикнул дверной звонок, кошмарная упырятина прекратилась. Да, рояль стих! Но Женьку сразило не столько это, сколько сам факт звонка. Кого принёс дьявол ночью? Как сможет она открыть, если дверь этой сучьей ванной не открывается? Но внезапно опять случилась хреновина, да притом ещё более интересная! Когда Женька, натянув лифчик, всё же отщёлкнула шпингалет и на всякий случай тронула дверь, та вдруг почему-то открылась. Сразу! Легко! Женька чуть не сохла. Звонок чирикнул опять. Ошалело выскочив в коридор, Евгения Николаевна подбежала к наружной двери.

– Кто там?

– Открой, открой! Помоги! – прозвенел за дверью девчачий голос, – Серёжке там совсем плохо!

– О, господи боже мой! – завизжала Женька, борясь с замками, засовами и цепочками, – Ирка, сволочь! Иди сюда!

Но раньше, чем Ирка выбежала из комнаты, все проклятые механизмы сдались, и Женька открыла дверь. Перед ней стояли Оля, Юля и Гром. Две девочки плакали. Гром ску-

лил и поджимал хвостик. Все пятеро – полуголая Ирка тоже примкнула, бросились к умирающему. Там были уже Галина Васильевна, Валентина Егоровна, Роза Викторовна с супругом, Ленка Смирнова, Гиви и Алик. Они стояли возле дивана, боясь что-либо предпринимать. И правильно делали. Голова Серёжки моталась по грязной, влажной подушке, глаза закатывались. Ему не хватало воздуха. Разумеется, Женька трогать его не стала. Вырвав у Ленки смартфон, набрала три цифры.

– Скорая помощь, – ответил ей женский голос.

– Мужчина, тридцать шесть лет, – стала профессионально чеканить Женька, – у него острая пневмония на фоне СПИДа. Он задыхается и теряет сознание. Пульс – сто десять, температура – сорок и две десятых.

– Адрес, пожалуйста.

До приезда Скорой никто не произносил ни одного слова. Гром лишь пытался что-то сказать. Смирнова беззвучно плакала, утирая слёзы ладонью. Никто не спросил у Женьки, которая неподвижно сидела в кресле, подвернув ноги под задницу, почему от неё так прёт чесноком. Она уже вспомнила, что забыла вымыть башку. Но её это не смущало. Страшная была ночь. Городок, казалось, не спал, а умер. Минут за пять до бригады тихо вошёл Керниковский. Он был с самого начала, но уже в третий раз выходил курить около подъезда.

Женщина-врач и мальчишка-фельдшер прибыли ровно в три.

– Вы все – его родственники? – устало спросила врач, пощупав Серёжке пульс и поговорив с Женькой, которая не вставала с кресла.

– Соседи, – ответил Дмитрий Романович, – что вы нам скажете, доктор?

– Какие тут разговоры? Реанимация.

К водителю за носилками пошли Алик и Гавриил Петрович. Гиви сказал, что идти не сможет. Он уж давно сидел на полу, спиной прислонившись к шкафу, и смотрел прямо перед собой. Мальчишка в зелёной форме спросил, как он себя чувствует. В ответ были три кратких слова:

– Я не умру.

Галина Васильевна со слезами благословила Серёжку. Когда больного начали перекладывать на носилки, его глаза прояснились, и он вдруг что-то сказал. Но никто не понял его короткую реплику, кроме Грома. Гром запищал, потом начал лаять. Когда таджик и спившийся бригадир понесли носилки к дверям, он очень хотел бежать за Серёжкой. Ирка взяла маленького пса на руки. Повезли Серёжку в Центральную областную больницу, в инфекционное отделение. С ним поехали Ленка Смирнова, которой дали в дорогу пластиковую бутылку воды, и её дочь Юля. Грома забрал к себе Керниковский.

Глава двенадцатая

Вскоре после рассвета Дмитрий Романович, выпив две чашки кофе, отправился на работу, а Валентина Егоровна и Галина Васильевна пошли в церковь. Женька, которая до пяти часов мыла голову, встала в десять и разбудила Ирку. Они позавтракали в молчании. После кофе Ирка курила, взяв сигарету у Гавриила Петровича. Когда он выходил из дома, она его позвала, распахнув окно. К её наглому лицу с материнской нежностью прикоснулось солнце, всплывавшее над домами и заводскими трубами.

– Я такие только курю, – сказал бригадир, протянув открытую пачку «Примы», – ты не закашляешь? Ко мне Алик на днях приходил за куревом – чуть не сдох! А ты девка нежная, вон как шпаришь на пианине! Всё-таки правильно нам твердят из каждого утюга: курение убивает!

– Из каждого утюга, – усмехнулась Женька. Её это позабавило. Ирка, с нетерпеливой гримасой просунув руку между прутками решётки, взяла одну сигарету.

– Слушай, Петрович! Я хоть и нежная, но помру не от сигарет. Меня нетрудно убить только одной штукой. Знаешь, какой?

– Какой?

– Утюгом.

Захлопнув окно, под которым бегал рыжий котёнок, Ирка воспламенила газ, прикурила и поглядела на Женьку. Та, разложив на столе, поверх хлебных крошек, блокнотный лист, на который её сестра выписала девять проклятых нот,

с ослиной пытливостью и раздутым от напряжения носом на них тарасилась и гудела:

– Ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль!

Затем она повторила все эти ноты, но по-иному, слегка видоизменяя мелодию, а потом – ещё и ещё. Когда эта поросытина стала уже звучать по пятому разу, Ирка не выдержала.

– Ты дура?

– Я ничего не могу понять, – простионала Женька, жалобно вскинув большие кукольные глаза, готовые источить два потока слёз, – как тут разобраться? Это какой-то трэш!

– Это и есть трэш! С чем ты собралась разобраться? Бессмысленный набор нот!

– Не может он быть бессмысленным! Для чего эти упыри его постоянно долбят и долбят? Он не бессмысленный! Я пытаюсь что-то понять, читая все эти ноты по буквам и как-нибудь разделяя название каждой ноты! Или каких-нибудь нот. Вдруг что-то получится?

– А зачем тогда ты поёшь?

Женька не ответила. Раздув нос ещё шире, она опять упёрлась в листок, но уже беззвучно. Ирка курила. Да, сигарета была кошмарная, но погано было и на душе. И очень хотелось, чтоб вместо солнца и ветерка, который тянул из форточки, и мяуканья под окном котёнка был ураган и скандал. Ох, она бы сейчас тут всех размазала по стене! Будто угадав её мысли, Женька внезапно опять подняла глаза.

– Ирка, Ирка, слушай! Все эти ноты звучали неодинако-

во, с разной длительностью! А я в длительностях не шарю. Пожалуйста, укажи над нотами их размеры!

– Что указать? – прищурилась Ирка, с кровью оторванная от светлых и нежных грёз.

– Ирка, не тупи! Возьми карандашик и нарисуй над каждой из нот значок, как она звучала. Например, ми – целая нота, ре – половинчатая, соль – четверть. Ну, и так далее. Ведь в повторах длительность нот сохранялась?

– Да, сохранялась. Но не было там четвертей, восьмушек, шестнадцатых и тридцать вторых. Были только целые ноты и половинчатые.

– Тем лучше! Пожалуйста, нарисуй.

– О, я не могу уже находиться в этом дурдоме!

Бросив окурок в мусорное ведро и взяв карандаш, Ирка раздражённо сделала то, что её жалкое подобие, окончательно съехавшее с ума, от неё хотело. Женька осталась очень довольна. Только одним глазком взглянув на листок с хвостатыми и простыми кружками над каждой нотой, она сложила его, убрала в карман пиджака и бодро вскочила.

– Пошли к Маринке!

– Ох, твою мать! Я сейчас повешусь! Когда ты на хрен провалишься?

Ирке нужно было ещё одеться. Но она сделала это быстро. Вышли. Пока старшая сестра запирала дверь, младшая звонила в соседнюю. За ней радостно лаял Гром. Маринка не открывала долго. Видимо, добиралась из дальней комнаты.

Гром визжал и царапал дверь изнутри. Когда дверь открылась, он встретил двух визитёрш вполне дружелюбно, но без особенного восторга.

– Ты уже завтракала? – спросила Маринку Женька, пока её старшая сестрица гладила пса, – собаку кормила? Вам что-нибудь приготовить?

– Спасибо, нет. Мы поели.

– Тогда давай, собирайся! Пойдём на озеро.

– Как, на озеро?

– Очень просто.

Гром заскулил.

– И тебя возьмём, – заверила его Ирка. Но пёс затряс головой с большими ушами. Он хотел знать, куда от него увезли Серёжку и что там с ним происходит. Маринка в десятый раз прочла ему эсэмэску Ленки Смирновой:

– «Ему опять поставили капельницу. Он чувствует себя лучше!» Всё, Громушка, других нет. Ну так что, идём?

– Ты уже одета? – спросила Женька.

– Конечно.

Действительно, на Маринке были колготки, туфли и платье. Ирка набросила ей на плечи зимнюю куртку, а Женька пошла звать Алика, чтоб помог он снести коляску вместе с Маринкой к подъездной двери. Алика дома не оказалось. Они управились без него.

Косвенный виновник гибели Лёшки – рыжий котёнок, пил у подъезда воду из блюдечка. Три девчонки и Гром по-

звали его гулять. Но он отказался. Солнышко было тёплым только в квартире, на улице свежий ветер сводил на нет все его усилия. Но смотреть на синее небо было приятно. Прохожие узнавали Маринку, хотя она уже много лет не могла ходить, получив увечье в автомобильной аварии. Гром бежал впереди. Коляску катила Женька. Когда они обогнули угол монастыря с красивой высокой церковью и блеснуло впереди озеро, на котором только недавно растаял лёд, Маринка сказала:

– Девки, только давайте близко к нему подходить не будем! Если мы спустимся, то обратно вы меня вряд ли втащите. Берег очень крутой.

– Не твои проблемы, – сказала Женька. Ирка прибавила:

– Женька – лошадь.

Лошадь решила не отвечать, хоть и было чем. Они не спустились к самому озеру, потому что береговая кромка была совсем непригодна для инвалидной коляски. Выбрав более-менее ровное и сухое место, остановились. Гром подошёл к воде и попил. Вернулся с грязными лапами.

– Хорошо здесь летом купаться, – проговорила Маринка, глядя на водоём. Слева от него была роща, справа – дорога и монастырь. Впереди виднелся какой-то дачный посёлок. Две сестры, стоя за коляской, переглянулись.

– Да ничего хорошего, – заявила Ирка, – вода грязнущая! Я вообще не люблю купаться в озёрах и даже в реках вблизи городской черты. А ты, Женька, любишь?

– Ты знаешь, что я терпеть не могу купаться нигде, – отрезала медработница, – у меня ужасная кожа и я совсем не умею плавать! Один раз была на море, так даже и вспомнить нечего! Тоска, скука. Вода меня просто бесит! Больше всего мне нравится сидеть дома и читать книги.

– Что-то хорошее в этом есть, – признала Маринка, не замечая, как Ирку всю от смеха перекосило.

Гуляющих возле озера было мало, всего лишь несколько человек и две собаченции. Гром при виде своих собратьев наострил ушки, но не пошёл к ним играть. Он расположился у ног Маринки. Ей вдруг пришло какое-то текстовое послание через мессенджер, и она его прочитала. Глядя на воду, всклокоченную от ветра, чуть улыбнулась.

– Сегодня папочка трахается!

– Отлично, – потёрла Ирка ладони, – значит, бухаем! Правильно?

– Без Серёжки?

– На хрен он нужен? Мы будем пить за него.

– А это ему поможет?

– Не повредит. Со стороны Женьки это уже будет достижением.

– Что ты чушь-то несёшь? – взбеленилась Женька, – овца! Разве ты не чувствуешь, что сегодня ночью должно произойти чудо?

Ирка не поняла, куда сестра гнёт. Поэтому промолчала.

– Мне будет грустно пить без него, – сказала Маринка, по-

гладив Грома, – я хочу выпить с ним. И если сегодня ночью должно произойти чудо, то пусть я выпью с Серёжкой! Пусть Гром оближет при мне его длинный нос.

Две сестрички снова переглянулись.

– Что, прямо сегодня ночью? – спросила старшая.

– Да.

– Это невозможно! Он без сознания и под капельницей.

– Я знаю. Но Женька нам тут сейчас на весь Павловский Посад орала про чудо. А чудо – это крушение стен возможного. Разве нет?

– Женька идиотка, – вздохнула Ирка, – но чудеса иногда случаются. Правда, редко.

Ветер над озером дул сильнее, чем наверху. Маринка защёлкнула кнопки куртки. Вода, покрытая яркой, искристой рябью, приковывала к себе её взгляд. И Женька подумала, что неплохо было бы отвезти Маринку на море. А Ирка думала, что весна – приятное время, но пустоватое. Ей, как Пушкину, куда больше нравилась осень. В этом и только в этом она понимала Пушкина. В остальном ей был ближе Лермонтов с его парусом и великой звёздной пустыней.

Маринке вновь пришло что-то. Она прочла это сообщение и досадливо убрала мобильник.

– Там у него не только Смирнова, но и Захарова с Андриановой, и Руслан, и Олечка с Юлечкой, и Галина Васильевна. Вот бы мне поехать к нему!

– Не надо, – сказала Женька, – поедem лучше домой. Ты

уже замёрзла.

Услышав эти слова, Гром сразу поднялся на ноги. Он надеялся, что Серёжка ждёт его дома.

Маринка сказала правду сорок минут назад – подъем оказался очень проблематичным, так как дорожка спускалась к озеру не асфальтовая, грунтовая. А ещё две сестры не учли того, что у Ирки, которая до шестнадцати лет на профессиональном уровне занималась спортом, была больная спина. В повседневной жизни она о себе не напоминала, но стоило нагрузить её, и – приплыли, как выражалась Женька. Короче, токсикоманка сдулась уже на двадцатом метре подъёма. Она разойкалась и сказала, что умирает. Женька свирепо остановилась.

– Вот же овца! Что, назанималась гимнастикой? Покрутилась на турничке? Коню было ясно, что это – полное разводилово! Беспонтовое! Все твои тренеришки матери только ездили по ушам, чтоб деньги рубить! Чемпионка сраная! Хоркина! Всё, приплыли! Выхода нет!

– Я в чём виновата? – корчилась Ирка, – мне было четыре года, когда меня отдавали в секцию!

– Ты с тех пор ни капли не поумнела! Даром с тобой носились! Консерватория ей, гимнастика! А мне что? Поганое медучилище и бассейн!

– Женька, не ори, – вмешалась Маринка, – ничего страшного не случилось. Ирка, беги домой, зови сюда Гиви с Аликом.

Ирка уже настроилась побежать, но тут вдруг они заметили, что от транспортной остановки близ городской черты к ним быстро идёт какой-то мужчина. Да, было ясно, что он шагает именно к ним, и очень целенаправленно – срезал угол по бездорожью, сильно спешил, поскользываясь на глине.

– Видимо, хочет оказать помощь, – предположила Ирка. Но Женька очень скептически покачала своей вихрастой башкой. Она за сто метров легко узнала того, кто к ним приближался – такой был этот мужик высокий и здоровенный. Он, несомненно, тоже её узнал, поэтому шёл так быстро. Только зачем?

– Да это сосед! – обрадовалась Маринка, – его, по-моему, зовут Витька. Он – сын той самой Анны Лаврентьевны, из четвёртого! Вероятно, ездил к ней в морг.

– Там ему и место, – буркнула Женька.

Витька, тем временем, подошёл и остановился, рукой смахнув со лба пот. Лицо его было красным, ноздри по лошадиному раздувались от двух свистящих потоков воздуха. Стало пахнуть не то портвейном, не то ещё каким-то винишком.

– Здравствуйте, Виктор, – холодно вымолвила Маринка, – прошу принять наши глубочайшие соболезнования.

– Спасибочки.

Восстанавливая дыхание, отставной десантник переводил тусклые глаза с Женьки на Маринку, затем – на Ирку, на Грома, который махал хвостом, опять на Маринку.

– Я и не знал, что вы дружите, – сказал он, слегка ухмыляясь и неприятно покусывая губу редкими зубами, – или родня?

– Нет, дружим, – сказала Женька.

– Понятно. А ну-ка, посторонись-ка!

Женька растерянно отошла. Встав на её место, Витька легко покатил коляску с Маринкой в гору. Трое оставшихся пошли следом, молча и удивлённо глядя в его широкую спину. Когда подъём был преодолён и коляска выехала на ровный асфальт, сын самоубийцы остановился.

– Ну, дальше – сами. Мне ещё к другу надо зайти. Он вон там, за парком живёт! Управитесь?

– Да, конечно, – сказала Женька, – спасибо.

Но это было ещё не всё. Вынув из кармана сияющий металлический кругляшок, Витька протянул его Женьке. Это была золотая пуговица с орлом. Её взяла Ирка. Витька не возражал. Возможно, он просто не был уверен в том, что она – не Женька.

– Вот вам и первое чудо, – вздохнула та, проводив бывшего десантника взглядом до магазинчика вблизи парка, – что вы на это скажете? Лично мне нечего сказать.

Ирка положила пуговицу в карман.

– Будет и второе?

– Конечно! Ночь ведь ещё не настала. Даже и вечер не наступил.

Маринка молчала. Минут через двадцать пять её подвез-

ли к подъезду. Там пили пиво, смеясь над рыжим котёнком, Алик и его друг из тех же краёв, что и он.

– Это тоже чудо? – спросила у сестры Ирка.

– Нет, это чудики.

Два насмешника без труда вознесли Маринку вместе с её транспортным средством на три ступеньки подъездной лестницы.

– Вы к Серёжке поедете? – спросил Алик у двух сестёр, – если соберётесь, я – с вами.

– Я еду прямо сейчас, – заявила старшая. Её взбалмошное подобие, обозначив цель удержать Маринку, сказало, что не поедет. На том и договорились. Втащив Маринку в квартиру, Ирка и Алик сразу пустились в путь, а саксофонистка и младшая гитаристка стали разогревать обед. Гром остался с ними и получил две котлеты. Был уже третий час. Не вполне естественная для этого времени тишина стояла в подъезде.

– Очень смешной этот Гром, – сказала Маринка, когда она и Женька сели за стол и стали есть борщ, – при таких размерах – такое звучное имя!

– Но настоящий гром ещё меньше, – резонно молвила Женька, – он такой маленький, что его даже и не видно! При этом он очень громкий. И безобидный. Чем не наш Гром? Вполне это имя ему подходит.

– Ты очень умная, Женечка, – улыбнулась Маринка, – ты гениальная! Но мне кажется, у тебя нет парня. Ведь нет?

Женька растерялась. Она не знала, что отвечать, и стала

нести какую-то околесицу – дескать, нет и точно не будет, ибо не видит она в парнях ничего хорошего. Но при этом она покраснела так, что Маринке стало очень обидно. После обеда она начала играть Женьке на гитаре. Женька её внимательно слушала, сперва вымыв собаке лапы и развалившись с ней на диване задницей кверху. То есть, совсем не слушала – размышляла, глядя на листок с нотами. Семь из них почему-то имели полную длительность, а вот первая ре и первая соль были половинчатыми. Пытаясь определить, что за этим кроется, Женька тихо и незаметно уснула.

Глава тринадцатая

Её разбудили вечером, в восемь.

– Мы накрываем стол! – заорала Ирка, дав ей по заднице так, будто на неё села муха в бронежилете, – что ты лежишь, ненормальная? Вот зараза!

Женька от неожиданности за долю секунды перевернулась, уселась и широко раскрыла глаза. В руке её был листок. Она запихнула его в карман пиджака. Грома рядом не было. И Маринки. Ирка стояла с красными пятнами на щеках, побелевшим носом и обострившимся косоглазием – вот как сильно её разозлило то, что человек спит!

– Где вы накрываете стол? – пропищала Женька, даже не помышляя давать отпор – уж очень её сморило.

– В нашей квартире, – с иронией закатила Ирка глаза, –

у нас – самая огромная кухня, четыре метра в длину и три в ширину!

– Где Гром? Где Маринка?

– Все уже там! Одна ты валяешься кверху жопой!

– Что ты орёшь? Объясни нормально, кто – все?

Из груди у Ирки вырвался вздох, которого бы хватило, чтобы надуть колесо большого грузовика.

– Все, кроме Галины Васильевны, потому что она в больнице, и Розы Викторовны с Петровичем, потому что они не могут понять, по какому поводу собрались – поминки, мол, справлять рано!

– А по какому поводу собрались? Серёжка ещё не умер?

Ирка прищурила глаза так, что её сестре остро захотелось влезть под диван. Спросонок она нередко чувствовала себя кругом виноватой, глупой, зависимой. И уж Ирке ли было её не знать! Поэтому Ирка плюнула, повернулась и побежала на лестничную площадку, затем – к себе. Женька, от испуга оставив туфли возле дивана, помчалась следом за ней, чтобы устранить причину её великого гнева.

Дома наглядно всё разъяснилось. Ирка гостеприимством сроду не отличалась – по крайней мере, до второй рюмочки, а народу в кухню набилось много. Стол пришлось разложить и переместить, чтобы можно было сидеть по всему периметру. И уже сидели вдесятером, не считая Грома. Гром сидел на полу. Он грустно поджимал ушки. Невесело ему было из-за того, что гастрономическими шедеврами дамы из трёх квар-

тир, организовавшие пиршество, не блеснули – просто купили водки, сварили пару десятков пачек пельменей да настругали салат. Когда две сестры вошли и уселись, Гиви уже заканчивал тост. Последние фразы звучали так:

– Понятия не имею, для чего нужно это застолье. Он ведь пока ещё жив! Но если уж водка есть, то давайте выпьем.

– А главное, поедим! – прибавила Оля, которая провела в больнице весь день, глядя на Серёжку. Несколько лет назад, когда у него ещё были деньги, он оплатил ей срочную операцию на трахее. А вот теперь задыхался сам. Конечно же, Оле, как и её сестре, спиртного не наливали. За этим строго следила бабушка. А мамаша уже была хороша – судя по обилию слёз, которые вытекали из-под очков. Её друг Руслан сидел от неё вдали. Захарова с Андриановой тоже были заплаканы, но не сильно.

Когда как следует выпили и маленечко закусили, Гиви поднялся произносить следующий тост. Но все начали орать, что он надоел, и он вновь уселся. Тогда вдруг подала голос Маринка. Она спросила, можно ли ей сыграть на гитаре, чтоб стало весело. Но никто восторга не выразил, и Маринка очень смутилась.

– Не суетись, – шепнула ей Ирка, – дай людям поговорить. Всему своё время. Возьмёшь гитару, когда они друг другу надоедят!

– Значит, мне следовало начать ещё до того, как сели за стол, – съязвила Маринка, но перестала кланчить гитару и

налегла на салат с пельменями. Чуть попозже она прибавила: – А вот если сюда на запах водяры припрётся полковник Золотов, я всех сразу развеселю!

– Не надо этого делать, – перепугалась Ирка, – он тебя вызовет на дуэль, как Серёжку!

– Да он меня уже вызвал! Когда ты была под кайфом, он обещал из меня сделать отбивную. Не помнишь?

– Нет. И что ты ему на это сказала?

– Что из дохлятины отбивные делают только жулики.

Функции виночерпия взял на себя Руслан. Он частил. По одной рюмашке выпили только Женька и Алик. И они оба молчали, в сильном отличии от других. Но если для Алика это было вполне нормально, то поведение Женьки Ирку насторожило. Когда старшая сестра потрогала младшей голову, Валентина Егоровна тоже сильно обеспокоилась и велела Оле бежать за градусником, тонометром, глюкометром и аптечкой, чтобы откачивать Женьку. Оля ушла, да и не вернулась. За ней отправили Юлю. Та тоже сгинула. Две сестры очень хорошо относились к Женьке и не хотели делать ей гадость. Минут через сорок пять на их поиски устремилась сама Валентина Егоровна – и, что самое интересное, с невозвратом. Как потом выяснилось, две девочки с целью удружить Женьке сказали, что их тошнит, и бабушка плотно занялась ими.

Без Валентины Егоровны разговоры стали смелее, и Гиви всё-таки смог навязать очередной тост. И все, как ни стран-

но, очень внимательно его слушали, потому что тост был с крепким душком здоровой эротики. Под такую славную речь грех было не выпить и Женьке с Аликом. Одним словом, первая репетиция предстоящих поминок пошла на лад. Часов около одиннадцати пришли Гавриил Петрович и Роза Викторовна. По всей видимости, они, уже второй день небравшие в рот спиртного, всё же решили закрыть глаза на некоторую сомнительность повода для застолья. И что же они увидели? Женька, стоя на стуле и раздув щёки, трубила на саксофоне что-то похожее на предсмертный вопль дикой кошки. Ирка с таким же остервенением измывалась над дребезжащей гитарой. Гиви, Алик и Гром, который сожрал штук сорок пельменей, спали в обнимку близ холодильника. Андрианова драла за волосы Захарову. Та визжала и отбивалась. Ленка Смирнова уже не плакала, а ржала. И над чем? Над тем, как её Руслан взасос целовал Маринку, хотя он делал это неплохо. При всём при этом некоторое количество водки ещё осталось, чем пожилая супружеская пара не преминула воспользоваться.

Ещё через полчаса Ирка начала уже потихоньку всех выставлять. Точнее, не потихоньку, а очень даже активно. Возникли сложности с Андриановой, потому что она была девка весьма здоровая и дурная. Пришлось звать на помощь Женьку.

– Как вам не стыдно? – ныла несчастная Андрианова, когда ей заломили руки назад, согнув её в три погибели, и в

таком положении повели к распахнутой двери, – я вам не лошадь, чтобы мне руки выкручивать!

– Лошадь, лошадь! – взвизгивала Захарова, идя сзади и скалкой больно лупя обидчицу по широкой, упругой попе, – из тебя выйдет отличная лошадиная отбивная! Полковник Золотов позавидует!

Вскоре ей пришлось пожалеть о сказанном и содеянном, потому что на лестничную площадку Ирка и Женька вышвырнули обеих, и руки у Андриановой оказались опять свободными. Скалку Женька отобрала, Но много ли было бы от неё Захаровой проку? Впрочем, последняя ухитрилась каким-то образом выскочить из подъезда. Судя по отдалённости новых воплей, она была настигнута Андриановой где-то в центре Павловского Посада.

С чуть меньшей грубостью две сестры спровадили и всех прочих – кроме Смирновой, которая очень мирно улеглась спать на диван вплотную к стене, Маринки и Грома. Гром был трезвёхонек, а Маринка вела себя хорошо. Её прикатали в комнату, дали ей расстроенную гитару и попросили играть что-нибудь печальное, гармонирующее с дождём, который шуршал за окнами. Покрутив колки, Маринка стала играть «Шербурские зонтики». Гром устроился на ночлег в прихожей, а две сестры легли на диван около Смирновой, чтоб отдохнуть. Они не могли не признать, что музыка, исполняемая Маринкой, жалобное сопение Ленки и первый весенний дождь – прямо одно целое.

– Да, одно, – пробубнила Женька, зевая, – классно играешь! И это неудивительно – ведь с тобой занималась Ирка, которую обучала я.

– Бесконечно жаль, что я не имею сил, достаточных для того, чтобы расхерачить кое-кому тупое, пьяное рыло за лживое хвастовство, – проямлила Ирка, сонно прищуривая глаза, – и что-то рояль за стеной пока не слышать! Быть может, он вовсе сегодня не зазвучит?

– Да куда он денется! – дружелюбно махнула Женька рукой, – сейчас ещё нет полуночи.

– Это точно? – осведомилась Маринка, опять играя вступление.

– Я тебе говорю!

Упор был на слово «я». Ирка возмутилась:

– Кто это – я? Толстой? Достоевский? Ницше? Чей это писк звучит безапелляционнее книги пророка Иезекиля? Кто вы? Представьтесь!

– Наполеон, – представилась Женька. Этот ответ почему-то Ирку смутил, и она заткнулась. Смирнова во сне заплакала. Второй раз исполнив произведение и взглянув на часы, Маринка стала играть арпеджио на простых аккордах. Дождик шумел, скользил по стеклу.

– На кухне такой свинарник, – вздохнула Женька, закрыв и открыв глаза, – надо бы нам встать, навести порядок! А, Ирка?

– Завтра.

– Давай сейчас!

– Женька, отвяжись! У меня нет сил. Что с тобой случилось? Ты ведь была такая свинья, что тебе в деревне даже не дали грузить коровий навоз, чтобы ты его не испачкала!

– Да, но я теперь фельдшер. А фельдшер – это даже больше, чем врач!

Маринка от удивления прервала игру.

– То есть как?

– По буквам! – крикнула Ирка, – посчитай буквы! Вы мне поспать сегодня дадите? Или вас вышвырнуть, как Захарову с Андриановой?

– Заведующий кардиологическим отделением в Склифе мне заявил, что я уже врач, – продолжала Женька, – это случилось после того, как я вместо Аськи сделала непрямой массаж сердца на одном вызове, потому что Аська вывихнула плечо.

– Хорошо, заткнись!

Женька замолчала. Но Ирке это не помогло уснуть. Примерно через минуту около дома остановилась машина. Хлопнули её дверцы, затем ударила дверь подъезда. В нём раздались шаги. И вдруг зачирикал дверной звонок. Гром молниеносно вскочил и громко залаял. Маринка, заглушив струны, растерянно поглядела на двух сестёр. Младшая уже соскакивала с дивана.

– Сначала спроси, кто там, – мучительно приоткрыла Ирка глаза, – и лучше не открывай никому!

– Посмотрим, – сказала Женька и босиком побежала к двери. Велев собаке умолкнуть, она припала к глазку и смутно увидела двух мужчин в полицейской форме, – кто там?

– Здравствуйте. Полиция.

– Что случилось?

– Ничего страшного, не волнуйтесь. Просто увидели, что у вас горит свет, а к подъезду жмётся котёнок. Крошка совсем! Весь продрог. Не ваш?

Женька торопливо открыла дверь. Действительно, на руках одного из стражей порядка, лица которых внушили Женьке доверие, был тот самый рыжий котёнок. Вид он имел испуганный, жалкий. И это было неудивительно – он впервые попал под дождь.

– Он живёт в подвале, – сказала Женька, глядя в глаза зверёнышу, – почему бы ему не укрыться там?

– Возможно, в подвал забрался злой взрослый кот. Так что, мы в подъезде его оставим?

– Нет, нет! Давайте его сюда.

Получив котёнка, Женька закрыла дверь. Гром опять уснул. Он был очень добрым и признавал право всех существ на место под солнцем, а при отсутствии оно – под сияющим абажуром. Сразу уснула и Ирка. Патруль уехал. Досыта накормив котёнка пельменями, Женька выпила ещё водки, после чего отдала малыша Маринке, забрав у неё гитару. Котёнок стал к Маринке ласкаться. Приставив гитару к шкафу, Женька опять легла на диван, закрыла глаза и пробормотала:

– Минут через тридцать пять меня разбуди! Я буду всё мыть, скоблить, вычищать. Но только сначала тебя домой отвезу. Ты меня разбудишь?

– Я постараюсь, – тихо пообещала Маринка. Такой неопределённый ответ Женьку не устроил. Она опять открыла глаза.

– Нет, так не пойдёт! Ты чего пускаешь туман, наводишь тень на плетень? Говори мне точно, да или нет! Ты ведь уже знаешь, что я во всём люблю точность. Или, быть может, ты меня путаешь с безалаберным и бессмысленным существом, которое развалилось рядом со мною? Пожалуйста, предоставь мне точную информацию!

– Я тебе абсолютно точно сказала, что постараюсь.

Женька уже не слышала этих слов. Она погружалась в сон. Вскоре задремал и котёнок. Он спал беззвучно, как подобает дикому зверю. Нельзя было сказать этого про трёх баб, разлёгшихся на диване. Они сопели, как паровые машины. Ленка вдобавок ещё и хлопала носом. Из-под её очков иногда выкатывалась слеза.

Был уже час ночи. Дождь шелестел. Чернело окно. Когда за стеной заиграл рояль, Маринка заплакала. Очень тихо и осторожно, чтобы не разбудить рыженький комочек, который спал у неё на бёдрах, она на своей коляске выехала в прихожую. Гром проснулся и быстро встал, желая сопровождать Маринку в её пути. И они втроем направились в комнату, где негромко играл рояль.

Глава четырнадцатая

Когда забрезжил рассвет, Валентина Егоровна разбудила Ирку и Ленку. Они втроём помчались в больницу, где уже находились все остальные. И неспроста. Женьку растолкать не смогли. Она разомкнула веки в девять часов утра, с диковинным ощущением, что всё тело её, а в первую очередь голова – бревно. Бревно и бревно. Никаких других громких слов даже и не нужно, чтобы обрисовать это состояние. Но потом – можно сказать, сразу, внутри черепной коробки стала расти ломящая и тупая боль. Она вытесняла из головы все воспоминания, мысли и даже, кажется, осознание факта самой себя. И длилось всё это час! Если бы бревно испытывало лишь боль, то оно лежало бы ещё дольше. Но, к счастью, штора была отдернута, и в окне полыхало первоапрельское солнце. В его лучах бедному бревну делалось мучительно жарко. Мало-помалу оно стало оживать. И зашевелилось. Слегка приоткрылись глазки. Морщась и корчась от ощущения своей собственной тошнотворности, Женька тучной, размокшей глиной сползла с дивана и поплелась в туалет. Оттуда она, прижав одну руку к потному лбу, в котором, казалось, торчал топор, а другой рукой кое-как натягивая трусы, двинулась на кухню.

Кухня имела вид неприглядный. Никто к свинарнику не притронулся. Но сейчас распухшую, отупевшую Женьку это

абсолютно не волновало. Хлебнув из чайника литра два холодной воды, она пошла в ванную.

Там, под душем, ей стало гораздо лучше. Она припомнила всё, в том числе и то, что ночью не отвезла Маринку. Значит, решила она, её отвезли потом эти две кобылы, спавшие с нею, с Женькою, на диване. Куда они сами делись, Евгению Николаевну не интересовало вовсе. Тщательно вытершись, она облачилась в Иркин халат и вышла из ванной.

На вешалке в коридоре висела Иркина куртка. И Женька к ней подошла. И не просто так. Это ведь была та самая куртка, в которой её сестра накануне ходила к озеру! Ярко-красная, с капюшоном. Сегодня, видимо, было очень тепло, поэтому Ирка слиняла куда-то в свитере. Запустив руку в правый карман этой самой куртки, Женька извлекла ворох каких-то чеков из магазина. Она швырнула их на пол, ругнувшись матерно. Её с самого детства бесила привычка Ирки хранить в карманах квитанции, чеки, стикеры и тому подобную дребедень. Кому это нужно? Пуговица лежала в левом кармане. И Женька её достала. И эта штучка вдруг показалась ей интересной – однако, вовсе не потому, почему она могла заинтересовать, к примеру, ту же самую Ирку или Захарову с Андриановой. Да, похоже, что золотая. Да, необычная. Даже очень. Но у Евгении Николаевны было более острое зрение, чем у её сестры. Схватив свою лупу, также лежавшую в коридоре, Женька через неё рассмотрела пуговицу. И – вскрикнула.

Спустя миг она уже была в комнате, где валялся её смартфон, и звонила Ирке.

– Что тебе надо? – нервно спросила та, взяв звонок со второго раза, – ты хочешь мне сообщить о том, что уже проснулась? Я дико счастлива!

– Ирка, Ирка! – вскричала Женька, подпрыгивая, – скажи мне, что изображено на пуговице?

– Ты дура? – взорвалась Ирка, – положи пуговицу на место и больше мне не звони! Здесь не до тебя!

– А ты где? В больнице?

– Да! Как и все остальные, кроме одной полоумной твари! Оля и Юля здесь с трёх утра! Они шли пешком!

– А как самочувствие у Серёжки?

Но Ирка ушла со связи. Женька не стала ей перезванивать. Какой смысл? Минуты две-три простояв в полнейшей растерянности, Евгения Николаевна поняла, что следует успокоиться, не пороть горячку и всё обдумать как можно более тщательно. Неожиданное открытие так сразило её, что она совсем забыла об осторожности. Ненормальная! Как так можно? Разгадка тайны рояля уже убила двух человек! Да-да, осторожность – прежде всего. А её фундаментом что является? Правильно. Своевременность. Положив пуговицу и лупу в правый карман халата, Женька заставила себя снова лечь на диван и отправить голосовое сообщение Юле, а потом – Оле. Она спросила у них, что там происходит с Серёжкой. Сёстры мгновенно ей не ответили. Видимо, они спали

где-нибудь на кушетках. И тогда Женька решила позвонить Асе. И позвонила.

– Я занята, – произнесла Ася вполголоса. Рядом с ней какие-то люди что-то по-умному обсуждали.

– Как сильно ты занята? – поинтересовалась Женька, – минута у тебя есть?

– Да ты говори, чего тебе надо!

Тут Женька заколебалась. Как рассказать обо всём на смешливой и циничной Асе, не подвергая её опасности? Да, загвоздка! Женька решила действовать хитро, всё объяснить намёками.

– Слушай, Аська! Я вдруг заметила, что у птички кое-что выросло!

– Неужели? Как интересно! И что же это у птички выросло вдруг?

– Одна лишняя часть тела! Не просто лишняя, а вдвойне, даже втройне лишняя!

– Потрясающе, – усмехнулась рыжая тварь, – к Парацельсу! Срочно.

– Да выслушай ты меня!

Но Ася ушла со связи. Женька не стала ей перезванивать. Какой смысл? Её всю трясло. Соскочив с дивана, она припадочно пробежалась из угла в угол. Мысли у неё путались. Вполне ясно звучала только одна: к чертям осторожность! Пиджак лежал на журнальном столике. Подбежав к нему, Женька извлекла блокнотный листочек с нотами и, засунув

его вместе с телефоном в левый карман, отправилась во вторую комнату, чтобы ещё разок осмотреть рояль. У неё имелись некоторые основания для такого действия.

Открыв дверь во вторую комнату, Женька сделала шаг вперёд. И – плюхнулась попой на пол. В буквальном смысле. Затем поползла назад, отталкиваясь от пола голыми пятками и ладонями. И ползла, пока не упёрлась в стену. Так и осталась она сидеть, прижавшись спиной к стене. А что ей ещё оставалось делать? Разве что вызывать бригаду Скорой психиатрической помощи! Для себя самой.

– Привет, Женька!

Это был голос Маринки. Она сидела в своей коляске возле балконной двери, метрах в пяти от рояля, и весело улыбалась почти до самых ушей. Справа от неё сидел на полу котёнок, а слева – Гром. Подобно Маринке, они казались очень довольными и смотрели прямо на Женьку, рот у которой то открывался, то закрывался. Прошло не меньше минуты, прежде чем из него вылетел вопрос:

– Ты была здесь ночью?

– Конечно, – радостно подтвердила Маринка, – я здесь была всю ночь. То есть, мы здесь были всю ночь.

Женька поглядела на люстру. Все лампочки в ней горели.

– И что ты видела?

– Всё.

– Я не понимаю! Пожалуйста, объясни мне по-человечески, что здесь было?

– Здесь было чудо! Самое настоящее чудо. Ты мне сама его обещала. Чего теперь удивляешься?

И тут Женьке вдруг показалось, что и котёнок, и Гром кивнули. Да, это ей, конечно же, показалось. А как иначе? Но голова почему-то вдруг закружилась.

– Так значит, ты выпила с Серёжкой?

– Нет, разумеется. Это было бы слишком мелкое чудо. Мелкое чудо – это такое чудо, которое человек способен представить. Я ведь представила накануне, что ночью выпью с Серёженькой! А здесь было большое чудо.

– Какое? – пролепетала Женька, – давай, рассказывай! Задолбала меня динамит! Рояль звучал?

– Да, звучал.

– Кто на нём играл? Ведь ты его видела?

– Да, конечно. Я его видела точно так же, как вижу сейчас тебя. Даже ещё ближе.

– Кто это был?

Маринка вдруг посерьёзнела.

– Хорошо. Я всё тебе расскажу. Но только сперва выпусти животных на улицу.

– Для чего?

– Они хотят в туалет. Я тоже хочу, но могу терпеть ещё час. А могут ли терпеть Гром с котёнком, не знаю.

Сгорая от нетерпения, Женька мигом вскочила и, поманив за собой животных, бросилась в коридор. Котёнок и Гром последовали за ней. На лестничную площадку Женька

выскочила босая, поскольку туфли её остались у Керниковских, а тапок не было видно. Быстро спустившись по деревянным ступенькам, она открыла своим маленьким друзьям уличную дверь и с такой поспешностью возвратилась к Маринке, как будто та могла испариться.

– Ну? Что ты видела?

– Чудо, – взволнованно повторила Маринка, – да, я хотела выпить с Серёжкой, но это было бы чудо обыкновенное! Помнишь фильм, который так назывался – «Обыкновенное чудо»?

– Да ты затрахала! – громко взвизгнула Женька, затопав пятками, – я тебя сейчас придушу! Говори, что было?

– Если бы я выпила с Серёжкой, то это было бы чудо обыкновенное, – видимо, измывалась над ней Маринка, – а было чудо из ряда вон выходящее!

Тут на Женьку пахнуло холодом, притом смертным.

– Мать твою за ногу! Ты с Серёжкой ширнулась, что ли? А ну, показывай вены!

– Замолчи, дрянь! – вспылила Маринка, – ты просто глупое существо! Не нужно уже Серёжке ни наркоманить, ни пить!

– Так значит, он умер? – горестно перебила Женька, – сегодня ночью? И он к тебе приходил сказать, что он умер?

– Не он ко мне приходил сегодняшней ночью! И его сердце бьётся даже сейчас – но благодаря врачам, а не благодаря тому, что он жив. Биение сердца – это одно, а жизнь зача-

стю – это совсем иное. Ты понимаешь, о чём я?

– Да, – ответила Женька, уже устав от всей этой болтовни, – так кто играл на рояле?

Но тут её телефон вдруг подал сигнал. Она вынула его из кармана. Номер был незнакомый. Предположив, что могут звонить из Склифа, Женька решила выйти на связь.

– Алло!

– Женечка, привет, – сказал Керниковский, – ты сейчас дома?

– Да.

– Говорить удобно?

– Удобно. Что вы хотите?

– У моей дочери почему-то выключен телефон. Возможно, он сел. Я позвонил Ире. Она сказала мне, что сейчас находится у Серёжи, и там с ним просто беда. Ты бы не могла к Маринке сейчас зайти? Так, на всякий случай.

– С ней всё нормально, Дмитрий Романович, – успокоила педагога Женька, садясь на стул около рояля, – я только что с ней болтала. Но хорошо, что вы позвонили мне. У меня к вам есть разговор. Могу я задать вам один вопрос?

– Задавай, конечно. Но у меня до лекции – пять минут. Может, лучше вечером?

– Нет, сейчас.

Прежде чем задать Дмитрию Романовичу вопрос, Женька поглядела на его дочь. Та, достав айфон, обнаружила, что аккумулятор сел. Но это её не слишком обеспокоило. Под-

перев голову рукой, она стала с видимым интересом ждать продолжения разговора между своим отцом и более сумасшедшей, чем всегда, Женькой. И ожидание оправдало себя с избытком!

– Дмитрий Романович, что такое Содом? – небрежно спросила Женька.

– Содом?

– Да, Содом, Содом! Я, конечно, знаю, что это какой-то город – кажется, древнегреческий, но забыла, чем он известен. От Википедии у меня голова сейчас разболится! Можете мне о нём рассказать?

Маринка зацокала языком. Было непонятно, что она попыталась выразить таким образом.

– Это не древнегреческий город, а иудейский, – поправил Дмитрий Романович, чиркая зажигалкой, – один из нескольких городов окрестности Иорданской. Вместе с другим городом, Гоморрой, очень печально известен по книге Библии «Бытие».

– А чем он известен? Вот это мне интересно!

– Тем, что Господь его уничтожил за грехи жителей. От Содома пошло слово «содомия».

Женька закинула ногу на ногу.

– Это круто! А как Господь его уничтожил? Можете пояснить?

– Могу. Началось с того, что Господь уведомил Авраама – родоначальника всех евреев, о своём намерении уничтожить

Содом. Авраам спросил, не помилует ли Господь Содом, если в нём найдётся хотя бы пятьдесят праведников. Господь согласился. Тогда Авраам спросил, не помилует ли Господь Содом, если в нём окажется сорок пять достойных людей. И Господь опять согласился. Но Авраам продолжал дело милосердия. Он спросил про сорок, про тридцать, затем – про двадцать, и, наконец, всего лишь про десять праведников. И Бог дал слово не истреблять Содом, если в нём найдётся десяток праведников.

– Десяток? – переспросила Женька, снимая ногу с ноги, – а если бы не десяток праведников там был, а один-единственный праведник? Пощадил бы Господь Содом?

– Откуда ж я знаю, Женья? Об этом речи не шло. Тебе интересно, что было дальше?

– Конечно же, интересно, Дмитрий Романович! Но об этом вы мне расскажете вечером, потому что сейчас у нас мало времени. Я хочу задать вам ещё вопрос. Он последний. Скажите, Дмитрий Романович, не упоминается ли в Библии соль?

На этот раз Керниковский даже и не задумался.

– Да, конечно. Новый Завет, евангелие от Матфея. Строка из Нагорной проповеди: «Вы – соль Земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить её вон, на поправление людям!»

– Ой, как любопытно! – пискнула Женька, – а это кто говорит? Кому?

– Это говорит Иисус Христос, всем ученикам своим.

– А что значат его слова?

– Они означают, что некоторые люди спасают род человеческий от полнейшего разложения и гибели, как соль – мясо. Женечка, это был последний вопрос?

– Последний, последний! Всего хорошего.

Положив смартфон на рояль, Женька покивала сама себе головой, видимо, решая очередную головоломку. Потом опять накинута на Маринку:

– Так кто играл на рояле? Я уже, в принципе, догадалась, но поглядим, верна ли моя догадка. Давай, рассказывай!

Но не тут-то было! Дочка учёного оказалась совсем не такой покладистой, как папаша.

– Нет! Сперва ты расскажи, зачем тебе вдруг понадобилось узнать про Содом и соль?

Женька разозлилась.

– Да что за наглость? Ты обещала мне рассказать!

– А я и не отрицаю, что обещала. Но я ведь не уточняла, в какой момент удовлетворю твоё любопытство! Так что, давай, рассказывай про Содом и соль.

Делать было нечего. Вытащив из кармана листок, Женька протянула его Маринке.

– Это те самые ноты, которые звучат ночью? – спросила та, пробежав глазами словесные наименования нот.

– Ты очень догадлива. А теперь прочитай их вслух.

Маринка, пожав плечами, громко пропела:

– Ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль! Ну, и чего дальше? Женька с недоумением заморгала.

– Ты что, реально не догоняешь? Или прикалываешься?

– Нет, я не прикалываюсь! Реально не понимаю. Ноты как ноты! Какой в них может быть тайный смысл?

– Ой, мамочка дорогая, – вздохнула Женька, – оказывается, не все ослы имеют хвосты и длинные уши! Ладно, не напрягай ослиную голову, тяжело на это смотреть! Кружочки над каждой нотой указывают на то, какую данная нота имеет длительность. Если кружочек простой, это означает, что нота – целая, а если кружочек с хвостиком – половинка. В принципе, существуют ещё четвертные ноты, восьмые, шестнадцатые и тридцать вторые. Но их здесь нет. Здесь есть только целые ноты и половинки. И половинок всего две штуки – первая ре и первая соль. А все остальные – целые.

– Ну, и чего? – ещё раз ступила дочь педагога. Женька, конечно, расхохоталась так, что задребезжали стёкла на окнах, люстра и две стеклянные дверцы шкафа, а весь рояль застонал. Потом проорала:

– Ну и тупица! От первой ре убери её половинку!

– Какую именно?

– Да вторую, вторую! Что получается?

– Буква «р».

– Прекрасно! Оказывается, ослы могут шевелить не только ушами, но и мозгами. Теперь отрежь половинку от первой соль.

– Получится «со».

– Осёл гениален! – подпрыгнула от восторга Женька, – он разобрался в четырёх буквах! Ну, а теперь попробуй прочесть всё это, соединяя и разделяя буквы по смыслу и ставя между словами пробелы, тире и точки.

Маринка ломала голову минут пять, тараща глаза на ноты. Морщила нос, высовывала язык. Женька угорала! И, наконец, Маринка прочла очень неуверенным голосом:

– Мир – Содом. Ире доля – соль.

– Слава тебе, Господи! – издевательски простионала Женька и осенила себя крестом, как святая мученица, – корзину морковки в студию! Правда, я разгадала эту загадку за три секунды, но отдадим приз ослу! Да, таких тупиц я ещё не видела! А теперь посмотри на это.

С большим волнением взяв из руки насмешницы золотую пуговицу, Маринка от восхищения приоткрыла рот.

– Ого, какая красивая! И большая! Должно быть, очень старинная?

– Да, наверное. Это всё, что ты можешь о ней сказать?

– А что ещё можно о ней сказать? Что Ирка – овца! Чуть не потеряла такую редкую вещь!

Женька раздражённо топнула пяткой.

– Кто на ней отчеканен?

– Как, кто? Орёл двуглавый! Российский герб, который достался нашей стране в наследство от Византии.

– Ты точно в этом уверена? На все сто?

Маринка взгляделась.

– Женечка, лупа у тебя есть?

Вручив начинающей гитаристке лупу, Женька пошла на кухню попить воды. А когда вернулась, лицо Маринки было таким довольным, что можно было подумать – она увидела на передней стороне пуговицы себя.

– Ну, и как? Нормально? – спросила Женька.

– Ты знаешь, это моя любимая сказка!

– Какая сказка?

– Тебе её не читали, когда ты маленькая была? Это ведь былина очень известная! Сказание про Добрыню Никитича и Змея Горыныча, утащившего в свой дворец Забаву Путятишну.

– Нет, не читали мне про Забаву Путятишну, – нагло соврала Женька, опять усевшись на стул, – я все свои тайны тебе открыла! Теперь твоя очередь рассказывать. Кто играл на рояле?

Маринка дальше мучать её не стала.

Часть вторая

Зачин

Зимней ночью шла Лиса Патрикеевна по дорожке. На небе тучи повисли, по полю снежком порошит. Голодно лисичке, тоскливо. Остановилась она близ города Киева, гля-

нула на него и думает: «На высоких, крутых холмах стоит Киев-город! Со стародавних времён нет города краше и величавее от Студёного моря до моря Чёрного, за которым блистает славой древний Царьград. К востоку от Киева – степь бескрайняя, а к закату солнца – лес беспросветный до самых Карпатских гор. Пашут возле Киева землю пахари, на широких лугах около Днепра пасут пастухи круторогий скот. В глубоких днепровских заводях ловят неводом окуней, лещей, судаков. Плывут по Днепру к киевским причалам богатые корабли из заморских стран, привозят на кораблях купцы разные диковинные товары, чтоб торговать на киевских площадях, где весь день звенит золото-серебро и шумит народ со всех концов Света. Посреди Киева, во дворце, на золотом престоле, сидит сам великий князь. Он правит всей Русью. Велика княжеская дружина, остры у неё мечи, потому что много врагов у Киева. Из степи грозят ему полчища злых кочевников, из-за леса – жадные короли латинские, из-за моря – коварный греческий царь. Но много могучих богатырей на святой Руси, и стоят заставы на рубежах, и грозен для недругов Киев-город! О подвигах богатырских, о горах киевских на пирах поют гусяры, а звон серебряных струн и песни – как гуси-лебеди, что летят по синему небу в дальние страны. Нет, не скакать врагам по нашей земле, не топтать их коням русские поля, не затмить им солнце наше красное! Век стоит Русь, не шатается, и века простоит – не шелохнется!»

И от этих мыслей приятно стало лисичке, весело. Засме-

ялась она, да и пошла дальше людей мутить.

Из народной сказки и древнерусской былины

Глава первая

Ранним майским утречком молодая вдова Евпраксия, дочь известного тысяцкого Путяты, проснулась от небывалого сновидения. Ей приснился дивной красоты конь. Жеребец. Вороной, огромный, с огненными глазами и длинной гривой. Стуча копытами, жеребец гонялся за молодой вдовой по страшному полю возле Почайны. На этом поле никто никогда ничего не сеял. Оно считалось дурным. Недавно почивший великий князь Святополк думал там построить Выдубицкую обитель, но внял предостережениям святых старцев, и монастырь возвели на берегу Лыбеди, по другую сторону Киева. Евпраксия не хотела бегать от этого жеребца, но ноги бежали сами. И он её не догнал. И было обидно. Когда ей снился упырь, ноги становились будто бы деревянными. Что за пакостный бес управляет ими, едва уснёшь? Одним словом, проснулась вдовушка недовольная сновидением.

Рассвет ещё не проглянул. Оконце было открыто. На ясном небе сияли месяц и звёзды. По всему Киеву драли глотки первые петухи. Откинув от своего упругого тела тонкое одеяло, Евпраксия позвала:

– Иди сюда, Зелга!

За дверью раздался шорох. Там, в коридоре, спала рабыня, изгнанная туда несколько часов назад за гнусные выходы. Слишком гнусные. Обольстительная вдова сама пошутить любила, но меру знала всегда. А Зелга была ещё глуповата, хоть ей исполнилось двадцать – всего лишь на пять лет меньше, чем госпоже. Пора бы и поумнеть! Зевая во весь свой лживый и гадкий рот, вошла она в спальню – тонкая, смуглая, черноглазая и босая. Рубашка на ней была половецкая, потому что эта паскудница доводилась младшей внучатой племянницей самому хану Тугоркану. Четыре года назад, во время похода на Шарукань, её захватили отроки Мономаха. Нагло прищуривая неумные и бесстыжие свои очи, Зелга остановилась перед постелью боярыни.

– Что, Евпраксия?

– Сядь.

Зелга поняла, что её внезапно проснувшейся госпоже охота посплетничать. Она села на край постели. Масляная лампада перед иконостасом трепетно осветила её лицо с чуть горбатым носиком. Этот свет был страшнее тьмы. Под ним золотые волосы госпожи, густо разметавшиеся по шёлковой наволочке подушки, могли, казалось, зашевелиться, как змеи. Но петухи уже пели, и Зелгу не волновали слухи о том, что её боярыня дружит с ведьмами.

– Ян приехал? – тихо спросила её Евпраксия.

– Прискакал два часа назад.

– Прочёл он письмо отца?

– Прочёл и лёг спать.

Ян был младшим братом Евпраксии. Так называли его в честь госпожи Янки, сестры великого князя Владимира Мономаха. Ещё далеко не старая княжна Янка была игуменьей Новоспасской женской обители и духовной наставницей всех знатнейших барышень Киева, в том числе Евпраксии и её сестрицы Меланьи. Отец этих двух красавиц, Путята, зимой был послан князем в Царьград для переговоров и не вернулся ещё, а их братец Ян служил в княжеской дружине. Яну было семнадцать. Три дня назад Мономах отправил его в Чернигов, сообщить тамошнему князю Олегу о том, что перенесение мощей Бориса и Глеба из одного храма в другой состоится в среду, а не в четверг. Это была просьба митрополита. Ему приснилось, что он в четверг должен умереть. Хоть митрополичьи сны давно никого уже не тревожили, все князья во всех городах Руси быстрее засобирались в Киев, чтобы успеть к среде. Событие было важным. Мощи лежали в пригороде столицы, Вышгороде. Олег Святославич со своим братом и сыновьями прибыл во вторник вечером. А вот Ян в Чернигове задержался. Конь его захромал, нужно было дать ему отдохнуть.

– Худо, Зелга, худо, – вдруг проронила Евпраксия горьким тоном, – знаешь ли ты о том, что великий князь велел мне сегодня в Вышгороде не быть?

– Да как это так? – прикинулась Зелга дурой, – ты мне об этом вечером не сказала, когда пришла из дворца!

– Ты дурно себя вела.

– Не обо мне речь! Скажи, Мономах рехнулся? Ведь твоя мать была его младшей сестрой! Значит, ты – княжна! Тебе ли сегодня в Вышгороде не быть? Это ведь бесчестье!

– Да что ты городишь вздор? – гневно перебила Евпраксия, – ты ведь знаешь, что моя мать была незаконной дочерью князя Всеволода, а значит – я не могу считаться княжной.

– Но ты дочь боярина! Самого Путяты! Как тебя можно не допустить на эту великую христианскую церемонию?

– Величайшая церемония! Сколько можно гнилые кости с места на место таскать? Другое обидно – там будут княжичи неженатые. Святослав, например. Сын князя Олега. Он, говорят, красив! Похож на отца.

Зелга испугалась. Её крестили четыре года назад, и ей не успели ещё наскучить богослужения. Каждый поп и каждый монах представлялись ей владельцами ключей от ада и рая. И вдруг – услышать такое! Гнилые кости!

– Да что ты вздрагиваешь, душа моя? – нежно пристыдила Зелгу Евпраксия, – кто нас слышит?

– Вот уж не знаю, – взволнованно прошептала Зелга, – если бы мы болтали с тобой в твоём прежнем тереме, я была бы спокойна! А здесь того и гляди подслушают, потом Яну передадут, и будешь опять наказана! Ой, Евпраксия! Так ли уж было нужно отдать кому-то свой терем и воротиться к батюшке, под его суровую волю?

– Иначе было нельзя. Тот терем дышал на ладан, да за него ещё началась грызня превеликая. Сама знаешь! И кто нас может подслушать в моей светлице? Ну скажи, кто? Я ведь запретила служанкам своей сестры сюда подниматься.

– Да мало ли, что ты им запретила! Они, как сама госпожа Меланья, ходят везде босиком. Знаешь, для чего? Чтоб подслушивать!

– Если так, то тогда скажи мне, чем ты от них отличаешься?

– Только тем, что моя госпожа – Евпраксия.

Молодая боярыня призадумалась. Её мужем был тысяцкий Симеон, родной внук Порея. Его убили во время одной из битв с проклятым Давыдом Игоревичем, под Дорогобужем. Вдоволь пожив сама себе госпожою и всё-таки уступив разваливающийся терем деверям и золовкам, совсем молоденькая вдова, которую называли первой красавицей Киева, не замедлила перебраться опять к родителям, дабы не упустить куда более роскошный терем и ларцы с золотом. Это дело было не из приятных – ведь возвращение означало зависимость от родителей! Впрочем, мать скоро умерла, а грозный Путята любил старшую дочь больше, чем двух других своих чад – Яна и Меланью, нос у которой был самым длинным в тереме. Уезжая в Царьград, старый воевода строго сказал обеим своим дочерям, что их младший брат остаётся в доме за главного. Те, конечно, насупились, потому что Ян рядом с ними, взрослыми барышнями, казался ещё маль-

цом, однако деваться им было некуда.

– Слушай, Зелга, – снова заговорила Евпраксия, вспомнив сон, – к чему снится конь?

– Какой ещё конь?

– Крупный вороной жеребец – красивый, горячий!

– К розгам, барыня, – усмехнулась Зелга, – гляди, в субботу тётушка Янка снова сюда пришлёт Филиппа с письмом, если не уймёшься! Ведь твой отец Яну написал, чтобы он приказывал по субботам тебя пороть, как девчонку глупую, потому что от ложки толк невелик. Слава о тебе достигла Царьграда! Тебе не стыдно совсем?

– Ой, как будто Ян ни разу не видел мой голый зад! – фыркнула Евпраксия, положив одну ногу на другую. Но всё-таки слова Зелги вызвали у неё минутное раздражение. Ведь Филипп, лучший ученик дворцового лекаря и помощник госпожи Янки, был славным мальчиком, а игуменья пару недель назад впутала его в очень нехорошее дело. Всё началось с того, что Евпраксия за обедом случайно выругалась, и Ян, беря пример с батюшки, крепко дал ей ложкой по лбу. За это он получил немедленно по ушам, о чём тётя Янка узнала уже через полчаса. На другое утро она прислала Филиппа с письмом и розгами. Слово госпожи Янки было законом для всех киевских девиц, а Филипп был её гонцом к тем из них, которые не особенно чтили своих родителей или братьев. Когда красивый худенький паренёк этих безобразниц порол, их стоны и возгласы отличались редкостной мелодич-

ностью. Прочитав тёткино письмо, полное угроз, Евпраксия сгоряча его порвала на восемь частей и принесла брату вельеречивые поздравления с его первой победой над женской жопой. И произошло то, чего очень опасалась Меланья – Ян покраснел, засопел и сказал Филиппу, что его труд нынче не потребуется. Меланья назвала Яна ослом. Хоть он её назвал курицей и они чуть не подрались, вспоминать тот случай было невесело. К счастью, ум вспыльчивой вдовы был занят сейчас другим. Опять улыбнувшись, она воскликнула:

– Зелга, Зелга! Ты должна знать, к чему снится конь! Ведь ты половчанка!

– Я христианка, – строго напомнила Зелга, – епископ Пётр говорит, что сны – это отражение наших помыслов.

– Я не думала про коня!

– Возможно, ты думала про красивого гусяра Даниила?

Евпраксия рассмеялась. Зелга, зрение у которой было кошачье, сразу заметила на её прекрасном лице румянец.

– А как ты думаешь, Зелга, я ему снюсь?

– Не знаю, не знаю. Если он видит во сне рыжую козу – значит, снишься!

– Сейчас опять в лоб получишь, – пообещала Евпраксия, но скорее задумчиво, чем с угрозой. Потом она засияла глазками, улыбаясь месяцу на предутреннем небе, – а интересно, снится ли Даниилу коза вихрастая, белобрисая?

– Госпожа Меланья? Вряд ли. Не думаю.

– Почему? Она ведь ужасно хочет выйти за него замуж,

и он об этом наслышан. Матушка-то его в Меланье души не чаёт! Да и госпожа Янка мою младшую сестрицу ставит в пример всем остальным девушкам. С тётей Янкой спорить нельзя, перед ней трясутся даже три дочери Мономаха!

– Вздор, – поморщилась Зелга, – глупости! Всем известно, что госпожа Меланья – лживая сплетница и ханжа. Недавно она распустила по всему Киеву слух, что «эта развратница спит под одним одеялом с Зелгой и к исповеди не ходит, а если ходит, то лжёт священнику несусветно, как и всем прочим, кто с ней не брезгует разговаривать!»

Все слова после слова «слух» рабыня произнесла голосом Меланьи, да так забавно, что госпожа от хохота чуть не лопнула. Пришлось Зелге закрыть ей ладонью рот, а то бы она подняла на ноги весь терем! А потом Зелга предположила, глядя через окно на звёзды, которые начинали уже бледнеть:

– Наверное, Даниил там будет.

– Где? – спросила Евпраксия, отдышавшись.

– В Вышгороде.

– Конечно! И на пиру он будет наверняка. А как ты считаешь, Зелга, меня на пир позовут?

– Позовут, боярыня! На пиру ты смотришься хорошо, в Божьем храме – плохо. Там надо тихо стоять да горько вздыхать.

Это была чистая правда. Ещё с полчаса полежав, Евпраксия потянулась, зевнула, спрыгнула на пол и подошла к распахнутому оконцу.

Заря уже разгоралась. С большой горы, на которой высился терем, степь за Днепром просматривалась на целую сотню вёрст. Река, огибая Киев, несла по всей своей ширине прозрачный туман, а он на воде весь не умещался, вползал на берег до самых городских стен, и мачты судов на пристани из него торчали только верхушками. Просыпался Киев. За Десятинной церковью, на Подолии, начинались уже торги. Евпраксия вспомнила, как отец ей рассказывал, что вон там, на тех площадях, полвека назад зародилась смута, из-за которой великий князь Изяслав был вынужден бежать в Польшу. И продолжалась смута десятки лет. Когда уже не было на земле князя Изяслава и его братьев, люто сцепились между собою их сыновья да племянники. Так сцепились, что каждый день звенели мечи, дрожала земля от конского топота, стлался по небу чёрный дым. А всё началось с предзнаменований. Спустя четырнадцать лет после смерти мудрого Ярослава на западе вдруг взошла большая звезда с лучами дрожащими и кровавыми, и светила она подряд семь ночей. А днём солнце было будто луна – не грело, а лишь мерцало трепетно. В те же дни рыбаки вдруг выловили в реке Сетомле младенца, имевшего такой лик, что люди похолодели от ужаса и швырнули урода обратно в реку. Все кругом говорили, что будут страшные бедствия. И сбылось. С востока пришли на Русскую землю половцы. Изяслав, Святослав и Всеволод не смогли одолеть язычников, и вся Русь залилась христианской кровью. Как раз поэтому киевляне выгнали Изяслава.

Но прошли годы. Тихо теперь было на Руси. Смелый и решительный Мономах, сын Всеволода, прогнал в далёкие степи половцев, усмирил княжеские распри. Надолго ли? Ведь ему уж было за шестьдесят.

Покуда Евпраксия с развевающимися по ветру волосами во все глаза любовалась Киевом и днепровской равниной, Зелга легла на её постель и мигом уснула, сладко сопя своим тонким носом. Боярыня начала её тормошить, однако рабыня сделала вид, что не просыпается. И пришлось щекотать ей пятки. Лишь после этого Зелга соизволила приоткрыть один левый глаз.

– Пошли умываться, – сказала ей госпожа, щёлкнув её по лбу. Взяв полотенца, они по узкой винтовой лестнице без перил спустились на задний двор. Тот граничил с садом. Было ещё прохладно, солнце лишь краешком поднялось. На вишнях и яблонях распускались почки. Слышался клёкот скворцов и горлицы. Он сливался с праздничным колокольным звоном из всех киевских церквей и монастырей. У флигеля, под навесом, стояла бочка с водой. На бочке висел черпак. Сняв свои рубашки, служанка и госпожа щедро окатили одна другую, кое-как вытерлись и оделись. И очень вовремя – из сеней, которые примыкали к задним дверям, вышли два холопа. Оба они были молодые, глупые и смазливые. Ни парней, ни девок иного сорта в тереме не было, потому что Евпраксия не терпела неблаговидные рожи. При виде своей боярыни и её половчанки в одних рубашках, прилипших к

влажным телам, парни растерялись.

– Что вы уставились? – недовольно спросила у них Евпраксия, – отвернитесь, а то ковшом надаю по мордам! Будете знать, как пялиться на боярыню.

Два холопа незамедлительно повернулись носами к ябло- не. А потом один из них вымолвил:

– Госпожа! Молодой боярин приказал к трапезе тебя звать.

Евпраксия усмехнулась.

– А знает ли молодой боярин, что я не еду сегодня в Вышгород?

– Ну а как же ему не знать? – предезко ответила за холопа Зелга, – бьюсь об заклад – госпожа Меланья ночью напела ему о том, что на весь ваш род отныне легло великое посрамление и отец будет недоволен, если тебя не высечь и не держать под замком до его приезда!

– Ах, что ты говоришь, моя дорогая? – расхохоталась Евпраксия, – но тогда будет недоволен великий князь наш, Владимир! Я ведь читаю ему по ночам псалмы! Так чьё недовольство выше? Скажи мне, Зелга!

Но Зелга лишь улыбнулась. Трава уже зеленела между деревьями. Приминяя её босыми ногами, рабыня и госпожа направились к терему. Два холопа, глядя им в спину, перекрестились для избавления от греховных помыслов, потому что младшая госпожа усердно поддерживала в них набожность.

Отпустив Зелгу на поварню, чтобы она поела и поболтала

с молоденькими стряпухами о князьях, Евпраксия позвала другую рабыню, Ульку, и поднялась с ней в светлицу – расчесать волосы, подрумяниться, надеть праздничный сарафан и красный кокошник. Потом она отправилась к трапезе.

Глава вторая

Евпраксия неспроста посмеивалась над Яном. Юный дружинник слегка робел перед своей старшей сестрицей. Он ещё в детстве заметил, что, говоря о ней, все мужчины как-то загадочно усмеваются и подкручивают усы, а женщины злятся. Потом он понял, в чём дело. Слишком была Евпраксия хороша собой и надменна. Однажды Ян подглядел сквозь щёлку, как она моется в бане вместе с Меланьей, которой было тогда пятнадцать, и четырьмя подругами. По сравнению с ней, с Евпраксией, были все эти девушки никудышными. Девятилетний Ян сумел это оценить так определённо, что упал с яблони, на которую влез, чтоб прикинуться к щели – одной рукой держаться за сук было трудновато. Девушки это услышали, и мальчишке крепко влетело. Сёстры подёргали его за уши, а мать выдрала. Ей пожаловалась Меланья. Она была почему-то разозлена гораздо сильнее старшей сестры. И только отец за Яна вступился. Видимо, вспомнил, как сам подсматривал за девчонками в его годы.

Этим же летом Евпраксия вышла замуж за Симеона. А уже осенью овдовела. К отцу она воротилась через пять лет,

воспользовавшись удачным предлогом. По всему Киеву расползлись шуточные слухи, что Симеонов терем подрастался из-за того, что он заколдован: весь по ночам качается и скрипит, а вдова Евпраксия во сне стонет и даже воет волчицею – не иначе, одолевает её какой-то нечистый дух. Говорили также про бесов в виде красивых молодцев, вылезающих из окошка. Евпраксию и Меланью в связи с их особой знатностью – Мономах доводился единоутробным братом их матери, исповедовал одно время митрополит Никифор. И он решительно подтвердил, что да, терем заколдован, и потому Евпраксии надлежит вернуться в отцовский дом. Она, будучи уже двадцати трёх лет, так и сделала. И – беду с собой принесла.

На той же неделе помер великий князь Святополк, и в Киеве стали грабить ростовщиков, которым он покровительствовал. Дураку понятно, что под такое дело грех было бы заодно не пойти с дубинами на купеческие подворья и терема бояр. Разграбили двор Путяты. Сам воевода с семьёй и челядью отсиделся в подполе. Был отправлен гонец к Владимиру Мономаху, в Переяславль. Знатные киевляне били ему челом, прося навести в городе порядок. Через два дня Мономах явился с дружиной в Киев и усмирил мятежников. Стало тихо. Ни отпрыски Изяслава, ни гордые Святославичи не осмелились возражать против воцарения Мономаха на золотом киевском столе. Так самый влиятельный князь Руси стал великим князем. Это произошло ровно за два года до того

дня, когда молодая вдова Евпраксия в праздничном сарафане и ярко-красном кокошнике вошла в трапезную, предчувствуя очень скверный разговор с братом.

Переступив порог, она трижды поклонилась на Красный угол и ровно столько же раз осенилась крестным знаменем. Но это не помогло – Меланья и Ян, сидевшие за столом напротив друг друга, взглянули на неё молча. Ели они овсяную кашу, блины, солёные грузди, ватрушки с творогом. Пили квас. Прислуживала им горничная девка Меланьи. Эту служанку звали Прокуда. Она была не меньшая злыдня, чем госпожа.

– Тепло нынче будет, – благожелательно щебетнула Евпраксия, сев на лавку слева от Яна, – если Господь нас благословил хорошей погодой, значит, ему угоден великий праздник, который хочет всем нам устроить Владимир-князь! Не правда ли, братец?

Ян лишь кивнул. Меланья вздохнула так глубоко, что кусок ватрушки ей залетел не в то горло, и пришлось брату тянуться к ней через стол да крепко стучать её по спине, чтоб великий праздник не омрачился. Пока Меланья от кашля лопалась по всем швам, Прокуда поставила перед старшей сестрой своей госпожи расписную миску с горячей кашей и квас в ковше, дала ложку. Каша была невкусная, но Евпраксия налегла на неё усердно, чтоб лишний раз никого напрасно не горячить. По тем же соображениям она твёрдо решила вовсе не брать из общей большой тарелки грибы и

прочие лакомства. Но и это не помогло ей, так как Меланья проснулась разгорячённая. С превеликим трудом откашлявшись, она звонко подала голос:

– Ты знаешь, братец, как пьяницы в кабаках старшую сестру твою называют?

– Как? – вяло спросил Ян, глотнув квасу. Вряд ли, конечно, он мог не знать, и вряд ли Меланья могла не понимать этого. Но она скорбно усмехнулась – с луны, мол, свалился братец! Потом ударила по столу ладонью.

– Забава!

Ян удивлённо поставил ковш.

– Почему Забава?

– Да потому, что не только купцы с боярами, но и пьяницы в кабаках над нашей сестрой уже скалят зубы! А заодно и над нами! Ты что, об этом не знал?

– А ты в кабаки заходишь по пути в храм или на обратном пути? – поинтересовалась Евпраксия, давясь кашей. Меланья выдержала удар – в драку не полезла, но обратила очи к уснувшим на потолке комарам.

– Святые угодники, дайте силы не согрешить избиением этой дряни! Может, ты ещё спросишь, когда в кабаки заходит великий князь? Он о тебе знает достаточно, чтобы не пожелать видеть твою рожу рядом с мощами святых Бориса и Глеба! Поэтому запретил тебе ехать сегодня в Вышгород! Стыд и срам!

– Перестаньте лаяться, – сказал Ян, взглянув за окошко, –

слушая вздор, могу опоздать. Говори по делу, Меланья! С чего взяла про Забаву?

– С чего взяла? – взвизгнула Меланья, – пускай Прокуда рассказывает, она ходит по торгам да слушает разговоры!

Все глянули на Прокуду. Та уж задрала нос и открыла рот, готовясь рассказывать, но Евпраксия вдруг толкнула локотком брата.

– Ян, а где стольник наш, Тимофей? Почему горничная девка нынче подаёт кушанья?

– Тимофея я отпустил до следующей субботы, – объяснил Ян, – у него сестра померла.

Евпраксия и Меланья одновременно вздохнули, очень завидуя Тимофею. Прокуда же изрекла:

– Говорят, Забавой прозвал госпожу Евпраксию Соловей Будимирович, гость торговый с острова Леденец на океан-море. Он один раз побывал во Киеве и с тех пор во всех своих странствиях поёт песни про госпожу Евпраксию, называя её Забавой Путятишной. Он гуслиря да певец такой, что все его слушают, раскрыв рты!

– Я этого купца помню, – перебил Ян, – но он из Моравии. Не на гусях играет, а на кифаре. Приплыл на трёх кораблях с зелёными парусами, продавал бархат, шёлк и парчу. Всех щедростью изумлял. А разве он видел тебя, Евпраксия?

– Я его в своём тереме принимала, – дала старшая сестра небрежный ответ, – а что здесь такого? Он мне подарки принёс – золотое зеркальце, гребешок из слоновой кости, пер-

стенъ с рубином да сундучок малахитовый. Я поила гостя вином, а он мне играл на чём-то и что-то пел. И более ничего между нами не было.

– Ой, конечно! – расхохоталась Меланья, – богатый заморский гость на чём-то тебе играл, что-то пел, а ты перед ним в чём-то танцевала! Наверное, в башмачках?

– А я в башмачках всегда! – вспылила Евпраксия, – это ты везде бегаешь босиком, чтобы всех разжалобить – мол, отец тебя обижает, всё отдаёт старшей дочке! А у самой двадцать сундуков заморским тряпьём набиты и пять ларцов – драгоценностями!

Меланья заголосила. Она начала вопить о каких-то родинках на спине сестры, которые Соловей Будимирович воспевает на все заморские страны. Прокуда молча кивала. Уже начав выдыхаться, Меланья сделала глоток квасу и вставила в тетиву главную стрелу:

– Бедный Даниил, сын Мамелфы, уже не знает куда деваться от сплетен, что эта дрянь с ним сваялась! Вот до чего дошло!

– Да твой Даниил гордится этими сплетнями, – не сдержалась Евпраксия. Тут Меланья сделала вид, что ей стало плохо. Когда никто не поверил, она вскочила.

– Ян! У меня хранится письмо отца, которое привезли нам ещё до Пасхи. Отец тебе приказал каждую субботу звать к нам Филиппа с розгами для Евпраксии. Тётя Янка считает, что здесь греха никакого нет, Филипп – иудей. Ведь порет же

он лживую Таисью, дочь Мирослава, и Василису Микулишну! Ты забыл об этом письме? Или сам не видишь, что эту пакостную бесстыдницу надо выпороть? А иначе она таких наломает дров, что нынешний наш позор никто и не вспомнит! Выпороть, выпороть! А потом посадить под крепкий замок!

– Отстань от меня, – разозлился Ян, – она по ночам читает Псалтырь великому князю, будто не знаешь!

– Знаю! Дядюшка думает, что она от этого чтения наполняется благодатью! Как бы не так! Она до полуночи лицемерно читает ему псалмы, потом до зари пьёт вино и блудничает, а целыми днями спит! Я прямо сегодня же положу этому конец! Зря смеёшься, Ян! Да, ты ещё маленький, глупый, но я решительно разберусь, на что у тебя хватает ума, когда старшая сестра заходит к тебе под утро!

Меланья буйно ораторствовала, вытянувшись во весь свой высокий рост. Она была выше брата, выше Евпраксии, худощава и недурна собой. Длинноватость носа не портила её лик. Ей, впрочем, шло многое из того, что других не красило, например – взлохмаченность и хождение босиком с апреля до октября. Голос у неё был похож на детский, хоть летом ей исполнялось двадцать три года. Очень неплохо Меланья пела псалмы, зная большинство наизусть. Однако сейчас поток её оскорблённой святости неприятно вломился в голову Яну, который не успел выспаться после трудной дороги.

– Меланья, – оборвал Ян писклявое выступление, – быст-

ро выйди из-за стола и встань на колени в угол! На два часа. Ты наказана.

Белокурая праведница умолкла. Её большие глаза под очень красивыми линиями бровей слегка округлились. Но почти сразу в них появилась ласковая кошачья внимательность с издевательским огоньком. Глядя сверху вниз на младшего брата так снисходительно, словно было ему лет пять, Меланья воскликнула:

– Что такое? Я не ослышалась, брат? А ну, повтори, что ты мне сказал сейчас!

– Носом в угол, – устало повторил Ян, – и чтобы ты больше здесь не кривлялась – не два часа на коленях будешь стоять, а три!

Меланья прищурилась. Когда это не помогло, она поглядела на горло старшей сестры, как будто намереваясь в него вцепиться, но вместо этого рассмеялась, приподняла праздничную юбку почти до самых колен и, перешагнув лавку, изящной мелкой рысцой устремила к дальнему углу трапезной. С изумлением наблюдала Прокуда за своей гордой, вспыльчивой госпожой, которую киевляне за её нрав прозвали Мареной (*богиня зимы и смерти*). Видели бы они, как эта Марена вздумала приструнить своего братишку и чем всё это закончилось! Добежав до угла, скандальная госпожа встала на колени, отвела плечи от стен, дабы обозначить стройный изгиб спины, да так и застыла, белея голыми пятками из-под красной венецианской юбки с пышными склад-

ками и тесёмками. Кроме юбки, на госпоже Меланье была атласная голубая блузка с высоким воротничком. Горько осознав, что вся эта красотища надета без толку, босоногая барыня ещё глубже втиснула в угол нос, чтоб утаить бешенство, и язвительно огрызнулась на своего сопливого братика:

– Ян, ведь князь тебе даст затрещину, когда выяснит, почему не пришла я на торжество! А госпожа Янка просто тебя прибьёт.

– Если не заткнёшься, в субботу велю пороть, – пообещал Ян, и Праведница решила утихомириться. Но Евпраксия не обрадовалась тому, что стерва-Меланья была наказана таким образом. Получив удар под столом ногой по ноге и увидев рожу, скорченную Евпраксией, Ян смекнул, что есть у неё к нему разговор очень большой срочности и секретности. Так как времени было мало, а с глупостями Евпраксия к брату не приставала никогда в жизни, он скрепя сердце сказал:

– Меланья, ты можешь встать и идти на праздник. Но помни, что в другой раз я тебе подобную выходку не прощу.

Меланья была не дура. Тут же вскочив и окинув цепким, холодным взглядом лица сестры и брата, она немедленно поняла, зачем её выпроваживают. Но выбора у неё никакого не было, и она с досадой умчалась, сверкая пятками. Её девка выбежала за нею, о чём немедленно пожалела – из коридора донёсся звон оплеух. Но вскоре всё стихло, так как Меланье уже давно пора было краситься и румяниться для смиренной, благочестивой прогулки к святому месту.

– Пора и мне, – решил Ян позлить старшую сестру и поднялся с лавки, – надо ещё поглядеть, как Сенька моего рыжего подковал! Если конь опять захромает, князь меня выгонит из дружины.

– Да ехать-то восемь вёрст, – нежно удержала брата Евпраксия, схватив за руку, – все три конюха занимались твоим конём с самого рассвета, я видела! Они точно трезвые были! Скажи мне, Ян... Гляди мне прямо в глаза и говори честно: Даниил едет в Вышгород?

Ян смутился под взглядом старшей сестры. Ещё бы – ни одна женщина на него никогда не смотрела так, как сейчас смотрела эта красавица, от которой сошёл с ума не только прославленный Соловей Будимирович. И сказал юный воин то, чего говорить был никак не должен и не открыл бы даже епископу Александру на предпасхальной исповеди:

– Не едет. Великий князь приказал ему пройтись нынче по кабакам да послушать, о чём народ говорит, не зреет ли смута. Ведь все Даниила любят, ты сама знаешь. А пить будут нынче много по всему Киеву да по пригородам. Всё даром, Владимир-князь угощает!

– И Даниил согласился? – задумалась молодая вдова, – я что-то не верю. Откуда ты это взял?

– Откуда я взял? Думаешь, я мало пью с Даниилом вина и браги? Раз говорю – значит, знаю. Пусти, Евпраксия, мою руку! Я побегу.

– Ой, нет, погоди, – ещё крепче сжала запястье брата Ев-

праксия, – скажи, Ян, а грек Михаил из Царьграда будет на церемонии?

– Да, конечно. Он ведь племянник митрополита! Как ему там не быть?

Тут Ян вдруг замаялся. Его сестра заметила это.

– Ян! Ты скрываешь от меня что-то, – сурово проговорила она, – признавайся, что? Пока не признаешься, не пущу!

– Вот письмо отца, – весьма неохотно вынул Ян из кармана сложенный вчетверо лист пергамента, – думаю, ничего худого не будет, если прочтёшь.

Евпраксия протянула руку. Но Ян вдруг высоко поднял письмо.

– При одном условии!

– При каком?

– Скажи одну вещь!

– Какую?

– Я где-то слышал, что Соловей Будимирович подарил тебе ещё и кифару. А ты её из своего терема не взяла! Почему? Где она сейчас?

– Что? Кифара?

– Евпраксия, не кривляйся, а то письмо не отдам! Был по всему Киеву слух, что митрополит велел тебе её сжечь. Ты её сожгла?

Евпраксия улыбнулась.

– Да ты бы уж лучше прямо спросил, играла сама она по ночам или не играла! Да, было такое дело. Я подтверждаю.

– Не врѣшь ли ты?

– Нет, ни капли не вру. Я эту кифару вечером запирала в безлюдной комнате, и она там что-то пищала с полуночи до рассвета. Не только я это слышала, но и слуги. Зелга, к примеру. Как раз она с перепугу, сдуру и разболтала митрополиту о том, что эта кифара сама по себе играет. Митрополит её освятил, потом велел сжечь, но я отдала её скоморохам, дай мне сюда письмо!

– Всѣ-таки ты зря её не сожгла, – задумчиво сказал Ян, опуская руку. Пока Евпраксия с нетерпением расправляла пергамент, её брат вышел, придерживая висевшую у него на поясе половецкую саблю, чтобы она не стучала по сапогу.

Письмо было длинным. Дойдя до последней точки, Евпраксия, голубые глаза которой от гнева сделались синими, резким взмахом руки швырнула листок на стол и поднялась.

– Слуги!

И тут из большой печи, напротив которой она стояла, вдруг кто-то вылез. Евпраксия испугалась. Но, хоть внезапный выходец из печи был черноволосым, да и чумазым, она всё же не успела подумать, что это – чѣрт или кто-то ещё из нечисти, потому что он, спрыгнув на пол, чихнул и громко сказал:

– Здравствуй, госпожа!

– Это ты, Филипп? – ахнула Евпраксия, с трудом веря своим глазам, – почему ты здесь? Как ты очутился в этой печи? Откуда ты взялся?

– Госпожа Янка прислала меня к тебе, – объяснил мальчишка, отряхивая от сажи свои чёрные штаны и того же цвета рубашку. Ещё на нём были башмачки, подаренные ему самой нелюбезной дочерью Мономаха, княжной Евфимией, и раввинская шапочка с отворотами. Ему очень всё это шло – просто потому, что он был самым красивым мальчиком в Киеве. Но Евпраксия не обрадовалась его внезапному появлению, по вполне понятным причинам. И, так как он удовлетворил её любопытство только наполовину, она ждала продолжения, наблюдая за ним особенным взглядом. Под этим взглядом Ян несколько минут назад очень растерялся и покраснел. Эта же беда случилась теперь с Филиппом. Начав сопеть своим иудейским носиком, он промямлил:

– Твоя сестрица вчера сказала госпоже Янке, что у тебя разболелся зуб, и надо бы его выдрать! Госпожа Янка, встав нынче затемно, приказала мне мчаться к вам во весь дух и срочно избавить тебя от больного зуба. Я прибежал на рассвете, упав по дороге в лужу. Меня впустили, но ты спала ещё, и решил я погреться, сидя в печи. Там, в тепле, уснул...

– Да ты что? – хитро улыбнулась Евпраксия, приближаясь к взволнованному мальчишке, – значит, ты тётеньке подвернулся под руку ночью? В лужу упал? А может быть, ты влез в печь, чтоб наш разговор подслушивать, сволочонок?

Всё же она говорила с ним по-приятельски. Подойдя, даже прикоснулась пальцем к кончику его носа. Филипп немножко остыл и вспомнил о том, что не поклонился боярыне. Сле-

лав это, он раз пятнадцать поцеловал её руку, но вслед за тем всё равно достал из кармана вещь, которая приводила в смертельный ужас даже насмешливую княжну Марицу и её столь же заносчивую сестру, Евфимию – зубодёрные клещи.

– Очень мне интересно боярские разговоры подслушивать! Даже в мыслях этого не имел. А в монастыре мне заночевать пришлось потому, что у трёх молоденьких схимниц после изгнания из них бесов некоторые места разболелись. Видимо, бесы были большими. Открывай рот, госпожа!

Евпраксия по-особенному застыла перед мальчишкой, надменно откинув голову и усилив свой смертоносный взгляд насмешливым взмахом длинных ресниц.

– Какой ты отчаянный! Ну а если я тебя выгоню, да и дело с концом? Госпожа Меланья всё врёт, чтоб мне насолить. Будто тётя Янка не знает этого!

– Открывай рот, госпожа, – повторил Филипп, большие глаза которого делались столь же твёрдыми, как и его инструмент, – если у тебя все зубы здоровые, твоя тётушка госпоже Меланье устроит за враньё взбучку. Но если есть больной зуб, то я его выдерну.

– Чёрт с тобой, ведь ты не отвяжешься, – усмехнулась Евпраксия и присела на корточки. Задрав голову, она очень широко раскрыла свой белозубый рот и крепко взяла мальчишку за бёдра, чтоб не упасть. А чтоб он не забывался, она пристально и строго смотрела ему в глаза. Когда инструмент был всунут ей в рот, её взгляд стал жалобным. Она очень

живо представила, как Филипп будет брать сейчас каждый её зуб цепкими клещами и беспощадно раскачивать, чтоб понять, не больной ли он. Бедная вдова от ужаса застонала. При этом её глаза очень хорошо окатывали Филиппа тёплыми волнами нежности и мольбы, и столь же старательны были пальцы. Красавица так усердствовала, что юный ученик лекаря не сдержал свои чувства и очень сильно смутился. Слабеньким голосом он сказал, что всё хорошо у вдовы с зубами, и начал просить прощения. Но Забава Путятишна не простила. Выпрямившись, она надрала смазливому негодяю уши, болезненно оттаскала его за длинные волосы и воскликнула:

– Тварь! Ещё раз так сделаешь – уничтожу! Ступай и найди мне Зелгу! Если она до сих пор на поварне жрёт, по роже ей дай! И пинка под задницу! Живо!

Глава третья

Солнце уже стояло выше степных дубов. Над Киевом всё звенели колокола. До самого пояса высунувшись из теремного окна на угловой башенке под коньком, Зелга и Евпраксия с высоты птичьего полёта глядели вниз, на Боричев въезд. От княжеского дворца к Золотым воротам по нему двигались на конях десятки князей и сотни бояр. С обеих сторон ехала дружина. А следом шло духовенство, купечество и сплошное пёстрое море прочих жителей Киева и гостей его. Ещё более

многочисленная толпа людей слободских, хуторских, посадских ждала вне города, близ Почайны, чтоб уже там присоединиться к процессии.

– А великий князь ещё ничего, – говорила Зелга, разглядывая Владимира Мономаха, который ехал впереди всех на белом коне, чуть ссутулив плечи, – вот только корзно на нём почему-то совсем простое, без горностая, шапка не красная. Рядом с ним, погляди – черниговский князь Олег Святославич со своим братом Давыдом! Ну, эти-то нарядились, особенно князь Олег! Хоть и много зла он принёс Руси, а всё равно гордо сидит на своём коне! Как степной орёл на кургане! Видишь, боярыня?

– Вижу, вижу, – пробормотала Евпраксия, неотрывно глядя на что-то совсем иное. Но не на Яна, который гарцевал слева от седоусого тысяцкого по имени Ратибор и двух его отпрысков, Ольбера и Фомы. На брата она не смотрела вовсе, как и на босоногую дрянь Меланью, которая важно шла вместе с дочерьми Владимира Мономаха. Да и непросто было бы узнать Яна среди двух тысяч прочих дружинников, не в пример всё той же Меланье – взлохмаченной, белокурой и возвышавшейся над другими девушками.

– За Олегом пристроились его княжичи – Игорь, Всеволод, Святослав, – стрекотала Зелга, – и сыновья Мономаха здесь! Да, все шестеро. Впереди – Мстислав на гнедом коне. Ой, какой красавец! А сзади – Юрий из Суздаля. Он совсем некрасив, руки у него какие-то слишком длинные! Ой, и Ро-

стиславичи здесь, Володарь с Давыдом! И Святополков сын, Ярослав! Да на что ты смотришь, Евпраксия?

– Зелга, видишь митрополичий возок? – спросила боярыня. Половчанка сморщила нос, прищуривая глаза, слезящиеся от ветра.

– Да, вижу, вижу... Ой, не могу! Ха-ха-ха! Его тащит ослик! Осёл, осёл! Ой, бедный митрополит Никифор! Вот теперь смеху-то будет! Впрочем, и Иисус Христос въезжал в Иерусалим на осле... Грешна я, что засмеялась! Ой, какой грех!

– Плевать на осла и митрополита! Ты видишь, кто едет рядом с возком, на сером коне?

– Вижу, вижу! Это патрикий Михаил Склир из Царьграда, племянник митрополита. Ты что, его не узнала? Ведь он же твой воздыхатель!

Евпраксия напряглась. Неужто она хоть раз обсуждала с Зелгой этого странного человека лет тридцати, который нередко встречался ей во дворце и на митрополичьем подворье? Впрочем, за чашей мёда всё могло быть. Вполне вероятно. Или какие-то слухи ползут по Киеву? Не мешало это проверить.

– Что? Воздыхатель? – переспросила Евпраксия, – а с чего ты, Зелга, взяла, что он – воздыхатель мой?

– Так об этом все говорят, – рассеянно бросила половчанка, всё продолжая глядеть на князя Мстислава. Тогда Евпраксия отошла от окна на шаг. Притянула Зелгу.

– А кто сказал тебе, что об этом все говорят? Прокуда?

– Нет, не Прокуда! Я и сама на улицу выхожу.

Тут Зелга примолкла, сообразив, что сболтнула лишнее. Она глупо заулыбалась. Но госпожа смотрела на неё так, что пришлось продолжить:

– У этого Михаила телохранитель есть. Он – турчин, звать его Ахмед. Огромный он, как гора! И лютый, как вепрь.

– Я видела его! Дальше!

– И верный, как пёс, – всё-таки закончила фразу Зелга, – и этот самый Ахмед всенародно клялся, выпив вина в кабаке, что он на куски порвёт гусяра Данилу.

– Данилу? Сына вдовы Мамелфы?

– Да.

– Ну, и что?

– Тебя это не волнует совсем, боярыня? – улыбнулась Зелга, наклонив голову, – очень странно! Но ты слегка побледнела. А ночью ты покраснела, когда мы начали говорить про этого гусяра. Я слышала, что и он, когда говорят о тебе – да, да, о тебе, а не о Меланье, вдруг начинает слегка ...

Евпраксия громко топнула каблучком.

– Перестань паясничать, дура! Я не могу понять, почему это означает, что господин Ахмеда – мой воздыхатель? Может быть, сам Ахмед проникся ко мне какими-то чувствами?

– Ой, Евпраксия! Перестань, пожалуйста. Всем известно, что Михаил на тебя заглядывается. Ты просто не видишь или не хочешь видеть, какими взорами он тебя провожает! А все

остальные видят! И обсуждают это везде. Верный раб Ахмед просто хочет сделать приятное господину.

– Так почему же не делает? Чего глотку даром дерёт?

– Он знает, что Даниил – княжеский дружинник. Убить его – значит причинить господину вред. Должно быть, Ахмед хочет запугать Даниила, чтоб тот не смел даже поднимать на тебя глаза!

– Он и так не смеет, – горестно усмехнулась боярыня и опять подошла к окну. Процессия выходила уже из Киева и спускалась к пристани над Днепром, чтобы от неё направиться к Вышгороду. Для этого нужно было сначала перейти мост над рекой Почайной, впадавшей в Днепр. Как раз перед тем мостом стояла толпа посадских людей. Княжеские слуги стали бросать на землю серебряные монеты, дабы толпа от моста отхлынула.

– А этот Ахмед – веры магометанской? – осведомилась Евпраксия, повернувшись к Зелге, – или христианин?

– Конечно, христианин! Он как раз потому и любит патрикия Михаила, что тот его убедил спасти свою душу через святое крещение и сказал: «Ты мне теперь друг, а не раб!» Патрикий, хитрец, очень хорошо знал, что делал. Глупый Ахмед воспылал к нему такой преданностью, что даже пришел к своему кафтану пуговицы из чистого золота, а на каждой из этих пуговиц отчеканен орёл о двух головах! Это – герб Ромейской державы, которой служит патрикий. Как я хочу, боярыня, чтобы она взяла да и провалилась куда-нибудь вместе

со своей столицей, Царьградом!

– Ты христианка и не должна такое произносить, – сказала Евпраксия, – от ромеев мы приняли православную нашу веру! Нельзя забывать об этом.

– А вот пускай не лезут ромеи в наши дела! – распалялась Зелга, – Бог – это Бог, а царь с патриархом – точно такие же люди, как мы. Мудрый Ярослав не очень-то им потворствовал, даже сам поставил митрополита! А Мономах, я гляжу, опять им мягенько стелет! Кстати, ромеи пленили и ослепили твоего деда, Вышату! Об этом ты позабыла?

– Давай ещё, Мономаха поучи править! – стукнула каблучком Евпраксия, наградив половчанку весьма увесистым подзатыльником, – девка глупая!

Зелга в бешенстве пробежалась из угла в угол и опять бросила взгляд за окно, на Боричев въезд. А тот уже был почти весь свободен, самый конец процессии вполз под свод Золотых ворот. Но Зелга, глаза у которой были необычайно зоркими, всё же кое-что рассмотрела.

– Вон, погляди – две твои подруги, Настасья и Василиса, тоже идут со своим отцом, пахарем Микулой, вслед за князьями! А вот тебя Мономах обидел, не допустил к торжеству!

– Он правильно поступил, – бросила Евпраксия, не желая взглянуть на своих подругек и их отца, который прославился своей силой, – там на меня смотрели бы косо! И вот тогда было бы обидно.

– Грека с его турчином позвал, тебя не позвал! – затопала

половчанка пятками, – на патрикия Михаила не будут там глядеть косо? Все знают, что этот грек, племянник митрополита – царский шпион! Он сюда подослан, чтобы разнюхать, сколько у Мономаха воинов, кораблей, коней и оружия! А ещё он хочет отравить зятя Владимира Мономаха, слепого греческого царевича, чтобы тот вдруг не посягнул на престол царьградский! Ты помнишь, как был отравлен молодой князь Ростислав, сидевший в Тмутаракани? А он мешал царю не так сильно, как этот бедный слепой царевич!

– Умолкни, дрянь! – крикнула боярыня, – тебе жить надоело, что ли? Или забыла, что здесь у каждой стены – по двадцать ушей?

Зелга замолчала. Её красивые ноздри от ярости раздувались, а кулаки были крепко стиснуты. Но они разжались, когда Евпраксия вдруг сказала, с тоской взглянув с большой высоты на Днепр, который нёс могучие свои воды среди равнин беспредельных и весь пестрел кораблями дивными:

– Зелга, знай: патрикий Михаил Склир решил меня в жёны взять! Князь Владимир успел уже написать об этом отцу. Отец в ответ написал, что не возражает.

Глава четвёртая

Когда у сотника киевской дружины, Никиты, и его семнадцатилетней жены Мамелфы родился сын, мать хотела дать ему имя Добрыня. Но сотник вдруг воспротивился. Он ска-

зал:

– Я родом из Новгорода. Там помнят, как ваш киевский Добрыня крестил северную Русь. Огнём и мечом он её крестил! Быть отроку Даниилом.

Мамелфа спорить не стала. Спустя семь лет её муж, тогда уже тысяцкий, был убит половецкой стрелой под Переяславлем. Вдове и сыну его, который учился играть на гусях, достался богатый терем с дюжиной слуг и благоволение князя. К концу правления Святополка юный Данила стал гриднем и княжеским гусярем. А потом взял власть над Киевом Мономах. Молодой гусярь и ему пришёлся по сердцу. Когда Данила играл и пел на пирах, из глаз Мономаха катились слёзы, а все княжны и боярыни заливались таким румянцем, что их мужья свирепели. На всей Руси сравниться с Данилою в музыкальном искусстве мог лишь один гусярь – Ставер Годинович из Чернигова. Но он в Киеве бывал редко.

Порой, в часы особенной нежности, ещё очень даже красивая и вполне молодая вдова всё же называла сына Добрыней. Данила не возражал – пусть зовёт как хочет, лишь бы не говорила глупостей! Но в то самое утро, когда пол-Киева собиралось на христианское торжество, мать как никогда отличилась. Уже одетая к выходу и со всех сторон окружённая хлопотливыми девками, также собранными в дорогу, она сказала сыну:

- Данилушка! Ты, должно быть, решил сегодня купаться?
- С чего ты это взяла? – даже не взглянул Даниил на мать,

чтоб та не затягивала беседу. Он сидел в горнице за столом и пил крепкий мёд, думая о том, как бы половчее выполнить поручение Мономаха да не поссориться с киевлянами. Дело было тонким, сложным, опасным. А главное, неприятным. Но князю следует угождать. И бедный Данила повесил голову.

– Мне нетрудно было это понять! – вскричала Мамелфа, – в Вышгород ты не едешь – не знаю уж, почему. Погляди в окно, как солнышко светит! Днём будет жарко, а ты – купаться охотник. Только прошу я тебя, Данилушка, не купайся в Почай-реке! Почай-река – злая. С виду она спокойная да ленивая, но ты знаешь, сколько людей в ней сгинуло без следа? Есть в Почай-реке три струи проклятые, от которых спасения не ищи! Первая струя у неё как вода кипит, вторая струя как огонь горит, а третья струя...

– Знаю, знаю, – досадливо перебил Даниил, – не стану купаться в Почай-реке, ступай себе с Богом!

Матушка радостно успокоилась. Но две девки что-то ей вдруг шепнули, и её ангельское лицо опять напряглось. И снова защебетала Мамелфа:

– Ещё, Данилушка, не водись с Забавой Путятишной! Лучше уж искупайся в Почай-реке – так тело своё погубишь, но душу хоть сбережёшь! А старшая дочь Путяты столько перегубила душ добрых молодцев, что сам Дьявол ставит за неё свечки по всем церквам!

– Да кто ж пустит Дьявола во святую церковь, боярыня? –

завопила одна из девок, – умом ты тронулась, что ли, в ещё не старых летах?

– Не спорь со мной, дура! – рассвирепела Мамелфа, – думаешь, у него – рога, копыта и когти? Как бы не так! Он прекрасен ликом, как мой Данилушка, мягок, тих! Очень мягок. Кто же его от кроткого юноши отличит?

– Не кроткая девушка, – усмехнулась другая девка, – что-то в нём твёрдое быть должно, если это – Дьявол! Что-то чертовски твёрдое.

Отхлестав кощунницу по щекам, вдова удалилась. Девки последовали за ней. Остался Данила в доме один, если не считать ключника, горничных и холопов. Кто-то из них принёс господину ещё одну чарку мёда, потом – ещё. Когда колокольный звон над Киевом стих, Даниил поднялся, расчесал кудри костяным гребнем, повесил на плечо гусли, вышел из терема и отправился на Подолие.

Шёл он быстро. Мамелфа была права, жара уже начиналась. Под таким солнышком удивительно было видеть леса за Киевом почти голыми, чуть покрытыми распускающейся листвой. Шум Торговой площади, окружённой купеческими подворьями, доносился издалека. Станным показалось Даниле, что ещё столько народу осталось в Киеве – он сам видел, как к пристани выходила сорокатысячная толпа. Долго размышлять не дали ему Евпраксия с Зелгой, заметившие его близ Святой Софии, когда он огибал храм. Они шли гулять.

– Данила! – крикнула Зелга, опередив свою госпожу, для которой было бы неприлично бежать вприпрыжку за гусяром, – погоди, Данила!

Конечно, он подождал. Он шёл на Подолие с тайной мыслью увидеть там старшую дочь Путяты. Благодаря Меланье все уже знали, что Мономах решил её близко не подпускать к праведным мощам Бориса и Глеба. Когда она подошла вслед за своей Зелгой – румяная, улыбающаяся, нарядная, Даниил поклонился ей очень низко, дабы прохожие могли видеть, что между ними нет никаких приятельских отношений.

– Здравствуй, боярыня, – поприветствовал он её, – погулять решила с утра пораньше?

– А почему бы и нет? Гляди, какая теплынь! Что дома сидеть? Да и не особо рано уже. Дошёл до нас с Зелгой слух, что с князем Олегом пришёл и Ставер Гоудинович. Вот хотим послушать его. Он в Вышгород не пойдёт, что ему там делать? Значит, сидит на Подолии.

– Как же он в Вышгород не пойдёт, если Василиса Микулишна напрямик туда направляется? – удивлённо спросил Данила. Евпраксия озадаченно поморгала. Затем взглянула на Зелгу, которая уверяла поутру, что черниговский музыкант не примет участия в святом деле. Это ж какую дурью башку иметь надо на плечах, чтоб такое ляпнуть, зная, что Ставер влюблён в премудрую Василису и только ради неё навевывается в Киев! Но Зелга сразу ответила:

– Не пойдёт он за нею в Вышгород! А она для него оста-

нется в Киеве. Вот увидите!

– Что ты мелешь? – дала лёгкий подзатыльник Зелге Евпраксия, – ты ведь видела, как она из Киева выходила вместе с отцом и сестрой!

– Стало быть, вернётся! Ты что, не знаешь свою подругу?

Евпраксия помолчала, пытаясь предугадать хитрость Василисы. Но не смогла. Взглянула на Даниила.

– Ты на Подолие? Пойдём вместе!

– Пойдём, боярыня.

И пошли. Зелга плелась сзади – ей было больно идти босиком по мелким камням, которыми Мономах приказал засыпать дороги в низинах Киева, чтобы было поменьше грязи. Кроме того, возникла ещё одна неприятность. Так как гусяр не мог на каждом шагу кланяться Евпраксии, все прохожие, а особенно бабы, на них глазели и улыбались. Сына Мамелфы на Руси знали, а дочь Путяты – подавно. Но не оправдаться же было!

Вскоре раскинулось перед ними киевское Подолие. И сразу стало попроще. Здесь, среди кабаков и шумных базаров, люди уж были совсем иными. Или, кто знает, может быть просто вели себя по-иному. Не только пьяницы и босые растрёпанные красотки в помятых юбках, но и носительницы сафьяновых башмачков, и мастеровые, и торгоши, и даже спесивые толстосумы, крепко сжимавшие кошельки с серебром и золотом, очень весело заговаривали с Евпраксией, называя её по имени. Двух попутчиков молодой вдовы вовсе

обнимали и хлопали – Даниила, конечно же, по плечу, а Зелгу – не только. Сразу удалось выяснить, на каком питейном дворе сидит Ставер Гоудинович. Это был довольно известный питейный двор между Сарацинским подворьем, Жидовским и Новгородским. Пошли туда.

Не дальним был путь, но и не простым – Подолие славилось многолюдностью. На любой из двух площадей с рядами торговыми да меняльными можно было застрять до вечера, даже выучив дюжину языков Европы и Азии, чтоб просить чужеземцев посторониться. А киевлян – особенно тех, которые торговались, просить было бесполезно. Поэтому Даниил, Зелга и Евпраксия пошли краешком, вдоль гончарных, суконных, скобяных лавок, мимо ремесленных мастерских. Там тоже народ толпился, но не так плотно. Возле одной из кузниц стояло десятка два любопытных. Ввиду хорошей погоды она была перенесена из тесной избы на улицу, под навес. У горна и наковальни работал медник Улеб – ещё молодой, но уже прославленный мастерством. В кожаном переднике и с повязкой на голове он ковал кумган купцам из Александрии. Скуластое лицо мастера покрывала сажа. Стук тонкого молотка по меди был гулким, звонким, отрывистым. Задержалась у кузницы и Евпраксия со своей удалой компанией.

– Улеб, здравствуй!

Прервав работу, медник поднял на неё глаза, рукавом утёр с носа копоть.

– Здравствуй, боярыня! Будь здоров и ты, Даниил. И ты тоже, Зелга. Куда путь держите?

– К Ставр. Ты не знаешь, он ещё трезвый? Гусли кладёт на колени струнами кверху?

Толпа кругом рассмеялась – но не над шуткой, а над служанкой боярыни, потому что та очень достоверно изобразила пьяного Ставра. Сама Евпраксия тут же изобразила трезвого Ставра с его дурацкой надменностью. И всем стало ещё смешнее. Лишь три монахини, проходившие мимо кузницы, не прониклись общим весельем.

– Гусли его звучат, как колокола в раю, – заверил Евпраксию зверолов, который принёс перекупщикам связки кунных и лисьих шкурок, – ведь с ним – премудрая Василиса Микулишна!

– Быть не может! – ахнула Зелга, взглянув на свою боярыню издевательски, – как ей было там оказаться? Она ведь в Вышгороде давно!

– Да нет, она здесь, – хором подтвердили несколько человек, – уже наплясалась! Иди и ты попляши, Забава Пуятишна!

Но Евпраксия не спешила.

– Сделаешь мне серебряную шкатулку? – спросила она Улеба. Тот растерялся так сильно, что положил на верстак молоток и клещи.

– Серебряную, боярыня? Но я – медник!

– Разве не справишься?

Молодой умелец вздохнул. Потом улыбнулся.

– Справлюсь. Вели нести серебро.

– Завтра принесут. А если я золотой ларец тебе закажу?

Осилишь, Улеб?

– Осилю.

Евпраксия наклонила голову, также ласково улыбнулась мастеру и пошла с Даниилом и Зелгой дальше по киевскому Подолию, провожаемая то злым, то весёлым шёпотом.

Глава пятая

Купеческими подворьями назывались малые крепости, обнесённые частоколами. Там купцы держали свои товары и жили сами, вместе с приказчиками и воинами. Когда наступала ночь, к воротам подворий целыми табунами шли недурные собою девки. Некоторых впускали. А иногда оказывались по ту сторону ворот и лихие парни, узнавшие от своих подружек, где торгоши прячут золото.

Знаменитый питейный двор почти целиком занимал небольшую площадь между тремя подворьями. Состоял он из четырёх кабаков, и лучшим считался тот, которым владел хромой грек Ираклий. Пройдя к тому кабаку узеньким проулочком, разделявшим два частокола, Евпраксия, Даниил и Зелга увидели, что у коновязи стоит тонконогий, статный чубарый конь испанских кровей. Сбруя и седло на этом коне были превосходными, и за ним приглядывал мальчик.

– Алёшка Попович здесь! – встревожилась Зелга, узнав коня, – будем заходить? Не попасть бы в драку!

– Нас есть кому защитить, – сказала Евпраксия, тронув пальчиком гусяра. И они вошли.

Истину изрёк зверолов – премудрая Василиса Микулишна наплясалась. Сладостно утомлённая, возлежала она на лавке кверху спиной, уткнув подбородок в маленький кулачок и томно поблёскивая очами. Было на ней ситцевое красное платье с шёлковым пояском, а более ничего, даже и чулочков. Не в пример младшей своей сестре, румяной и белокурой Настасьюшке, Василиса была тонка, смугла, черноглаза. Очень напоминала Зелгу. Главная разница между ними, на первый взгляд, заключалась в том, что у Василисы косы были длиннее. Она под ними носила золотой месяц, а прямо посреди лба, под чёлочкой – изумруд на тонком венце. Матерью её была берендейка, первая и любимейшая жена Микулы Селяниновича.

Премудрую девицу окружало яркое общество. Ставер Гоудинович и Алёша Попович, дружинник князя Владимира, пили мёд и вино за одним столом. За тем же столом сидел поп-расстрига Серапион, пьяница и бабник. Он уже нахлестался. А за другими столами что-то негромко праздновали купцы-новгородцы. Были ещё какие-то люди из разных мест и девки кабацкие. Все собрались слушать Ставра. Так как гусяр уже не играл, о нём позабыли и занялись весёлыми разговорами. Но утихли шумные речи, когда Евпраксия с

двумя спутниками вошла и сразу ко всем обратилась с громким приветствием. Ей ответили ещё громче. Многие встали, чтобы отвесить поклон. Подвижный и обходительный, несмотря на своё увечье, Ираклий, который считал монеты за стойкой, также вскочил и мигнул двум девкам – мол, обслужите боярыню! А премудрая Василиса Микулишна лишь маленечко шевельнулась, поставила на один кулачок второй и жалобно всхлипнула:

– Ах, Евпраксия, дорогая! Леший тебя принёс вместе с Даниилом и этой пакостной половчанкой! Теперь расскажете батюшке, как плясала я в кабаке!

– Мы того не видели, – возразил Даниил. Но рыжая его спутница дала клятву, что непременно расскажут, а Зелга всё подтвердит, ежели премудрая Василиса Микулишна сей же час не откроет, как измудрилась она опять припереться в Киев, уже идя с отцом и Настасьей в Вышгород.

– Я за Золотыми воротами проколола ногу гвоздём, – ответила Василиса, согнув в колене левую ножку, чтобы Евпраксия могла видеть ранку на её пятке, – потекла кровь! Батюшка велел мне идти назад во дворец, где мы ночевали по приглашению князя.

– Ой ты, моя хорошая! – умилилась Евпраксия, – верю, что башмачки ты надеть забыла, а гвоздь стоял кверху остриём, и все до тебя удачно перешагнули через него. Но кабак с дворцом перепутать – это уж слишком!

Раздался всеобщий хохот. Когда он пошёл на убыль, Се-

рапион зачем-то ударил кулаком по столу и изрёк:

– Женщина – сосуд с коварством и хитростью!

– Женщины, а не женщина, – усмехнулась Зелга, – у тебя, поп, язык заплетается!

Но никто её глупую, греховодную, беспредельно срамную мысль не понял и не одобрил. Все продолжали обмениваться любезностями с Евпраксией, подходя к ней с разных сторон. Тонкий льстец Алёша назвал Евпраксию королевишной, Василису – царицей, а Зелгу – ханшей. Дочка Микулы, не устаивая его вниманием, во всю ширь своих чёрных глаз глядела на Ставра. Тот улыбался ей. Высоченный и белокурый, он был одет как боярин – зелёные сапоги, синие атласные шаровары, малиновая рубашка с жёлтым оплечьем. Гусли лежали возле него на лавке. С Даниилом Ставер обнялся, сразу вскочив навстречу ему. Алёша был сдержаннее. Он только кивнул сослуживцу, после чего киевский гусяр сел за стол.

Села и Евпраксия. Новгородцы сразу преподнесли ей чарку вина. Забава Путятишна поклонилась, но приказала девушкам подать ей мёду. Зелге она велела выпить вино и сбегать за подорожником, а затем приложить его к пятке премудрой девушки. Когда Зелга вернулась и приложила, купцы опять болтали между собою, сев за свои столы. А Серапион Евпраксии говорил, звеня своей чашей о её чашу:

– Ты девушка очень знатная. И красивая. И богатая. Почему не выходишь замуж? А я скажу тебе, почему! Вот перед тобой Алёша, вот Даниил, вот Ставер ...

– Ставер – передо мной! – вскричала премудрая Василиса, приказав Зелге сесть рядом с ней на лавку, – Данила – перед Меланьей. Увидите, их сосватают! А Алёшенька – перед всеми дочками Мономаха, кроме Евфимии! Она умная.

– Что городишь? – перепугался Алёша, бросая быстрые взгляды по сторонам, потому что голос у Василисы был очень звонким, – кто я такой, чтоб пялиться на княжон?

– Премудрая Василиса всё замечает, – хмыкнул Серапион, – но вернёмся к сути. Замуж ты не идёшь, боярыня, потому, что нужен тебе муж лютой, жестокосердный! Такого нет на Руси.

– Зачем мне такой? – спросила Евпраксия, выпив мёду, – разве на цепь сажать?

– Нет, седлать! Ты на любом муже захочешь ездить верхом, потому что сердце у тебя гордое, а ум – острый. Но что за радость ездить верхом на осле? Да и на коне надоест. Вот Змея Горыныча оседлать – это дело стоящее! Ведь правда?

– Да ну его, – не слишком уверенно отказалась Евпраксия, взглядом спрашивая совета у остальных своих собутыльников, – я согласна и на осла. Пусть будет осёл. Ведь мне уже двадцать пять! Надо думать трезво, зачем витать в облаках?

– Я с тобой не шутки шучу! – вышел из себя бывший поп, – трёхголовый Змей крылья расправляет как тучи, целые города сжигает огнём! Все перед ним падают и трепещут, а ты на нём сидишь и уздечкой правишь туда-сюда! Ну не красота ли, скажи?

– Да ты помолчал бы, Серапион, – махнул рукой Ставер, чокнувшись с Алёшей и Даниилом, – напился вдрызг и несёшь бесовское! Люди созданы для любви, а не для езды друг на друге. Ежели у Евпраксии сердце гордое, то пусть будет у неё муж с кроткою душою! И он ей станет примером.

Премудрая Василиса Микулишна прослезилась от таких слов. Но Серапион стоял на своём:

– Это ты так думаешь, Ставер! А твой двойник, может быть, считает иначе! И неизвестно, который из вас сильнее.

Алёша и Даниил осушили чаши. Ставер поставил свою.

– Ты о чём, расстрига? Какой двойник?

– У всякого человека есть на Земле двойник, – был ответ, – лучше о нём ночью не вспоминать, иначе придёт! И тогда лишь Богу будет известно, кто настоящий, а кто – двойник. После такой встречи один навеки исчезнет, другой умрёт. Как душа и тело.

И быстро перекрестился Серапион. Он говорил тихо, и его слышали лишь сидевшие за столом да две черноглазые, развалившиеся на лавке. Все они призадумались.

– Так что, каждый человек когда-нибудь обязательно должен встретиться со своим двойником? – негромко спросил Алёша Попович.

– Необязательно. Но такие встречи порой случаются, и тогда человеку – смерть.

– Но душа и тело должны какое-то время быть одним целым, – не согласилась Евпраксия, – почему ж двойники рас-

стаются сразу?

– Да потому, что они – не душа и тело! Душа и тело беспомощны друг без друга, а двойники – не беспомощны.

– Ты всё это откуда взял? – спросил Даниил.

– Я много бродил по свету и говорил с разными людьми.

У всякого племени и у всякой общины такое поверье есть.

Все переглянулись. Видимо, каждый сделал попытку определить, уж не двойники ли сидят с ним рядом?

– Поверье о двойниках? – уточнила Зелга. Серапион кивнул. Премудрая Василиса опять маленько приподнялась. По ней было видно, что она сильно взволнована.

– А скажи мне, Серапион: тот из них... вернее, из нас, который не настоящий, то есть двойник – это кто такой?

– Ну, ты уже слишком многого хочешь, – пожал плечами расстрига, – не всё мне ведомо! А домысливать не хочу, зачем быть придумщиком? Но я знаю наверняка, что мерзостный хан Боняк – тот самый, который с Давыдом Игоревичем союзничал, отдал Дьяволу свою душу из-за того, что встретился с двойником!

– Откуда ж это известно? – полюбопытствовал Даниил. Даже не взглянув на него, Серапион сделал пару глотков вина и глухо продолжил:

– Найден был шелудивый, гнусный Боняк на рассвете мёртвым в степи. Коня рядом не было. А все знают, что конь Боняка не дался бы никому, кроме своего господина, и никогда бы его не бросил! Значит, коня увёл сам Боняк. Но

другой.

– Ой, страх-то какой! – пропищала Зелга, которую Василиса крепко держала за руку, – меня прямо озноб пробрал, и я вся с головы до ног покрылась мурашками! Да вот только одна беда – это всё брехня несусветная!

Все уставились на неё. Она улыбалась, сидя на лавке. Серапион сдвинул брови.

– Ты обвиняешь меня во лжи? А чем подтвердить ты можешь свои слова?

– Да уж подтверждаю, не переживай! Ты что, позабыл, хер старый, какого я роду-племени? С дочерьми Боняка, никак, дружила! Тот самый конь, о котором ты говоришь, погиб лет за пять до смерти Боняка. А новый конь бросил бы его, как стебель обглоданный! И уж точно позволил бы себя оседлать хоть самому чёрту, если бы чёрт почесал его прежде за ухом и дал пряник!

Зелга орала так, что её слышали новгородцы. Они прервали свой разговор, глядя на неё.

– Хорошо, допустим, – сжал кулачищи Серапион, – а что скажешь ты о смерти князя Мстислава, сына Владимира Святославича?

– Ты сдурел? – рассмеялась Зелга, – что я могу об этом сказать? Он помер сто лет назад! Ежели ты с ним грибы собирал, то давай, ври дальше! А мы послушаем, подивимся!

– Девка ты глупая, – проворчал расстрига, огладив бороду, – сразу видно, что родилась под кобыльим брюхом! Всем,

кроме тебя, ведомо, что Мстислав Владимирович за два дня до смерти встретился с двойником своим на охоте и рассказал об этом Баяну! Тот даже песню сложил...

– Серапион, хватит, – страдальчески закатила глаза Евпраксия, – мне и без твоих сказок дурные сны каждую ночь снятся! Ставер, ты можешь нам поиграть?

Евпраксии Ставер никак отказать не мог. Взглянув на премудрую Василису Микулишну, которая величаво ему кивнула, он положил гусли на колени, подкрутил колышки, тронул пальцами струны. И музыка потекла из-под его пальцев, словно река, вся солнцем пронизанная. Все смолкли. Кроме Данилы. Тот что-то тихо сказал Алёше Поповичу, встал и вышел из кабака. Остальные слушали. А когда Ставер начал играть быстрее, задорнее, да запел удалую песню черниговскую, кабацкие девки все повскакали с мест и пустились в пляс, визжа от своей дурацкой девчачьей радости. Тут же к ним присоединились Серапион и Алёша, который вынул из ножен саблю и начал ею размахивать. Новгородцы громко подбадривали их возгласами, а кто-то даже захлопал рукою об руку в такт ударам по полу каблуков и девичьих пяток. Против всеобщего ожидания, ни Евпраксия, ни её половчанка, ни Василиса плясать не стали. Место ли благонравным барышням среди буйных, пьяных блудниц? Евпраксия, может быть, вскоре и перестала бы важничать – мёд был крепок, но тут внезапно открылась дверь, и влетела девка, которая перед этим вышла. Обогнув пляшущих, подбежала она

к Ираклию. Тот от нечего делать расставлял столбики из монет, серебряные и медные. Когда девка что-то ему сказала, он вскочил на ноги, задев стойку. Столбики рухнули, и монеты все разлетелись по полу. Но Ираклию было уж не до них, плевать он теперь хотел даже на серебряные.

– Спасайтесь! Бегите! Прячьтесь! – крикнул он так, что Ставер зацепил пальцем не ту струну, – сюда едет Вольга Всеславьевич!

Глава шестая

Даниил шёл к Почайне, купаться. Было ему невесело. Так невесело, что не мог он думать о поручении Мономаха. Выйдя из города через Северные ворота, мимо которых бежала речка, гусяр направился к лесу, откуда она текла. Путь его лежал среди рощ берёзовых и осиновых, что шумели едва проклюнувшимися листьями на крутых прибрежных холмах. Даниил шагал по этим холмам, слушал птиц и думал, что никого не сможет он любить так, как любит Евпраксию. Интересно, сколько ещё безумцев льют слёзы из-за неё и не хотят жить? И о ком вздыхает она сама с такими же мыслями?

За холмами до самой опушки леса лежало большое поле, пересекаемое Почайной. Как раз по этому полю гнался во сне за Евпраксией жеребец с пылающими глазищами. Здесь гусяр и решил купаться. Оставив позади рощу, он подошёл

к реке, над которой плавно кружились коричневые стрекозы, и огляделся по сторонам. На западе и на юге к полю примыкал лес вековой, дремучий. На севере он был редким. Там стоял Вышгород златоглавый. Со всех его колоколен струился звон. Он достигал речки, хотя сам Вышгород за дубравами виден не был. Солнце уже висело не над Днепром, а над лесом. Близился вечер. Жара стояла июльская. А ведь только-только начался май! Но, пока Данила стягивал сапоги, рубашку и шаровары, на западе появилась большая туча. Вскоре она заслонила солнце. Почай-река потемнела, сделалась неприветливой. Подул ветер.

Когда гусяр по песку с ракушками входил в речку, случилось то, чего он боялся. Из омута под ракушками прозвенел короткий девичий смех. Он длился одно мгновение. Даниил поглядел на омут. Хоть ничего он там не увидел, кроме ленивой, тёмной воды, купаться ему решительно расхотелось. Кто под водой? Утопленница? Русалка? Истину говорила матушка про Почай-реку, что одна струя у неё как вода кипит, другая струя как огонь горит, а третья струя как девичий смех звенит, и она несёт худшую беду, чем первые две! Но что ж теперь, трусить? Перекрестившись, вошёл Данила в воду по грудь и быстро поплыл к противоположному берегу. Не доплыв, повернул назад. Вода была ледяная. Речку питали подземные родники из-под лесных топей.

Туча уже висела почти над Киевом. Из неё высверкивали ветвистые, ярко-синие молнии. Совершенно окоченев, непо-

слушный сын выбрался на берег и торопливо оделся. А вот когда он нагнулся подобрать гусли, из рощи выехал всадник на вороном, красивом коне. Всадник был огромен, широк лицом, узкоглаз. На поясе у него висел кривой сарацинский меч, а пуговицы его красного кафтана были из чистого золота и мерцали в грозовом сумраке, как глаза жеребца, увиденного во сне Забавой Путятишной. Оглядевшись по сторонам, Ахмед направил коня прямо на Данилу. Тот, выпрямляясь, также оглядел берег – нет ли хоть камня тяжёлого или палки увесистой? Но какое там! Перед ним лежали только ракушки да гусли звонкие. Чем отбиться?

Остановив храпящего, фыркающего коня шагов за двенадцать от гусяра, турчин рассмеялся и произнёс хриплым голосом, медленно подбирая слова:

– Ну что, Даниил, погулял с Забавой? Разве не передали тебе, что если ещё хоть раз ты с нею заговоришь – на куски порву?

– Если ты собрался рвать меня на куски, то сойди с коня и саблю отбрось, – предложил Данила, – я безоружен.

Турчин заржал опять, скаля зубы.

– Саблю сию пожаловал мне великий греческий царь! Я таким оружием не бросаюсь. Да и поможет ли тебе это? Я ведь в полтора раза выше тебя и в два раза шире! Таких, как ты, семерых голыми руками убью. А если мне будет лень спрыгивать на землю – конём стопчу я тебя, Данила! Куда ты от меня денешься?

– Но зачем же проливать кровь, если оба мы – христианами? – миролюбиво спросил гусяр, – ты лучше скажи, чего тебе надо? Договоримся.

– А я уже говорил. Но ты ведь меня не понял! Мой господин, Михаил-патрикий, женится на Евпраксии. Для чего ты её позоришь?

– Какой позор? Я просто по улице с ней прошёлся! Сама звала.

Глаза у Ахмеда налились кровью. Видя, что точно уж быть беде, Данила прибавил:

– Не убивай меня, храбрый витязь! Если отпустишь, то моя матушка даст тебе много золота.

Над Днепром полыхнула молния. Покачав громадную голову, Ахмед зацокал языком так, что гром потерялся за этим цоканьем.

– Ты дурак, Данила! Но так и быть, убивать я тебя не стану. А поучить – поучу.

С этими словами Ахмед снял с пояса плеть. Данила не мешкал. Раньше, чем шпоры вошли в конские бока, он прыгнул вперёд, резко наклонился, взял горсть песка и бросил его Ахмеду в глаза. Турчин заревел, заморгал, затряс головой. Отшвырнув плеть, схватился за саблю. Но был Данила проворнее. Зайдя сбоку, он так толкнул вороного, что тот, в ужасе заржав, повалился набок и придавил своего наездника.

Ливень хлынул. Почайна вспенилась, забурилась. Пока испуганный конь поднимался на ноги, Даниил за шиворот от-

волок от него турчина, сначала выкрутив из его руки булатную саблю и далеко забросив её в Почайну. Сошлись они в рукопашной. Туго пришлось Даниилу, но всё же он изловчился сбить врага с ног, притиснул его к мокрому песку, надавив коленом на грудь, и сжал ему горло пальцами. Ахмед долго ещё боролся – он был силён как медведь, но, в конце концов, захрипел, обмяк и опустил руки. Глаза его закатились.

– Убить тебя? – закричал гусяр сквозь грохот грозы, немного ослабив хватку, – или велеть тебе передать от меня привет господину?

– Не убивай, – прошептал Ахмед, с трудом размыкая губы. Ливень хлестал по его лицу не только потоками, но и градом. Данила больше почувствовал, чем услышал его слова. И тогда он дал своему врагу вздохнуть ещё глубже.

– Ладно, не буду! Так что, патрикий женится на Забаве? Это решение самого Владимира Мономаха? Говори громче!

– Её отец дал согласие, – был ответ.

– А твой господин Евпраксию любит?

– Любит!

– Она его?

– Я не знаю! Откуда мне это знать? Но она частенько спрашивает о нём у митрополита и у великого князя...

Прежде чем отпустить турчина, гусяр оторвал от его кафтана пуговицы с двуглавым орлом и сунул их в свой карман.

Ливень вскоре кончился. Просветлело. Колокола в Вышгороде смолкли. Над речкой сияла радуга. Сидя возле воды, Даниил смотрел, как Ахмед взбирается на коня и как отъезжает, весь скособочившись и порой сплёвывая кровь. Уже приблизившись к роще, он обернулся и крикнул:

– А всё равно на куски порву! Если не порву, изрублю! Если не один, то с Рахманом!

Рахман был названным братом Ахмеда. Он всё ещё оставался магометанином.

Очень долго сидел Данила на берегу, глядя, как над лесом горит заря. Потом он лежал на спине, следя, как темнеет небо и как на нём вспыхивают звёзды. Гусли его яровчатые намокли. Но он о них позабыл. Он хотел забыть обо всём, что связывало его с прежней жизнью, сесть на коня да и ускакать в какую-нибудь далёкую даль, где ещё не слышали про Евпраксию, дочь Путяты.

Глава седьмая

До прихода к власти Владимира Мономаха Вольга Все-славьевич со своей весёлой ватагой мотался по всей степи и брал дани-подати с небольших городов торговых, а иногда – с купеческих караванов, охрана коих насчитывала не более сотни воинов. Мономах его приструнил. Иными словами, Вольга начал с ним делиться, вошёл в почёт и даже время от времени заседал на советах князя с дружиной. Но

как он был удалым и лихим гулякой, который больше всего любит вольный ветер дикой степи, так им и остался. Кроме вольного ветра, любил он пенную брагу. Ещё он любил Евпраксию. Потому, ввалившись в кабак с пятью молодцами и увидав рядом с ней Алёшу Поповича, вынул саблю. Сабля Алёши была уж обнажена. Все прочие гости, кроме Евпраксии, Василисы, Зелги, Серапиона и Ставра, мгновенно кабак покинули. Девки спрятались под столы. Ираклию прятаться было некуда, и он сделал попытку изобразить на своём лице улыбку гостеприимства. Но вместо этого получился какой-то смертный оскал. Всем было известно, как происходят обычно встречи Вольги Всеславьевича с Алёшей Поповичем. Много знала про этих молодцев и премудрая Василиса Микулишна. Вскочив с лавки и грозно топнув кровотокащей пяткой, она воскликнула:

– Поглядите-ка на меня, глупые неумные поросята Вольга Всеславьевич и Алёша Попович! Внимательно поглядите! Ежели сей же час не уймётесь, то я на вас пожалуйюсь батюшке, и он вам за один миг головы открутит! Обоим! Вы, сволочи, меня знаете!

– И меня, – присовокупила Евпраксия, – ежели, скоты, не уймётесь, то я на вас никогда больше не взгляну!

Угрозы подействовали. Бог знает, какая была весомее. Когда сабли вернулись в ножны, премудрая Василиса Микулишна продолжала:

– А теперь, Вольга, быстренько убери своих молодцов от-

судова! Пусть в другой кабак перейдут. В этом и без них дураков хватает с избытком!

– Идите, други, – взглянул Вольга на своих товарищей. Они вышли. Девки повылезали. Премудрая Василиса села за стол. Остальные гости, за исключением Зелги, последовали её примеру. Зелга последовала былому её примеру – с важным лицом разлеглась на лавке, как самая настоящая госпожа. Ираклий, не веря своему счастью, поднёс гостям хмельное питьё трёх видов, а девки подали чаши из серебра. Кланяясь, Ираклий нетвёрдым голосом объявил, что он угощает всех даром, ибо безмерно счастлив от примирения двух знатнейших витязей земли Русской.

– Да не бреши, – зевая, сказал Вольга, – ты просто меня боишься! Правильно делаешь. И Попович меня боится. Знал он, что бабы вступятся за него, поэтому саблю выхватил.

– А ты был так смел потому, что с тобой вошли пятеро? – не остался в долгу Алёша, – один на встречу со мной пойти испугался?

Вольга собрался ответить, но упомянутые им бабы опять вмешались и окончательно погасили ссору. Серапион и Ставер сказали, что надо выпить за примирение. Это было тотчас исполнено. Потом Ставер наладил гусли и начал играть тихонечко, а Серапион спросил у Вольги Всеславьевича, откуда он прибыл.

– Ездил в Путивль, – сказал Вольга, утирая рот, – князь Владимир велел мне выяснить, точно ли оскудел сей город

пушшиной из-за того, что тамошние волхвы лисиц и куниц превращают в крыс.

– И что, превращают?

– То мне осталось неведомо. Много там и волхвов, и крыс. Но и куниц более чем достаточно. Получил князь Владимир то, чего он хотел. Так что, все остались довольны.

– Сколько же ты привёз князю денег? – зевнул Алёша Попович.

– Мало. Зато привёз ему двух волхвов. Теперь князь Владимир решает, что с ними делать – то ли отдать пресвитеру Александру, чтобы он бесов из них изгнал, то ли утопить.

– Разве нельзя отпустить? – спросила Евпраксия. Все взглянули на неё с грустью – дескать, совсем упилась боярыня! А Серапион замахал руками.

– Опомнись, дочь моя Василиса... То есть, Евпраксия! Можно ли отпустить двух хулителей христианской веры и чародеев? Вот уже скоро сто тридцать лет как крещена Русь, а враги Христа всё никак не угомонятся, не образумятся!

– Но когда пресвитер бесов из них изгонит, то не войдут ли бесы в попов, которые будут махать кадилами рядом с ним? – встревоженно пояснила свои слова дочь Путяты, – а вдруг войдут? И тогда попы придумают хитрость: будут вылеплять свечки не одинаковой толщины, а разной, чтоб и цена у них была разная. Покупаешь тонкую свечку – мало тебе благодати будет, среднюю – больше, а купишь толстую – благодати хватит на целый год! Если же перед каждой иконой

во святом храме поставить десять толстых свечей, а лучше того – полсотни, сам святой Пётр руку тебе пожмёт на ступенях рая!

– Да ты ещё мудрее меня, – заметила Василиса под осуждающее молчание остальных. Особенно посуровел Алёша, который знал, что его родитель, ростовский поп, давно уже воплотил придумку Евпраксии. Ставер Гоудинович покачал головой, подкручивая на гусях струнные колышки. Но при этом он улыбался. Вольга Всеславьевич предложил пить дальше. Ираклий вновь подбежал, желая наполнить чаши. Но был отогнан. Степной удалец хотел, чтобы только девки его обхаживали. Две девки, как бы нечаянно опершись руками о его плечи, налили в чаши вино. Когда оно было выпито, удалец обратился к Ставру:

– Скажи мне, Ставер, такую вещь! Я и сам учился играть на гусях, но без успеха. Может, плохие были учителя? Вот тебе кто дал столь великую власть над струнами?

– Лель, – серьёзно ответил Ставер, поставив чашу, – он мой учитель. Но где найти его, не скажу. Дорога к нему должна быть у каждого музыканта только своя, и неповторимая.

Василиса Микулишна просветлела от красоты и мудрости этих слов. А Серапион неистово закрестился – дескать, никак нельзя обойтись без мрака языческого! Но, так как никто на него даже не взглянул и не ужаснулся, он почёл долгом словесно выразить возмущение:

– Вот уж скоро сто тридцать лет как крещена Русь, а мы

до сих пор храним память об истуканах! Какой ещё к чертям Лель? Забудь о нём, Ставер! Обрати помыслы к Церкви Божьей!

– Кто такой Лель? – лениво осведомилась Зелга, лёжа на животе и изо всех сил болтая ногами, чтоб привлечь взор красавца Вольги Всеславьевича.

– Лель – сказочный пастушок, – дал ответ Алёша, – красивый, маленький бог языческий. Так ли я говорю, премудрая Василиса?

– Так, да не так, – пискнула дочь пахаря, – он – пастух коров и овец, и лучший гуслиар на свете! Также играет на дудочке весьма сладостно, если светит на небе солнышко. Когда Лель весело дудит, сидя на траве возле речки, даже овечки пляшут.

– А девушки? – с любопытством спросила Зелга. Тут поднесли к столу калачей – горячих, медовых, и все ими занялись. Дали калач Зелге.

– Девушки – нет, – сказала премудрая Василиса с набитым ртом, – Лель не очень любит, когда красивые девушки начинают под ярким солнцем плясать.

– А почему так?

– Потому, что девушки раздеваются от жары, а маленький пастушок этого не терпит. Лель любит девушек, но не голых. Он ещё девственник, и смущается.

Тут Алёша Попович закрыл руками наглуую свою рожу, изображая девственника в смущении. Весь кабак от хохоту

та содрогнулся, хоть каждый отметил мысленно, что обычно такие штуки выделяет Евпраксия. Но сейчас она вдруг задумалась, и как будто даже была встревожена чем-то. Это внезапное, странное помрачнение не могло укрыться ни от кого. Потому Евпраксии не пришлось особенно долго ждать тишины, чтобы обратиться к своей подруге с вопросом:

– Ты говоришь, пастушок? Овечек пасёт? И бог? И любитель девушек? Но не голых?

– Ну да, всё верно, – ответила Василиса, – а что?

– Да так, ничего. Просто вдруг подумалось: не двойник ли он нашего Иисуса Христа?

На сей раз у Серапиона даже не нашлось сил поднять руку, дабы перекреститься – так он был огорошен кощунственным изречением. У Алёши руки пали на стол, а Вольга Все-славьевич обвёл взглядом всех остальных и остановил его на премудрой дочери пахаря. Та воскликнула:

– Ты, Забава Путятишна, с дуба рухнула? Иисус Христос тут при чём?

– Простите меня, если неправа, но он – Бог, – сказала Евпраксия, – и он пастырь, а мы все – овцы его. И он любит женщин – вспомни Марию, Марфу, Марию именем Магдалина и всех блудниц, которых он защитил! Но не любит грех.

Над Киевом грянул гром. По крыше ударил ливень – тот самый, что погубил Даниловы гусли на берегу.

– Покайся, Евпраксия! – простонал несчастный Серапион, бессильно размазавшись по столу, – Иисус Христос – наш

Бог и Спаситель! А Лель – деревянный идол! Такой же, как Перун, Хорс, Дажьбог, Ярило и прочие, от которых всех нас избавил святой и равноапостольный князь Владимир! Извергни ересь из головы, дочь моя! Извергни!

– А почему у Христа должен быть какой-то двойник? – поинтересовался Вольга, давая знак девушкам наливать. Пока Василиса под стоны Серапиона и медленное брнчание Ставра красочно излагала поверье о двойниках, пока выпивали, в кабак входили разные люди, застигнутые дождём. Одни, увидев Вольгу Всеславьевича, бросались опять под дождь, другие же, посмелее, садились к дальней стене, и девушки их там потчевали.

Дождь вскоре прошёл. Выглянуло солнце, уже садившееся за лес. Рассказ Василисы Вольгу весьма позабавил.

– Видать, наш старый дурак Илья Муромец поскакал увидеться со своим двойником, – предположил он, когда самая премудрая девушка во всём Киеве завершила повествование.

– Почему? – не понял Алёша.

– Как, почему? Ты что, не слышал, куда он помчался? Кто-то ему сказал за корчагой браги, что на дороге черниговской, прямоезжей, на трёх дубах, на девяти суках сидит Соловей-разбойник, и не даёт он проходу ни конному, ни пешему, губит всех своим лютым свистом! Старый Илья поехал с ним биться.

– Ну а почему он его двойник? – изумилась Зелга, которой

дали второй калач и ковш мёду, – что между ними общего? Не пойму.

– То, что у него любой соловей – разбойник! – стукнула кулаком премудрая Василиса, – и нет от него проходу ни конному, ни пешему! Надоел!

С этими словами она вскочила из-за стола. Угадывая желание своей милой, Ставер начал играть весёлую плясовую. И не ошибся. Отбросив всякую мудрость, его возлюбленная запрыгала по всему кабаку, широко раскручивая подол ситцевого платья. Голые загорелые ноги так и мелькали, тонкие руки так и взлетали над головой! Вольга и Алёша стали притопывать да прихлопывать. Удручённый Серапион давно уже спал, уткнувшись в стол носом. Зелга обожралась калачей, и ей было лень подниматься с лавки. А вот когда Евпраксия поднялась, к ней вдруг поспешил подойти Ираклий. Он был встревожен.

– Боярыня, – сказал он, – один человек только что пришёл с берега Почайны. Он видел, скрываясь от дождя в роще, как Даниил у самой воды едва не убил Ахмеда!

– Они дрались? – ахнула Евпраксия.

– Ещё как! Но прежде кричали, спорили о тебе!

– Обо мне?

– Да, да! Ахмед утверждал, что ты очень скоро станешь женой патрикия Михаила. Что отвечал Данила, издалека было не слышать. Он говорил тише.

– Ну, хорошо, – сказала Евпраксия. Выпив мёду, она нача-

ла плясать вместе с Василисой и присоединившимися к ней девками, для которых танец всегда был в радость. За этим делом застал боярыню Ян. Вернувшись с богослужения, он перехватил бежавший по всему Киеву слух о том, что его сестра бесчинствует у Ираклия, и помчался сразу туда. Его не смутило то, что около кабака был привязан чубарый конь Алёши Поповича и саврасый – Вольги Всеславьевича. Войдя, Ян сделал попытку Евпраксию усмирить. Но не тут-то было! Вольга вмешался. Он Яна поколотил несильно, куда сильнее будто бы невзначай пихнул локотком Алёшу. Тот отлетел и грохнулся, опрокинув при этом пару столов. Но он сделал вид, что всё хорошо. А Ян разобиделся. Возвращаясь домой один, он дал себе слово устроить в субботу старшей сестре хорошую порку.

Глава восьмая

На молебен в храме Святой Софии, который происходил уже тёмным вечером, Василиса Микулишна и Забава Путятишна не успели. Но они были вынуждены пойти на ночное пиршество к Мономаху. Иначе было нельзя. Во дворце, который стоял на горе Хоривица, собралась вся знать всей Русской земли. Огромная зала, где полтора века назад юный, но великий князь Святослав пировал с патрикием Калокиром, готовясь завоевать Дунай, вмещала примерно полторы тысячи человек. Столько приблизительно и расселось под мо-

заичными сводами, за десятком длинных столов. Освещали залу царьградские золотые паникадила, висевшие на цепях. Кого только не было на пиру! Когда дочь Микулы и дочь Путьяты явились, на целый час опоздав, там не было лишь двоих – Владимира Мономаха, который после двух чаш вина пошёл спать, и митрополита, который не пришёл вовсе. Ставер Годинович сидел рядом с князем Олегом, а Даниил – с наследником Мономаха, князем Мстиславом. Каждый из этих князей удерживал своего музыканта от лишней чарки, чтоб тот не опростоволосился, когда нужно будет играть. Остальные ели и пили вволю. Стольники и прислужницы с ног сбивались, вынося груды костей и внося на блюдах жареных лебедей, фазанов и осетров. Хватало работы и виночерпиям. Все князья, купцы и бояре, кроме совсем уже стариков – Гордята и Чудина, пришли с жёнами. Очень многие из красавиц были скуласты и узкоглазы, подобно Зелге – степные ханства и Русь обменивались невестами. Два стола шумно занимала дружина младшая, то есть отроки. Но не все, конечно, а только самые благодетельные. Один стол делили между собой скоморохи с бубнами, плясовые девки и духовенство – видимо, по ошибке. Или по тонкой иронии остроумных распорядителей пира. Как бы то ни было, час веселья ещё не пробил.

Когда Евпраксия с Василисой вошли, речь произносил Ярослав, внук многострадального Изяслава. Он говорил, с печалью взирая на сводчатый потолок, что вот наконец-то все собрались, и повод достойный, так что для блага Русской

земли лично он готов забыть все обиды. Если бы кто-нибудь его слушал, то изумился бы, потому что этому князю при дележе той самой Русской земли такие куски достались, что даже у сыновей Олега и Мономаха слюнки текли от зависти. Но, по счастью, все были частично заняты разговорами, а частично – щупаньем под столами женских коленок и напряжённым сопением. Всё это не мешало, как было сказано выше, обильно пить и закусывать.

Из-за суеты слуг приход двух подружек остался для большинства гостей незамеченным. Василиса, сразу увидев свою сестрицу Настасью, спросила у неё взглядом, точно ли нет на пиру отца. И – под села к Ставр. Князю Олегу пришлось подвинуться, смилив гордую неуступчивость, от которой Русь в течение многих лет истекала кровью. Впрочем, ему было интересно потрогать хотя бы локтем девицу с месяцем, знаменитую на весь Киев своею мудростью. А бок о бок с Даниилом прочно обосновалась Меланья. Забыв свою щепетильность, она ему стрекотала что-то, а он помалкивал. Видя это, Евпраксия присоседилась к старшей дочери Мономаха, княжне Марице. Её супруг, греческий царевич Леон, на пиру отсутствовал, ибо у него не было глаз, и он хорошо представлял, как выглядит. Ослепили его ромеи, чтоб он не мог посягать на константинопольский трон.

– Что-то я не вижу патрикия Михаила, сестра, – сказала Евпраксия, когда князь Ярослав умолк и все осушили чаши.

– Он у отца, – ответила дочка князя Владимира, – и тебе

бы надо там быть!

Забава Путятишна удивилась.

– Мне? Зачем мне там быть?

– А затем, что там речь идёт о тебе.

Евпраксия недоумевающе обвела глазами всю залу, как бы ища объяснения на весёлых, красных, вспотевших лицах. Она увидела Яна. Брат сидел среди отроков, в ряды коих втесались барышни. Среди них красовалась, как лебедь белая среди уток, княжна Настя – младшая дочь Владимира Мономаха. К Яну прилипла какая-то худосочная, наруганная девица с пышными косами. Она мило устроилась у него на коленях и нежно дёргала его за ухо, а когда ей это надоедало, кончиком языка лизала ему самый кончик носа. Обоим было смешно.

– Патрикий на меня жалуется, должно быть? – предположила Евпраксия.

– Может быть. А на Даниила – точно.

– На Даниила?

– Будто не знаешь, – съехидничала Марица, облизав пальцы после перепелиного крылышка с чесноком и индийским перцем, – Ахмеду крепко досталось! И он лишился всех своих пуговиц. Поздравляю.

Выпив ещё вина, Евпраксия поднялась и заторопилась к дверям. И вовремя – к ней уже направлялись, слегка покачиваясь, румяный Вольга Всеславьевич и ещё один богатырь, Михайло Казаринов. Но она от них убежала. Они за ней бы-

ло ринулись, но их сразу остановила, поманив пальчиком, сердобольная княжна Настя.

Покинув залу, Евпраксия по крутой, узкой винтовой лестнице устремилась вверх, где были великокняжеские покои. Стук каблучков по древним каменным плитам взмывал очень высоко в темноту и там превращался в гул. Конечно же, приходилось идти наощупь. Но за очередным поворотом лестницы впереди появился свет. Там была дубовая дверь княжеской ложницы. Возле неё при свечах стояли на страже два молодых дружинника с алебардами. Они оба приветливо улыбнулись Евпраксии, потому что она со всеми держалась просто.

– Князь весьма занят, – сказал ей один из них, а другой прибавил:

– Там у него сейчас Михаил-патрикий и монах Нестор.

– Они-то мне и нужны, – обрадовалась Евпраксия и взялась за дверную ручку.

Владимир Мономах знал, что вряд ли получится у него уснуть этой ночью – после тяжёлого дня разнылась нога, и решил хотя бы уж провести время с пользой. Придя с пира, он сел за стол и велел одному слуге зажечь свечи, хотя горела лампада перед иконами, а другому – сходить за иеромонахом Нестором из Печерской лавры. Нестор руководил работой над летописным сводом Русской земли. Он обладал очень красивым почерком, знал полдюжины языков и был нужен князю затем, чтобы написать письмо французскому

королю Людовику Шестому. Имея славный пример Ярослава Мудрого, Мономах решил породниться с династией Капетингов. У тридцатитрёхлетнего короля была уже дочь на выданье, Изабелла, а у великого князя вымахал внук Изяслав Мстиславич. Чем плоха пара?

Когда слуга убежал, старый князь хотел послать за лекарем-сарацином по имени Аль-Аршан, чтобы тот принёс ему какое-нибудь лекарство от боли. Но тут внезапно явился патрикий Михаил Склир, о чём Мономаху сообщил отрок.

– Что ему надо? – с неудовольствием спросил князь.

– А кто его знает! Сказал, по важному делу. Как нам с ним быть, государь?

– Впустите его. Чувствую, от лекаря нынче толк будет невелик!

Правая нога болела у Мономаха с молодых лет, когда на него во время охоты бросился барс, раненый стрелой. Повалив князя вместе с конём на землю, зверь вгрызся всаднику в ногу выше колена. Кабы не нож, которым охотник сумел воспользоваться, пришёл бы ему конец.

Патрикий был ещё молод, но лысоват и благообразен. Наряд его походил больше на церковный, чем на дворцовый – всё было чёрным, строгим, подтянутым. Поклонившись князю, Михаил Склир воспользовался его приглашением сесть на лавку.

– Жаловаться пришёл? – спросил Мономах, постукивая сухими и желтоватыми пальцами по столу. Брови царедвор-

ца приподнялись.

– Жаловаться? Я? С какой стати, великий князь? Пускай жалуется тот, кому выбили два зуба.

– Но он – твой раб. Увечье раба – ущерб господину.

– Он ведь не пёс, чтоб его оценивать по зубам, – тонко улыбнулся патрикий, – а если пёс, то плохой, раз его побили!

– Но бился он за тебя, – не сдавался князь, – может быть, ты хочешь сказать мне, что передумал просить руки скандальной особы, из-за которой чуть ли не каждый день случаются драки по всему Киеву?

На лице Михаила Склира опять возникло недоумение.

– Государь! Может ли остыть любовь к женщине только из-за того, что она – чересчур красива?

– Ты мне о похоти говоришь, – с досадой поморщился Мономах, – а я имею в виду целесообразность! Если ты привезёшь Забаву в Константинополь, не пошатнётся ли он от кровопролития? Не падут ли стены его под натиском варваров, жаждущих завладеть твоей царь-девицей, воспетой скальдами, гусярами и менестрелями?

– Очень тонкая шутка, великий князь, – кивнул головой патрикий, – и не лишённая оснований. Ты не напрасно считаешься дальновидным правителем. Но спешу успокоить тебя: мой дядюшка, преподобный митрополит, очень слаб здоровьем. Лекари говорят, что ему осталось не больше полутора лет. А если Евпраксия станет моей супругой, она, конечно же, сможет уговорить патриарха дать тебе право назначить

митрополита из русских архиепископов, какое право имел твой мудрейший дед Ярослав. И тогда ты станешь ещё более надёжным нашим союзником, чем сейчас. Какие же варвары, зная это, посмеют на нас напасть? Разве я не прав?

– Да это всё разговоры, – махнул жилистой рукой князь, откидываясь на спинку кресла, – чем можешь ты подтвердить своё обещание? Как Евпраксия повлияет на патриарха? Она красива, но ветрена. А святой патриарх постарше меня!

Тут Михаил Склир вдруг изобразил бойкое лукавство и подмигнул.

– Ай, великий князь! Зато василевс тебя слегка младше! А по своему положению василевс стоит выше, чем патриарх. Это шутка, шутка! Но не лишённая оснований, как и твоя. К тому же, у тебя есть царевич Леон, который имеет, по мнению некоторых людей, права на престол. В случае какого-нибудь обмана со стороны царя, который сейчас с тобой говорит моими устами, мудрый архонт, Европа тебя поддержит. То есть, царевича, имеющего права на престол. Как ты полагаешь?

– Надо подумать, – не сразу ответил князь. Он был озадачен. Возможность самому ставить митрополитов была давнишней мечтою. Также понятным было желание императора Алексея видеть в числе своих приближённых племянницу самого Владимира Мономаха, слухи о красоте которой уже лет пять служили предметом бурного обсуждения в королевских дворцах Европы. Но всё же хотелось бы иметь более ве-

сомые основания доверять словам царедворца. Уж слишком он без ума от любви к Евпраксии! Это было заметно.

Одна из трёх восковых свечей в чеканном подсвечнике догорела. Поставив новую, князь сказал:

– Как ты знаешь, Путята сейчас в Царьграде. Евпраксия передаст ему от меня письмо. Он его прочтёт и решит, давать ли своё согласие на ваш брак. Если даст согласие – там, в Царьграде, и обвенчаетесь.

– Но ведь он уже его дал! – вскричал Михаил.

– Не исключено, что он передумает. Он – отец. И имеет право.

Михаил Склир помолчал, пытаясь сообразить, откуда подул этот неожиданный ветер. Потом кивнул.

– Хорошо, великий архонт. Когда мы с моей невестой сможем отправиться в дальний путь?

– Как только твоей пока ещё не невесте будет угодно, – произнёс князь. На том разговор и кончился, потому что пришёл летописец Нестор.

То был сутулый, но вовсе ещё не дряхлый старик с длинной бородой. Его башмаки, скуфья и подрясник были такими заношенными, что прочие иноки знаменитой Лавры, среди которых он занимал особое положение по причине своей учёности и заслуг, над ним втихаря посмеивались. Отвесив низкий поклон великому князю и чуть кивнув головой патрикию, иеромонах сел за стол. Пергамент, чернильница и перо были для него уже приготовлены, и он сразу стал под

диктовку князя писать письмо французскому королю. Патрикий не уходил. Письмо было уже почти окончено, когда снова открылась дверь, и вошла Евпраксия.

Глава девятая

Забава Путятишна соврала, сказав, что надобен ей патрикий. Он был ей надобен, как болотная лихорадка. А с летописцем она дружила. Даже нередко бегала к нему в Лавру – взглянуть, над чем он работает, да поябедничать на брата с сестрицей. Меланья, впрочем, также была его частой гостьей. Порой они прибегали вместе, чтоб разобрать серьёзную ссору. Нестор, в отличие от епископа-исповедника, заставлявшего их просить одна у другой прощения, долго слушал, вникал, и говорил прямо, какая из них права, а какая – нет. Скандальные сёстры полностью доверяли его суждениям. Иногда они заставляли в Лавре Владимира Мономаха с боярами и дружинниками, а то и с митрополитом. Всех их сперва принимал у себя игумен Сильвестр, а уж затем – летописец. Но у игумена проводили они минуты, а с Нестором – никогда меньше двух часов.

Скромненько войдя, Евпраксия поклонилась Нестору в пояс, как и Владимиру Мономаху. А вот патрикия не заметила. То есть, конечно, заметила, но не подала виду.

– Ишь, ты! Явилась, не запылилась, – проворчал князь, взглянув на неё отечески, – ты по делу? Или пришла болтать

о пустом?

– Болтать о пустом, – призналась боярыня, – но, для начала, спросить – должна ли я буду, князь, читать этой ночью тебе Псалтырь?

– Пока ещё не решил. Сядь и не мешай нам писать письмо.

Боярыня опустилась на лавку рядом с патрикием. От него разило духами, как от богатых гречанок в Корсуни, где Евпраксии довелось побывать с отцом ещё до замужества. Во-евода ездил туда по своим торговым делам. Михаил сидел неподвижно, не отрывая взгляда от красноватых отсветов на квадратных каменных плитах пола. Стала глядеть на них и Евпраксия. На что было ещё глядеть? Князь с монахом были уж очень суровыми, образа – угрюмыми, окно – мрачным. Отсветы, правда, были зловещими, но слегка.

Кончив диктовать, правитель Руси обратился сперва к монаху, который взмахнул листом, чтоб чернила высохли:

– Посиди ещё с нами, Нестор.

Потом – к племяннице:

– Как живёшь? С сестрой помирилась после последней ссоры?

– После последней? – подняла взгляд Евпраксия, – мы ещё не мирились после шестой, считая назад от последней, когда она меня исцарапала, а я выдрала ей два клока волос!

– Это очень плохо, – расстроился Мономах, – к исповеди, знаю, вы ходите. Неужели епископ не побуждает вас примиряться, как завещал нам Господь и его святые апостолы?

Летописец не удержался от замечания:

– Князь, Евпраксия и Меланья мирятся каждый Чистый четверг, перед Страстной пятницей.

– Но ведь Чистый четверг уже был, неделю назад!

– Так вот всё и сходится, государь! Они за неделю ровно семь раз и сцепились.

Князь покачал головой. Но он уже знал, с чего начинать трудный разговор. И начал он его так:

– Понятное дело! Одна слишком засиделась во вдовах, другая – в девках. Надо их к делу употребить. Евпраксия, в Царьград хочешь?

– Нет, не хочу, – решительно замотала огненной головой боярыня.

– Почему?

– Там батюшка!

– Он уедет, а ты останешься.

– Вот ещё! – крикнула Евпраксия, – не поеду и не останусь! Я уже замужем побыла, ничего хорошего! И кому достанется терем, если я буду в Царьграде? Меланье с Яном? Я им не уступлю его ни за что!

Князь переглянулся с монахом, затем с патрикием. Михаил ответил ему спокойной улыбкой, давая этим понять, что дураку ясно, куда боярыня клонит, и дальше вздор слушать нечего, можно брать быка за рога.

– Евпраксия, вместо терема ты получишь целый дворец, – сказал князь Владимир. Но эти его слова вызвали скандал

ещё больший.

– Вот уж спасибо! Но не хочу я жить во дворце у Змея Горыныча!

– У кого?

– У Змея Горыныча!

Настал сумрак, ибо ещё две свечи оплавились до конца. Князь зажёл другие и вставил их в канделябр вместо огарков, которые он извлёк с помощью платка. Ему всегда нравилось самому заниматься этим. Нестор, тем временем, делал вид, что сосредоточенно проверяет письмо – вдруг буква пропущена?

– Погляди на меня, боярыня, – неожиданно подал голос Михаил Склир, с шутливой обидою выпрямляясь и поворачиваясь к Евпраксии, – разве три головы у меня? Скажи!

Боярыня поглядела очень внимательно.

– Нет, одна, – признала она, – но я говорила не про тебя, патрикий. Ведь твой дворец царьградский тебе не принадлежит, как и голова!

– А кому всё это принадлежит? – встревожился царедворец.

– Я уже объяснила. Змею Горынычу.

– Это царь? – спросил Мономах.

– Никакой не царь! Царь – только одна из его голов. Другая голова – Церковь.

Нестор, подняв глаза, уставился на Евпраксию. Михаил растерянно и безмолвно развёл руками – мол, сами видите,

что у вас творится здесь, на Руси! Князь пригладил бороду.

– Ну, а третья? Должны быть три головы у Змея Горыныча. Насчитали две – царь и Церковь. А третью как назовёшь?

– Народная глупость! – выпалила Евпраксия, набрав воздуха во всю грудь, чтоб разом всё выпалить, – цари, Церковь, глупость народная – вот вам три головы проклятого Змея, которому уже почти всё на свете принадлежит, кроме лесных чащ да топких болот! А вот я не желаю принадлежать ему! Не желаю!

Молчание длилось долго.

– Нет, она не могла своей собственной башкой додуматься до такого, – заговорил летописец раньше, чем Мономах открыл рот, – она слишком много ходит по кабакам, торгам да подворьям. А там какой только сброд днями и ночами не ошивается, ища мудрости в винных бочках! Сам знаешь, князь. Расстрига Серапион один чего стоит! Его послушать – волосы встанут дыбом даже не на такой глупой голове. Болота и чащи – это, конечно же, про волхвов. Они там засели. Но ведь она не знала, что говорит именно о них! Она просто повторила чьи-то слова.

Евпраксия промолчала, поскольку Нестор был прав. Ей сделалось боязно. Ой, чего наболтала сдуру? Но Мономах, казалось, поверил Нестору.

– Ты, боярыня, говорят, в кабаке плясала сегодня днём? – поинтересовался князь, – это так?

– Плясала, – решила не отпираться Евпраксия, – но ведь

я была не одна! Со мною там были премудрая Василиса Микулишна и Алёша Попович. Да, и Вольга Всеславьевич тоже был!

– Ну, это всё пламенные блюстители женской чести, – мрачно забарабанил пальцами Мономах. Чуть-чуть помолчав, прибавил: – Надо твоему братцу сказать, чтоб он за тобой присматривал строже, Филиппа почаще звал. Совсем ты от рук отбилась, племянница! А твоему отцу напишу, чтоб он завещал терем и богатство Меланье с Яном, иначе ты сдурю-спьяну всёпустишь по ветру!

– Напиши! – вошла в буйный гнев Забава Путятишна, – напиши ему, князь Владимир! Ещё вели у меня забрать и юбку последнюю, чтобы я из дома не могла выйти! Также распорядись, чтоб батюшка выдал Меланью за Даниила. Я буду счастлива, если мой Даниил воспользуется моим законным имуществом и моей любимой сестрой, красавицей редкой!

И она громко расхохоталась. Князь и монах взглянули на Михаила. Тот был спокоен. Ему ли, опытному сановнику, было вздрагивать и бледнеть! А через минуту спокойствие вдруг пришло и к Евпраксии.

– Хорошо, – сказала она, хлопнув по коленкам ладонями, – я согласна, великий князь. Согласна на всё. И в Царьград поеду, и выйду замуж за Михаила-патрикия. Но – с одним небольшим условием.

– Говори же, – сдержанно подбодрил племянницу князь, потому что та вдруг умолкла, словно утратив решительность.

И она, тряхнув головой, продолжила:

– Я преподнесу своему жениху в подарок те золотые пуговицы, которые Даниил отнял у Ахмеда. И мой жених будет их носить на своём праздничном кафтане. Именно в нём Михаил-патрикий меня поведёт к венцу. А ежели Михаил откажется эти пуговицы к своему кафтану пришить, то никакой свадьбы не будет.

Никто не знал, что и думать. Слова Евпраксии прозвучали мягко и даже доброжелательно, но и князь, и монах, и патрикий очень хорошо поняли, что за ними может скрываться гнусность, ибо Забава Путятишна получила такое прозвище не напрасно.

– Ну а почему я должен вдруг отказаться носить золотые пуговицы с гербом? – мягко и устало, будто разговаривая с ребёнком, спросил патрикий, – ты, может быть, решила заколдовать эти пуговицы?

– Да, может быть и такое, – не стала спорить Евпраксия, – только я возражать не буду, ежели ты, прежде чем пришить эти пуговицы, поддержишь их хорошенько в святой воде, а потом твой дядя-митрополит прочтёт над ними молитву или изгонит бесов из них как-нибудь иначе. Мне нужно только одно – чтоб ты их приладил к свадебному кафтану. Тогда пойду с тобой под венец. Ну что, по рукам, патрикий?

– Да, будь по-твоему!

И они ударили по рукам, как два торговца. И оба были уверены, что заключена удачная сделка. Но Мономах был встре-

вожен.

– Что у тебя на уме? – спросил он племянницу, – говори, а то допытаюсь!

– Как допытаешься, дядюшка?

– А узнаешь! Также и я узнаю, всё ли ты время проводишь с пьяницами...

– И с грешниками! – запальчиво перебила Евпраксия, – Иисус Христос дружил с пьяницами и грешниками! А я кто такая, чтоб дружбой с ними гнушаться?

– Не смей дерзить! Я хотел сказать – допытаюсь, всё ли ты время проводишь в блуде и винопитии, или ещё бегаешь к волхвам?

– Слышу голосочек Меланьюшки! О, великий киевский князь! Неужто тебе не совестно так позорить свою племянницу перед её женихом? Вдруг он передумает?

Рассмеявшись, Евпраксия поднялась и с громким, нахальным топотом вышла вон. Когда дверь за нею захлопнулась, Михаил-патрикий также вскочил. Ему не сиделось. Медленно подойдя к оконцу, он стал смотреть на звёздное небо. Туманно, призрачно распростёрлось оно над Русью, с необычайной ясностью отражая черты своего Творца – таинственность и величие. Аскетическое лицо патрикия разрумянилось. Его грудь наполнялась ветром, который дул из степей, рассеивая туман над Днепром и вздымая волны. Киев уснул. Редкие огни мерцали и на горах, и внизу, где было Подолие.

– Как ты думаешь, Нестор, что у неё на уме? – негромко

спросил Мономах у инока, – всё ли будет, как мы задумали?
– Ох, не знаю, князь, – вздохнул Нестор, сворачивая письмо, чтобы Мономах его запечатал своей печатью, – а на уме у неё какая-то каверза нехорошая!

Через час явился боярин Ольбер, которому Мономах поручил доставить письмо во Францию. Взяв письмо, молодой воевода выслушал наставления, поклонился и вышел вон. Ещё через час отряд из сорока всадников на отборных конях поскакал берегом Днепра вниз, чтоб свернуть у Заруба на большую дорогу к латинским странам.

Глава десятая

Спустившись в пиршественную залу, Евпраксия поняла, что не так-то ей будет просто выцепить Даниила. Если она иногда, в некие особенные минуты наедине с неким гусяром, робко сомневалась в существовании Сатаны, то теперь отбросила все сомнения, потому что этот же Даниил сейчас был его орудием. Он играл, притом не один, а вместе со Ставром. Два гусяра, усевшись бок о бок, слаженно исполняли очень весёлый и быстрый моравский танец, который Ставер Годинович перенял в Царьграде у Соловья Будимировича. И так был танец хорош, что плясали все, кроме совсем старых бояр, попов и епископов. Эти спали мертвецким сном, забившись в углы или под столы, чтобы не мешаться крепким гулякам. Вот на тех стоило поглядеть! Олег Свя-

тославич, которому уже стукнуло шестьдесят, крутился сразу с пятью плясовыми девками, успевая ещё интересоваться при помощи разных шалостей, у какой из них голос громче. Но не так просто было это понять – они больше ржали, чем взвизгивали, и ловко давали сдачи, что приводило князя в восторг. А про молодых забулдыг, особенно пола женского, можно было, пожалуй, сказать одно: твою мать!

Евпраксия, будучи почти трезвой, так и осталась стоять в дверях. Она бы охотнее вошла в клетку с дикими кошками, чем туда, где христолюбивый и доблестный князь Мстислав задирает подол молодой жене боярина Яромира, которая Новый Завет знала наизусть от корки до корки, а князь Роман прижимал к углу супругу своего брата Юрия. Юрий, впрочем, скучать себе не давал – длинными своими руками тоже кого-то тискал, чуть ли не дочь Фомы Ратиборовича. Олеговы сыновья вели себя того хуже. Решив совсем на них не глядеть, Евпраксия отвела свои очи влево и там увидела близких родственничков. И, надо сказать, у неё чуть-чуть отлегло от сердца. Ян без особого скотства плясал с Настасьей Микулишной, а один из его дружков танцевал с Меланьей. Она была его выше, да и заметнее, да и вся её святость куда-то делась, но на неё никто не смотрел, потому что рядом блистала своим искусством прекрасная княжна Настя. Эту оторву, в отличие от Меланьи, учили танцам, да и княжна есть княжна! К ней пылко пристроились сразу несколько добрых молодцев, но она ухитрилась всё же быть на виду.

Растерянная Евпраксия попыталась отыскать взглядом премудрую Василису Микулишну, полагая, что уж она-то осталась в своём уме. Да только где было её искать? Целая толпа под музыку бесновалась! Давно ли эта толпа, скорбно осеняя себя крестами, сопровождала из одной церкви в другую святые мощи? А вот уже сверкнули мечи! Кто-то обнаружил свою супругу под столом с кем-то. К счастью, дюжина слуг мгновенно обезоружила и того, и другого.

И вдруг Евпраксии повезло. Премудрая Василиса Микулишна показалась. Она ломилась к дверям, с рёвом отбиваясь сразу от двух князей и четырёх княжичей. Видимо, им был нужен какой-то мудрый совет. Но девушка с месяцем их не слушала и мотала головой так, что серьги из золота и подвески височные из жемчужных нитей на ней звенели. Было ей худо, однако своих преследователей она как-то умудрилась перехитрить, запутать, направить в другую сторону. Но в дверях столкнулась с Евпраксией.

– Ты куда? – спросила последняя, крепко взяв премудрую деву за руки.

– Отпусти! – прохрипела та, дыхнув на Евпраксию смертоносно, как Змей Горыныч. Несчастливая дочь Путяты чуть не упала замертво. Да вот тут-то всё и случилось, прямо на её замшевые зелёные башмачки! И очень обильно. Тремя огромными волнами. Но Евпраксия не обиделась, потому что премудрая Василиса Микулишна, кажется, начала обретать способность соображать. Ну, по крайней мере, взгляд её

раскосых и чёрных глаз маленечко прояснился.

– Душа моя, у тебя сейчас получится проявить смекалку и мудрость? – осведомилась Евпраксия, сняв с её шеи платок и кое-как вытерев башмачки.

– А что тебе надобно, моя прелесть? – уже не хрипло, а хрипленько поинтересовалась дочь пахаря, – говори! Всё сделаю в два щелчка!

– Мне нужен Данила! Прошу тебя, жизнь моя, измудрись его притащить!

– Сейчас измудрюсь, – совсем уже мелодичным, хрустальным голосом простонала бездна премудрости. И, схватив свой платок, нырнула обратно в залу. Никто её не задерживал, потому что она размахивала платком, громко объясняя, для какой цели он был использован. Без труда протиснувшись к гусярам, весёлая девушка бросила платок на пол и сотворила следующую премудрость: взяв со стола серебряное широкое блюдо, она шарахнула им Даниила по лбу. Раздался звон на всю залу. Гусярь вскочил. Швырнув на стол гусли, он побежал за обидчицей. Та, понятное дело, неслась к дверям, сметая со своего пути и князей-буянов, и княжичей-недомерков, и пьяных куриц в кокошниках. Блюдо она бросила по дороге. Никто из пляшущих не заметил, что Ставер уже остался один. На лбу Даниила вздувалась шишка. Когда гусярь очутился в руках Евпраксии, а премудрая Василиса помчалась дальше, шишка была уж размером с грецкий орех.

– Где это ты так? – спросила Евпраксия, поглядев на неё с большим удивлением.

– Лбом ударился об косяк, – сказал Даниил. Он уже смекнул, что всё это была мудрость. Не слишком глупо вела себя и Евпраксия. Для начала она прилепилась ртом ко рту гусяра и сладенько пососала его язык. Затем пропищала, нежно повиснув на его шее:

– Дай мне сюда золотые пуговицы, телёночек мой!

– Зачем? – не понял гусяр. В такую минуту он бы не понял и куда менее остроумную выдумку. А Забава Путятишна размягчала его руками, как комок глины.

– Дай! Пожалуйста, дай! Они нас спасут!

– Спасут? От чего?

– От гибели! От разлуки! Я ведь тебя люблю, и ты меня любишь! Клянусь, они мне нужны!

Даниил задумался. Тут Забава Путятишна разозлилась и начала трясти его, как согнувшуюся под тяжестью плодов яблоню.

– А ну, дай сюда пуговицы, осёл! Иначе – конец и тебе, и мне! В Царьград меня увезут навеки с постылым мужем!

– На, подавись, – холодно сказал Даниил, мало что поняв, но очень обидевшись, и достал из кармана пуговицы. Шесть штук. Стремительно заграбастав их своей тонкой ручкой, Евпраксия вдруг заметила, что из залы следит за нею чьё-то лицо, вроде бы знакомое. Она тут же его узнала. Это была одна из Меланьиных подружек, имя которой даже

и вспоминать не хотелось. Высунув ей язык, Забава Путятишна ещё раз коснулась губами губ Даниила и устремилась прочь из дворца.

Она задыхалась. Перед распахнутыми дверьми, с другой стороны которых виднелись отроки с алебардами, колобродил Вольга Всеславьевич. Он стоял на коленях перед супругой Всеволода Олеговича, княгиней Елизаветой. Но богатырь преклонил колени вовсе не из почтительности. Его могучие руки были под юбкой из золотой греческой парчи. Княгиня стонала, глядя руками русую голову удальца. Ни он, ни она Евпраксию не заметили. И отлично! Что-то ответив что-то спросившим у неё отрокам, дочь Путяты стремглав пересекла двор и выбежала к воротам.

А за воротами ждала Зелга. Тоненькая, взъерошенная, босая, она дрожала от холода, потому что май едва начинался, и ночи были ещё студёные.

– Что ты делаешь здесь? – не сбавляя шаг, спросила Евпраксия. Зелга быстро последовала за ней.

– Как, что я здесь делаю? Разумеется, жду тебя!

– Зелга, что за вздор? Откуда ты могла знать, когда я покину пир?

– Да я и не знала! Поэтому вся продрогла.

Евпраксия улыбнулась.

– Ну, хорошо. Сейчас мы с тобой пойдём на Подолие.

– На Подолие?

– Да. Бегом.

И они вприпрыжку пустились по травяному склону большой горы к туманным низинам Киева. Там мерцали редкие огоньки. Ночь стояла светлая, но не тихая, ветер прямо выл и стонал. Кое-как согревшись быстрой ходьбой, Зелга попросила Евпраксию рассказать, как проходил пир. Евпраксия рассказала о разговоре у князя, о своей хитрости и о Василисиной мудрости. Осознав смертоносный замысел госпожи, Зелга испугалась. Конец рассказа даже пролетел мимо её ушей.

– Очень опасное дело ты затеваешь, душа моя! – резко заявила она Евпраксии, – откажись от своих намерений!

– Почему? Какая опасность мне угрожает?

– Этот патрикий – очень дурной человек. Меня пробирает дрожь, когда я встречаю глазами его глаза! И он к тебе воспылал нешуточной страстью! Весь Киев только об этом и говорит.

– Ну и что с того? Сотни дураков пылают ко мне нешуточной страстью! Да и к тебе. Разве мы должны каждого из них опасаться?

– Но за тобой следят, госпожа!

Вот тут уж Евпраксии стало не по себе. Они только что перешли пустынный Боричев въезд и видели впереди всё киевское Подолие, озарённое светом луны и звёзд.

– Кто за мной следит?

– Я думаю, половцы!

– Что за вздор?

– Нет, это не вздор! Я ведь половчанка, и своих чую за три версты! Поэтому подошла сегодня к воротам, чтобы тебя дожидаться и проводить. Вот уже неделю, когда мы ходим с тобой по городу ночью, я всегда чувствую, что за нами кто-то крадётся.

И Зелга вдруг огляделась по сторонам, испуганно сжав запястье своей боярыни тонкими, почти детскими пальцами. Но Евпраксия гнала страх.

– Откуда ты знаешь, что это половцы? Как могли они пролезть в Киев?

– Да я тебе говорю, что чую я их! Я не удивлюсь, если они прячутся на подворье митрополита, ведь там кого только нет! Этот варяг, Ульф... Ты же его видела?

– Да, встречала.

– Он только там и сидит, по городу ходит редко! А про него говорят, что он – человек опасный, служил девяти царям и трём королям, да каждого из них предал! И у него какие-то дела с Михаилом. Этого Ульфа сегодня не было на пиру?

– Я его не видела.

Они шли южным краем площади, по которой слонялись одни собаки. Ближе к подворьям и кабакам мельтешили девки, в потёмках очень похожие на созвездия, потому что эти туманные киевские потёмки и для Евпраксии, и для Зелги были ещё мрачнее, непостижимее, чем сияющая бездонность ночного неба. И посему, когда вдруг из-за угла вы-

шли трое да преградили ханше и королевишне путь очень недву­смысленно, Зелга вскрикнула. Но Евпраксия, у которой было твёрдое правило: сперва злиться, затем пугаться, так поступила и на сей раз. Она начала с того, что обозвала трёх призраков мерзопакостными ублюдками, а потом, при­глядевшись к их пьяным рожам, стала и вовсе топать на них ногами.

– Ах вы, поганцы! – заверещала она, – Может быть, ещё и ножи на меня поднимете, чтоб я встала тут перед вами на четвереньки, а заодно и Зелгу свою нагнула? Василь, Радомир, Иванко! Когда-нибудь я до вас доберусь, сукины сыны, знайте! Вольга к вам в гости пожелует!

– О, да это сама Забава Путятинна! – рассмеялся один из молодцев, а другой воскликнул:

– Прости, боярыня, не признали тебя во тьме! Куда держишь путь? Может, проводить?

– Ведь не мы одни ночью шарим, – прибавил третий, – опасно!

– Да ну вас к дьяволу, я уж почти пришла! Проваливайте.

– Живее! – пискнула Зелга, – пока я добрая!

Удальцы исчезли так быстро, что Зелге снова стало не по себе. Но у неё тут же мелькнула мысль, что, в целом, плевать, кто они такие и куда делись за один миг – главное, что сгинули! Усмехнувшись, две полунощницы зашагали дальше по жутким, мрачным местам, которые днём казались им самыми весёлыми в мире.

Неподалёку от закоулочка, куда надо было свернуть, ещё какие-то ухари жгли костёр и пили хмельное. Было их больше дюжины. Среди них маячили девки. Все они также знали Евпраксию и приветливо перебросились с ней словечком.

В тесной избушке Улеба, которая примыкала к кузнице, было тихо. Но за свиным пузырьём, плотно заслонявшим маленькое окно, угадывался дрожащий огонь лучины. А когда Зелга стукнула по двери кулаком, засов вскоре загремел и залязгал. Дверь приоткрылась с долгим, тягучим скрипом. Медник сперва осторожно выглянул, затем вышел на узенькую ступеньку, которая также скрипнула. Лицо мастера было чистым, как и одежда. Узнав при свете луны боярыню, он смутился. И Зелга вдруг заметила то, чего она почему-то не замечала днём – что ему не больше двадцати лет.

– Ещё не ложился? – осведомилась Евпраксия, – или уже вскочил?

– Ещё не ложился, – пробормотал Улеб, – задумался над узором.

– Каким узором?

– Епископ Пётр заказал мне медный светильник для Берестовской часовни. Этот светильник к Троице надо выковать.

– Как обидно! А я, дружочек, по делу к тебе пришла.

– По какому делу?

Евпраксия поглядела на Зелгу. Та вдруг обиделась.

– Я замёрзла! Я вся дрожу!

– Тулупа у тебя нет? – снова обратилась боярыня к мо-

лодому медных дел мастеру. Тот ушёл в избу и вскоре вернулся со стареньким полушубком, пахнувшим прелой овчиной. Ему этот полушубок был бы чуть ниже пояса, Зелге же он пришёлся почти до самых колен. Она в нём согрелась за один миг.

– Теперь хорошо? – спросила её Евпраксия.

– Да, неплохо.

– Спокойной ночи!

Когда скрипучая дверь захлопнулась и засов внутри лязгнул, Зелга уселась прямо на землю возле порога и обняла руками колени. Её большие, мечтательные глаза глядели на звёзды, слегка подёрнутые туманом. Невдалеке подбрасывал к небу искры яркий костёр. Около него пили мёд разбойники. Зелге было приятно думать о том, что эти же звёзды сейчас мерцают над степью, что на них смотрят лихие воины, отпустившие лошадей пастись и молча сидящие у костров. Впрочем, если бы они были лихими, разве загнал бы их Мономах в такие далёкие степи, к берегам Дона? Говорят, он собственноручно убил в бою двадцать ханов, и в их числе Урусобу, которого до него никто не мог одолеть. Нет, степь хороша, но в Киеве тоже очень даже неплохо. Здесь госпожа! Она лучше лошади. Ну, в том смысле, что с ней ходить пешком лучше, чем без неё скакать на коне по степи галопом.

Вдруг что-то снова стало скрипеть – быстро и ритмично, и не снаружи, а прямо в самой избе. Зелга улыбнулась. Ей это было знакомо. Но только зря госпожа всё это затеяла! Очень

зря. И с такими мыслями половчанка крепко уснула, спиной прижавшись к нижним венцам избы. Голова рабыни низко склонилась, и пряди её густых, волнистых волос, коснувшись земли, раскачивал ветерок. Ночь уже была на исходе.

Глава одиннадцатая

Было возле Киева место, которое все привыкли именовать Роксаниной горой. Оно находилось немного к северу, за Почайной. Это был холм над крутым берегом Днепра. С других трёх сторон к холму подступал и даже вползал на него дремучий смешанный лес. Говорили, что полтора века назад на этом холме высился красивый дубовый терем за частоколом, а в нём жила под большой охраной любовница Святослава, прекрасная египтянка Роксана. Никто её не любил, кроме самого Святослава и его близких друзей. Когда воинственный князь сражался с болгарами и ромеями на Дунае, к Киеву подошла орда печенегов. Город они брать приступом не посмели, так как боялись, что Святослав внезапно нагрянет и даст им жару, а вот Роксана была похищена печенегами, и с тех пор её след простыл. Красивый дубовый терем вскоре разграбили и сожгли. Когда Святослав со своей дружиной вернулся, на поиски египтянки отправился его тысяцкий, богатырь Рагдай. Спас ли он её, никто уже точно сказать не мог, но со Святославом Роксана больше не встретилась никогда. Позавтракав на рассвете в большой таверне около конных

рядов, Евпраксия с Зелгой вышли из Киева через Северные ворота. Долго они стояли возле Почайны, глядя на холм, обрывистый склон которого подмывал волнами синий, туманный Днепр, и думали об одном. А позади них, по пыльной дороге мимо городских стен, уже шли обозы, сопровождаемые отрядами верховых. Над степью всходило солнце.

– Ну почему богатырь Рагдай её не привёз князю Святославу? – плаксиво спросила Зелга, часто моргая заспанными глазами, – он ведь не мог её не спасти!

– Откуда мне это знать? – воскликнула госпожа, которой не довелось за всю ночь поспать ни одной минуты, – никто этого не знает! Давай умоемся и пойдём.

– Купаться не будем?

– Ты что, ещё не намёрзлась за ночь? Гляди же – если продрогнешь, за полушубком обратно не побежим!

Умывшись из грозной Почай-реки, направились они к лесу. Долго их провожали радостной песней колокола из двух златоглавых братьев – Вышгорода и Киева, а также из Выдубицкого монастыря, который великий князь Святополк построил между столицей и речкой Лыбедью. Звонари трудились изо всех сил, зовя христиан на раннюю литургию. Неподалёку от первой рощи девушкам повстречался худенький мальчик с красивым смуглым лицом. Одет он был очень бедно и башмаков не имел, однако держал в руке хорошую кожаную уздечку с медными бляхами.

– Не видали большого серого жеребца? – спросил он у де-

вушек, чуть коверкая некоторые слова, – вчера ускакал от меня, чёрт бешеный!

– Не видали, – высокомерно ответила дочь Путяты, – где тебе ездить на жеребце, тем более бешеном? Поменял бы его на ослика!

Мальчик поглядел на неё с презрением. Он был ростом уже почти как она, точно вровень с Зелгой. Та ему что-то сказала по-половецки. Ответив ей парой слов, он медленно зашагал к берегу Днепра, помахивая уздечкой.

– Это такие вот половцы по ночам за мною следят? – спросила боярыня у рабыни, когда они продолжили путь. Зелга промолчала. Она была в препоганом расположении духа. Ни распустившиеся цветы, ни майское солнце, ни трели жаворонков под яркой небесной синью её не радовали совсем.

– Влетит тебе, госпожа! – твердила она, рассеянно глядя под ноги, чтобы не раздавить жука с грозными рогами или кузнечика, – ох, влетит!

– Ты, дура, не радуйся! У Филиппа в субботу работа будет двойная. Мне безусловно влетит, но и тебе тоже.

– Это за что?

– За то, что не удержала.

Зелга разнылась ещё сильнее. Когда пересекли поле и вошли в лес, нытьё переросло в вопли, так как рабыня была босая и сучья стали колоть ей ноги. Евпраксия обругала саму себя. Неужели трудно было додуматься купить Зелге обувь, когда они шли по торжищу? Пришлось снять свои башмачки

и отдать их ей. Зелга успокоилась. А боярыне шлось босиком по лесу неплохо – ноги у неё были менее нежными, чем у Зелги. Та ведь была познатнее родом! Как ни крути, двоюродная племянница самого хана Тугоркана! Правда, внучатая, но капризная и визгливая свыше всякой разумной меры.

Путь девушек через лес был долгим. И страшным. Зелга, к примеру, чуть не скатилась в овраг. И версты две-три пришлось пробираться между болотами. Одно, слева, краем своим достигало большой лесистой горы. А другое, справа, сияло под жарким солнцем почти до самого горизонта. Лягушки слева и справа квакали так, что путницам приходилось почти кричать, когда им хотелось поговорить. Впереди виднелся лес смешанный. Дошагав до него, боярыня и служанка шли по нему до полудня. Затем они с наслаждением напились из ручья в овраге и легли спать под огромным дубом. Проспав часа полтора, продолжили путь и к вечеру забрели в дремучий еловый лес. Он то поднимался на косогоры, то опускался в лощины и там стоял колючей стеной. Зелга опять ныла. Теперь она была голодна. И так она надоела своей боярыне, что та вырвала из-под ёлки крапивный стебель и пригрозила надрать кое-кому зад, если писк и вой не будут прекращены. Зелга ей на это ответила, что сейчас, должно быть, в Киеве поднят страшный переполох и лучше бы им там больше не появляться. Евпраксия согласилась.

– Да, так и есть. Но если боишься, зачем со мною пошла?

– А как было не пойти? Ведь ты бы одна побежала в лес!

Кто бы мне поверил, если бы я сказала, что знать не знаю, куда тебя чёрт понёс? Меня бы засекли до смерти!

– Ты права, – признала Евпраксия, бросив стебель, – ладно, пошли! Осталось идти чуть-чуть.

И точно, через две сотни шагов ёлки расступились. И впереди открылась поляна. И обе замерли, хоть Евпраксия к этой самой поляне как раз и шла, потому как знала, что там находится.

Посреди поляны, на четырёх пеньках, стояла избушка с двускатной крышей из плотных еловых лап. Стены были сложены из дубовых брёвен, поросших мхом. От двери избушки вела вниз лесенка – три ступеньки. Трава около ступенек была примята. Вокруг стоял красный от заката еловый лес, который хранил угрюмую тишину. Её нарушала только кукушка.

– Сказочная избушка! – дрожащим голосом прошептала Зелга, крепко сжав руку своей боярыни, – кто здесь живёт, в еловом лесу?

Боярыня улыбнулась.

– А как ты сама считаешь – кто может жить в еловом лесу, в маленькой избушке на курьих ножках?

– На курьих ножках? Но ведь она стоит на пеньках!

– А ты погляди на эти пеньки внимательно! У них корни сверху обнажены, похожи на лапы огромной курицы – грубые, желтоватые и с когтями.

Зелга прищурилась.

– Так и есть! Избушка на курьих ножках! Должно быть, в ней живёт уродливая старуха, похожая на лягушку! Чуешь, как пахнет сыростью? Не иначе, рядом болото!

– Именно так, моя дорогая, всем и рассказывай, – приказала боярыня, – видели, мол, в еловом лесу избушку на курьих ножках, а в ней живёт уродливая старуха, похожая на лягушку! Бабка-лягушка.

– Бабка-ягушка, – шёпотом повторила Зелга, которая не всегда выговаривала звук «л», – а лучше – Баба Яга! Так и покороче, и пострашнее. А почему я должна всем подряд рассказывать про избушку на курьих ножках?

– А потому, что во рту у тебя вместо языка – поганое помело! Уж если будешь болтать – рассказывай, как велела. Ещё рассказывай, что у этой Бабы Яги изо рта торчит длинный клык, что она летает над лесом в ступе, размахивая метлою, и всякого, кто войдёт к ней в избушку, сжигает в печке! Также рассказывай, что в болоте живут кикиморы, у которых нет иных дел, кроме как топить дураков, а по лесу бродит Леший! Так и рассказывай. А иначе в избушку на курьих ножках будет соваться каждый, кому не лень. Этого никак нельзя допустить.

Зелга поклялась, что именно так и будет рассказывать. В этот миг дощатая дверь избушки вдруг заскрипела и тяжело отворилась. И из избушки вышел не кто иной, как медведь. Да-да, самый настоящий, хоть и не очень большой! Неуклюже пользуясь всеми четырьмя лапами, он спустился по трём

ступенькам.

Глава двенадцатая

– Ой, мамочки! – пропищала Зелга, со страху даже присев и вытаращив глазищи, – это ж медведь!

– Заткнись, – гневно прошептала боярыня, – ты ещё не то здесь увидишь, сукина дочь!

И не обманула. Когда спустился медведь на землю, в дверном проёме вдруг появилась очень красивая девица – белотелая, стройная, ярко-рыжая! Порыжее даже Евпраксии. И на этой девице не было ничего. Совсем. Низко поклонившись медведю, который уже вразвалочку бежал к лесу, она певуче промолвила:

– Заходи и впредь ко мне, батюшка, если что! Всем будешь доволен.

И мишка, как показалось Зелге, кивнул. Когда он вошёл в еловые дебри – к счастью, не там, где стояли Зелга с Евпраксией, удовлетворившая его девица огляделась по сторонам. Не заметив двух путешественниц, ибо те за ёлкою схоронились, она хотела захлопнуть дверь. Но тут дочь Путяты сделала шаг на поляну, волоча за руку следом Зелгу, и поклонилась нагой развратнице. Та надменно прищурила на неё глаза. Глаза эти были очень большими, бесстыжими и зелёными. Распрявившись, Евпраксия обратилась к девице с такой речью:

– Здравствуй, подруга моя Лиса Патрикеевна! Не позволишь ли у тебя поужинать и поспать до утра?

– А что ж тебе в Киеве-то не спится, сударыня ты моя, Забава Путятишна? – усмехнулась голая девица и вонзилась глазами в Зелгу, – а это кто, с тобою приковылявшая? Половчанка, что ли?

– Да, половчанка. Это моя рабыня, Зелга её зовут. Долго будешь скалиться? Мы по делу к тебе пришли, а не языками чесать!

– По делу? А курочку принесли?

– Да иди ты в пень! Я бы с двумя курицами не справилась. Говорю, по делу пришли! Нет там у тебя никого?

– Нет у меня здесь никого, но кое-что есть. И это вам видеть не надлежит, мои государыни! Так что – ждите, пока стемнеет, не обессудьте.

И обнажённая девица поклонилась так, что за поясницей у неё всплыли две очень белые половинки и уголок между ними. Потом она захлопнула дверь. Делать было нечего, и легла Евпраксия животом в цветущие одуванчики, потому что ноги её уже совсем не держали. Рядом с ней распласталась Зелга, ещё сильнее уставшая. На коне она могла бы скакать неделю подряд, а вот ходоки половцы плохие. Лёжа бок о бок, боярыня и служанка не отрывали глаз от избушки. Из её маленьких окон, прорубленных в боковых двух стенах и задней, вскоре повалил дым. Лиса Патрикеевна затопила печь.

– Кто она такая? – спросила Зелга. Евпраксия неохотно

проговорила, согнав с ноги комара болотного:

– Полоумная дочь боярина Патрикея из Новгорода.

– Из Новгорода? А что же она в дремучем лесу под Киевом делает, совсем голая?

– Говорю тебе – полоумная! Возомнила себя лисицею. За муж её никто взять не захотел, кому нужна дура? Только животные её любят. Все, даже пчёлы. Когда отец из дома её прогнал, пришла она босиком к князю Святополку – он был тогда ещё жив, да и попросила его срубить ей избушку в лесной глуши. Князь не отказал. Вот так она и живёт.

Зелга призадумалась.

– А медведь зачем приходил?

– Спроси у него! Или у неё. Видимо, по делу.

– А мы зачем к ней пришли?

– А мы к ней пришли по своему делу. Ой, ой, гляди!

Закат уже догорел, и небо над лесом стало темнеть. С правой стороны, где, судя по всему, было болото, к избушке на курьих ножках медленно подползал сквозь ёлки туман. А слева, где был покрыт ёлками бугор, из леса вдруг выбежали лосиха с лосёнком. Когда они подошли к избушке, дверь её распахнулась, и к ним спустилась голая дочь боярина Патрикея. Её прекрасное тело казалось в сумерках таким белым, что Зелга вздрогнула – уж не светится ли оно? Дав что-то лосёнку, который мигом это сожрал, хозяйка избушки ласково обратилась к его мамаше:

– Ничего, матушка! Это скоро пройдёт. Ступайте.

И звери тотчас утопали в сумрак леса. Даже не удостоив взглядом двух своих гостей, валявшихся на траве, боярская дочь поставила ногу на ступень лестницы.

– Эй, лисичка! – крикнула ей Евпраксия, – можно ли нам войти? Здесь комары лютые!

– Ещё рано, душа моя, – прозвучал ответ уже из избы, – пока только сумерки!

Вскоре дым валить перестал. Когда появились звёзды на небесах и ёлки пугающе шевельнулись под ночным ветром, двум киевлянкам было позволено войти в дом. Хлопая себя по всем частям тела, дабы отбиться от комаров, они поспешили воспользоваться любезностью полоумной.

Кроме её гибкого и белого тела, что-либо разглядеть в избе было трудно. Но Зелга сразу наткнулась лицом на целую связку высушенных грибов, свисавшую с потолка. И связок таких было очень много. Усадив гостей за стол, хозяйка дала им ложки. Села сама. На столе стоял большой глиняный горшок с грибным варевом. Стали есть прямо из горшка. Было очень вкусно.

– Зачем к тебе приходят животные? – приступила к допросу Зелга, давясь горячей похлёбкой.

– Я их лечу от беспамятства, – неохотно, но и не грубо дала ответ Лиса Патрикеевна.

– От беспамятства? Чем?

– Грибами. Ты чуешь, сколько грибов у меня?

– А разве грибы возвращают память?

– А это смотря какие. Одни её возвращают, другие, наоборот, отшибают. Грибы все разные. Надо, кстати, подсолить варево!

Вскочив с лавки, голая девица взяла с печки горшочек с солью и подсолила варево. Оно стало ещё вкуснее.

– Зачем зверям нужна память? – не отставала Зелга, – разве им надо учиться грамоте?

– У зверей грамота своя. Память им нужна, чтоб знать, что их ждёт, и избежать смерти до срока.

Зелга от удивления пролила похлёбку на подбородок.

– Знать, что их ждёт? Но память – это ведь знание не о будущем, а о прошлом!

– Это у вас, у людей! У нас, у зверей, иначе. Почему кошка просится вон из дома перед пожаром? Почему пёс начинает выть за три дня до смерти близкого человека? Почему крысы бегут с корабля, которому предстоит крушение? Это память. О будущем. Разве помнить о нём не более важно, чем знать минувшее?

– Может быть. Но если животные знают наверняка о том, что их ждёт, тогда почему они попадают в сети, в силки? Зачем выбегают туда, где стоит стрелок, уже натянувший лук?

– Они как раз для того ко мне и приходят, чтоб всего этого с ними не приключилось, – усталым голосом объяснила больная девица, – память может пропасть по вине грибов, её ослабляющих. Ведь различных грибов такое количество, что легко можно ошибиться и съесть не тот.

– А ты их хорошо знаешь?

– Да, я их знаю. Ты разбираешься в лошадях, а вот я – в грибах.

Евпраксия, между тем, насытилась, не в пример своим со-трапезницам – те ведь были более юными! Отложив еловую ложку, она взяла да и разлеглась на очень широкой лавке, которую попирал её зад. На этой же лавке сидели Зелга и полоумная дура, так что боярыня оказалась у них за спинами. У стены лежали подушка и одеяло, которыми дочь Путяты не преминула воспользоваться.

– Так значит, ты умеешь предсказывать будущее, Лиса? – опять начала трясти идиотку Зелга, – я ни за что не поверю, что ты сама не ешь те грибы, которые скармливаешь зверям!

Лиса Патрикеевна с раздражением пососала ложку.

– Да, я умышленно их не ем. Нечаянно иногда проглатываю кусочек.

– Но как же так? Разве ты не хочешь знать будущее?

– Хочу. Но я, как ты видишь, порой хожу не в звериной шкуре. А людям лучше будущее не знать.

– Это почему?

– А чтобы не озвереть окончательно.

Евпраксия очень мрачно зашевелилась под одеялом. Ей что-то сильно не нравилось.

– Ну а если тебе кто-нибудь предложит большие деньги за гриб, который откроет будущее хотя бы на один год? – сучьей хваткой вцепилась в лисицу Зелга, – ну, например,

маленький мешок серебра?

– Даже не мечтай, – причмокнула дурочка подосиновиком, – отстань!

– Почему? Купила бы себе шубу да сапоги! Зимой-то, поди, гольшом не жарко в такой избе!

Сдуревшая дочь боярина рассмеялась.

– А я зимой здесь и не живу! Я зимой охочусь, а сплю в норе.

– Что ты говоришь?

– Всегда только правду. Есть в лесу дуб, в нём – дупло. Кто влезет в это дупло и изобразит голос того, кем он хочет стать – выйдет из дупла в желанном обличье. Осенью, когда тут становится холодно, я иду к тому дубу, влезая в его дупло, твякаю по лисьи, и – спрыгиваю на землю лисицей. Весной опять вскарабкиваюсь в дупло, и там превращаюсь в девушку красоты необыкновенной. Всё очень просто.

– Не вижу здесь простоты, – дотянулась Зелга до горла вруньи, – разве лисица может заговорить человеческим голосом? Это сказки! Вольга Всеславьевич, сам умеющий превращаться в разных зверей, сказал мне однажды, что человеческим голосом только лошадь способна заговорить, и больше никто.

Врунья Патрикеевна промолчала. Потом закашлялась, сделав вид, что ей гриб попал в дыхательную гортань. Когда кашель стих, Забаву Путятишну прорвало:

– Да дура она! Всё брешет! На зиму идёт жить к родне, в

Перемышль! Там у неё тётка!

Тут и Лиса Патрикеевна впала в ярость неопишумую. Швырнула ложку на стол.

– Ну ладно, Забава, душа моя! Будь по-твоему! Хочешь знать своё будущее? Пожалуйста! Будешь, сука, молиться на лошадиный череп!

– На лошадиный череп? – переспросила Евпраксия, приподнявшись. Её служанка, которая от великого ужаса едва ложку не проглотила, прижала руки к груди. И тут где-то на бугре вдруг заухал филин. Потом он смолк, и вновь наступила страшная тишина.

– Да, на конский череп! – зловещим хохотом разломала её Лиса Патрикеевна, – будешь просить его, умолять, чтоб он тебя спас от жестокой участи!

– Конский череп?

– Да, конский череп, насаженный на высокий шест! И более я тебе не скажу ни одного слова.

Евпраксия приумолкла. У Зелги был страх велик, и она расплакалась. Но никто её утешать не стал. Около избушки летала целая сотня майских жуков. Их не было видно, но было слышно. Дохлебав варево в одиночку, голая барышня улеглась бок о бок с Евпраксией. Очень долго они молчали, ну а потом началось меж ними такое, что слёзы у Зелги высохли. Но она была к этому привычна и не смутилась. Когда её ласково позвали, она пристроилась. Очень низко над лесом стояла красная, мертвенная луна.

Глава тринадцатая

Проснувшись раньше зари, Лиса Патрикеевна затопила печь, и две её любушки выскочили наружу без ничего, подумав, что начался пожар. Хозяйка, смеясь, швырнула им вслед одежду. А через полчаса вынесла на поляну грибное варево. Когда, сидя на траве в предрассветных сумерках, уплетали варево, Зелга вдруг заявила, что тоже может предсказать будущее всех трёх на ближайший день.

– Ну так предскажи, – весело кивнула ей хищница и развратница, – не робей!

– Большую часть дня просидим на корточках за кустами!

Но всё же варево было съедено. Под конец Евпраксия поинтересовалась у Патрикеевны, не встречала ли та во время своих скитаний пастушка Леля.

– Нет, не встречала, – ответила красна девица, – да и не желаю встречать.

– А чем он тебе не нравится?

– Так ведь он, говорят, голых девок не переносит!

– Оделась бы!

– Для чего? Я дружу с мальчишками, которым мешает моя одежда, а не моя нагота.

Когда лес и небо сделались розовыми, Лиса Патрикеевна вдруг заметила среди ёлочек своего приятеля, зайца, и погнала двух подруг восвояси, чтобы спокойно принять тру-

сишку. Он, по её словам, к ней явился по очень срочному делу.

К закату солнца Зелга с Евпраксией, по пути искупавшись в маленьком лесном озере, добрались до стольного города. Но они завернули не к Золотым воротам, а к слободе около Днепра, где жил богатырь Микула Селянинович. Дом известного хлебопашца был самым высоким в предместье, вокруг двора стоял крепкий тын. Горничная девка, трепавшаяся с соседками у ворот, сказала лесным гуляльщицам, что Микула в поле работает, а Настасья и Василиса ужинают в избе.

– А нас в Киеве не ищут? – осведомилась Евпраксия.

– Как не ищут? Ещё как ищут, с ног сбились! Великий князь Мономах приказал обшарить все кабаки да притоны по всей округе! А брата твоего, Яна, он отругал, что тот за тобою не уследил.

– А Госпожа Янка?

– Госпожа Янка с тремя монахинями сама ходила по кабакам, всех трясла!

– Беда, – вздохнула Евпраксия, поглядев на Зелгу, которая испугалась, – ну а другие князья по домам разъехались?

– Да, вчера.

– Ладно, проводи нас к барышням-госпожам.

Настасья и Василиса уже не ужинали, а просто болтали и пили всякое-разное. Но остатки ужина на столе ещё пребывали. Евпраксию и её служанку две сестры встретили громкой руганью. Две беглянки не сочли нужным сразу вступить

с ними в пререкания, потому что у них нашлось дело поважнее. Они сначала уселись и подкрепились постными пирогами с рыбой, а уж потом стали отвечать.

– Я что, вашу мать, не могу в лесу заблудиться? – разгорячилась Евпраксия, хлебнув квасу перебродившего, – сколько можно меня учить? Мне через пять лет исполнится тридцать, и я вдова!

– И мне через десять лет исполнится тридцать! – орала Зелга, заметив полный ковш мёда и сразу сделав его пустым, – я – ханша кипчакская! Во Святых горах есть пещера, в ней висит гроб хрустальный на золотых цепях! Меня в этот гроб положат!

– Сперва, моя дорогая, тебя положат на лавку голой задницейй кверху, – предупредила Настасья, – сама знаешь, для чего! И твоей боярыне воздадут великую честь по её заслугам. Сегодня поутру Ян пообещал князю и вашей тётке в субботу это исполнить. Вот как раз завтра суббота! Ждите Филиппа.

Премудрая Василиса Микулишна осрамила Зелгу с другого краю – сказала ей, что отец, Микула Селянинович, одно время гулял по Святым горам, встречал Святогора-богатыря, а вот никакой пещеры с гробом не видывал. Зелга сразу начала спорить. Ну а Евпраксию больше гроба на золотых цепях взволновала лавка.

– Какие срамные глупости! – возмутился перебродивший квас в голове вдовы, – что этот наглец себе позволяет? Ведь ему только семнадцать лет! Это нестерпимо. Вот я сама велю

его высечь, а заодно и Меланью! И слуги меня послушают, потому что старшая в доме – я!

– Закрой-ка свой глупый рот! – решительно поднялась Василиса на ноги, – и сиди, молись на иконы! Я, так и быть, отправлю гонца к игуменье, а сама пойду сейчас к Яну да набрешу ему, что ты с Зелгой блуждала по лесу, но вернулась и вся трясёшься от страха! А ты, Настасья, ступай к великому князю и говори ему то же самое.

– Вовсе я не трясусь от страха, – чуть не полезла в драку Евпраксия, когда сёстры вышли из-за стола. Они только засмеялись и убежали.

Вернувшись часа через два с половиной-три, старшая сестра, то есть Василиса, сказала, что Ян сердит, однако Евпраксия с Зелгой могут спокойно идти домой и ложиться спать, а что будет завтра – зависит лишь от Меланьи, которая, судя по всему, льёт масло во все огни. Настасья же рассказала, что Мономах, выслушав её сообщение, прослезился и стал читать благодарственную молитву, а Ратибор с Мирославом, сидевшие у него, заметили, что напрасно госпожа Янка ослабила свой надзор за семьёй Путяты.

– И тебе надо сейчас пойти к моей тёзке, – сказала ещё Настасья, – Меланья, кажется, у неё.

– У Анастасии? – подняла бровь Евпраксия, – для чего она там? Зачем мне туда идти? Что всё это значит?

– Госпожа Янка велела ей разобрать ваши отношения, потому что сама она занята. Благодарю Бога за это! Мальчик,

которого Василиса к ней отправляла, сказал сейчас, что лучше тебе сегодня не попадаться ей на глаза.

Из груди Евпраксии вырвался такой вздох, что по всей избе прошелестел ветер. Анастасия Владимировна, в крещении названная Агафьей, была самой младшей, третьей по счёту дочерью Мономаха, и игнорировать эту двадцатилетнюю стерву было никак нельзя. А госпожу Янку – тем более. И помчалась Евпраксия во дворец, отобрав у Зелги свои зелёные башмачки, её же саму отослав домой.

Прекрасная темнокудрая княжна Настя уже лежала в постели, когда пожаловала к ней вдруг Забава Путятишна. Но ещё не спала, болтала с Меланьей. Та, сидя на кровати около ног двоюродной сестры, восторженно щебетала о провансальских духах, а Настенька с восхищением стрекотала о флорентийских шелках. Три сенные девушки ставили в канделябры на полках и на столе ещё по одной свече, потому что луна исчезла за тучами и оконца были совсем темны.

– И я тебя рада видеть, – строго сказала Анастасия, когда Евпраксия подошла и поцеловала её руку, а на Меланью даже и не взглянула, – мы уж решили, что твоя Зелга тебя смамила к своим сородичам, половцам! Где вы шлялись? Как ночевали?

– Да мы в лесу заблудились, Настенька, – отвечала Евпраксия, нежно чмокнув на всякий случай другую руку кузины и выпрямляясь, – а ночевали в дупле засохшего дуба.

– Зачем же вы пошли в лес?

– Просто погулять. Мы часто в лесу гуляем.

– Ходила она к волхвам, – пакостно сказала Меланья, болтая голыми ножками, – даром митрополит и епископы ей твердят, что это грешно!

Княжна приказала служанкам выйти. Как только дверь за ними закрылась, Настенька обратилась опять к Евпраксии:

– Сестра! Ян с тобой не справляется. Ты его водишь за нос, как дурачка последнего. Пятый месяц пошёл, как ваш отец отбыл, поручив Яну строго тебя наказывать, а он только краснеет перед тобой! За этот же срок несколько раз высекли даже мудрую Василису Микулишну. Я решила...

– А чем же я провинилась, Настенька? – перебила княжну Евпраксия, задрав носик, – тем, что отправилась погулять, да и заблудилась?

Всю свою красоту она озарила таким величием, что Меланья забеспокоилась. Но напрасно – в постели лежал не Ян, который всегда терялся под взглядом старшей сестры, а дочь Мономаха.

– Да, ты заблудилась, – холодно подтвердила Настя, – но не в лесу.

– Ай, княжна! – фыркнула Евпраксия, – да ты кто, епископ или красивая девушка юных лет? Пускай у нас будет только одна праведница – Меланья! Ей с таким носом очень легко быть святой.

Из-за этих подлых, сволочных слов и началась драка, ибо Меланья расплакалась, разрыдалась, да, как обычно, этим не

ограничилась. Спрыгнув на пол, она дала старшей сестре по лбу. Сцепились. Сенные девушки, прибежав на шум, их разняли. Но ругань не прекратилась. Евпраксия молотила по полу каблучками, Меланья – голыми пятками. Ор стоял невообразимый.

– Я тебя, дрянь, отучу плясать в кабаках! – верещала младшая, – потаскуха!

– Я тебя, тварь, отучу ходить босиком! – надрывалась старшая, – всему Киеву расскажу, кто матушкин жемчуг по сундукам своим рассовал! Святая угодница! Нищенка босоногая! Скоро будет и с голой задницей щеголять, чтобы все расплакались!

– Настя! – сквозь слёзы взвыла Меланья, с бешенством повернувшись к своей двоюродной сестре, – что ты всё лежишь да молчишь? Разве ты забыла, что тебе приказала госпожа Янка?

И сразу сделалось очень тихо. Все три служанки и две боярыни, красные как свекла, уставились на княжну. Та, сонно зевая, согнула под одеялом ноги и вяло вымолвила:

– Евпраксия, ты позоришь свою семью. Как мной уже было сказано, Ян попал под твоё влияние. Поэтому на него одного рассчитывать нечего. До приезда вашего батюшки за тобой приглядывать буду я. С помощью Меланьи. Её и мои советы защитят Яна от твоих хитростей, и втроём мы выьем из тебя дурость! За оскорбление ты, согласно третьей графе Русской Правды, должна уплатить Меланье две гривны

золотом. За все прочие свои выходы завтра утром будешь наказана. Ян подумает, как с тобой лучше поступить. Такое моё решение. Всё понятно?

– Да, всё понятно, – проговорила Евпраксия и, не глядя ни на кого, разгневанно вышла. На улице начинался дождь. Но старшая дочь Путяты этого не заметила. Прибежав домой, она легла спать.

К рассвету дождь кончился. Когда солнце взошло, Евпраксию разбудили Зелга и Улька. Девушки принесли большую лохань и ведро с нагретой водицей для омовения – на дворе было слишком холодно. Встав с постели, боярыня потянулась, зевнула, сняла рубашку и, вся сияя на солнышке белизной своего молодого тела, вошла в лохань. Там она присела на корточки, и служанки начали её мыть, используя греческое душистое мыло. Такое мыло стоило больших денег. Путята его прислал своим дочерям из Константинополя.

– Что слышать? – спросила Евпраксия, когда девушки обтирали её большим узорчатым полотенцем. Зелга вздохнула.

– У нас в гостях княжна Настя! А ещё в трапезную поставили лавку, моя красавица.

– Что за лавка?

– Та самая, о которой шла вчера речь! Прокуда и Дашка на ней сегодня уже ревели. Чем-то они госпоже Меланье с утра успели не угодить, и она велела Филиппу их хорошенько выпороть.

– Это был с её стороны прекрасный поступок. Значит, Фи-

липп уже прибежал? Очень хорошо! Я давно хотела уши ему надрать в очередной раз.

Девушки молчали. Надев с их помощью шёлковые французские панталоны, рубашку, блузку и юбочку, молодая боярыня приказала подать ей зеркальце и сама расчесала волосы гребешком, сидя на кровати. Потом начала румяниться.

– А не присылал ли великий князь из дворца спросить, как я себя чувствую? – поинтересовалась она, – или, может, Вольга Всеславьевич поручал об этом узнать?

– Сама княжна Настя здесь, – напомнила Улька, – её, судя по всему, игуменья Янка сюда направила! Разве этого тебе мало?

Румяна легли неплохо. Положив зеркальце на постель, Евпраксия приказала девушкам заколоть ей волосы, чтобы шея была открыта. Когда они это сделали, она встала, вынула из ларца большой кошель с золотом для Меланьи и пошла завтракать. Зелга с Улькой глядели вслед ей, пока она не свернула из коридора на лестницу. После этого они обе отправились на поварню, болтать со стряпными девушками.

От трапезной далеко разлетались по коридору звонкие голоса – сестра, брат и знатная родственница Евпраксии шумно спорили. Ян и Настя при этом ели варенье из хрусталя, сидя за столом. Меланья сидела в кресле, вытянув ноги без башмаков, и что-то пила из золотой чаши. Когда старшая сестра вошла, три спорщика разом смолкли. Кроме них, в трапезной были ещё Филипп, Прокуда и Дашка. Юный уче-

ник лекаря в иудейском своём наряде сидел на той самой лавке. У его ног стояло корыто. В нём мокли розги. Евпраксия, у которой была способность сразу замечать главное, обратила внимание, что хорошие приготовлены розги – длинные, тонкие. Из лозы. Прокуда и Дашка стояли возле печи. Глаза у двух девок, действительно, были мокрыми. Но, отвешивая поклон сестре своей госпожи, обе ухмыльнулись. Евпраксии захотелось им отомстить. И не только им. Бросив на коленки Меланьи кошелёк с золотом, она пристально поглядела на её голые стопы и огорчённо воскликнула:

– Ай, сестрица! Неровно Дашка с прокудой ногти тебе на ногах стригут! Должно быть, только поэтому Даниил всегда морщит нос, когда я ему нахваливаю тебя днями и ночами!

– Спросим у Даниила про его нос, – лениво отозвалась Меланья, запрятав деньги в карман, – он сегодня к нам придёт на обед. Но ты его не увидишь. Сразу же после порки брат на неделю тебя запрёт. Так решила Настя. И мы с тобою, и Ян должны ей повиноваться во всём! Она – наша госпожа.

Это был жестокий удар. Евпраксия разозлилась, однако виду не подала. С большой благодарностью улыбнувшись Анастасии, она уселась за стол напротив неё и занялась делом. Дело было приятное, потому чтостряпные девки готовили по субботам особенно хорошо. А кроме того, имелась малиновая настоечка. Её Забава Путятишна уважала сильно. Тарелку с гречневой кашей и холодцом поставила перед нею Дашка, вино подала Прокуда – в точно такой же ча-

ше, как у Меланьи. Но не особенно долго Евпраксия отгоняла мрачные мысли, вооружившись ложечкой и предавшись чревоугодному наслаждению, потому что Настя тоже решила взяться за дело.

– Где золотые пуговицы? – негромко спросила дочь Мономаха, отложив в сторону свою ложечку. Ян немедленно отложил свою. Он глаз не сводил с княжны. Евпраксия подняла на неё рассеянный взгляд.

– Ты что-то сказала, Настя?

– Я спрашиваю, где пуговицы?

– О чём ты?

Голос Евпраксии прозвучал так высокомерно, что ноздри Насти раздулись. Филипп, заметив это, вскочил. Взяв из воды розгу, он протянул её сквозь кулак, как бы проверяя, нет ли на ней сучков. Евпраксия поглядела ему в глаза. Он их не отвёл. Даже усмехнулся. В присутствии княжны Насти, которая предварительно наболтала ему с три короба всякой дряни, мальчишка был очень смел перед госпожой Евпраксией. Так-то он побаивался её, поскольку она с недавних времён при каждом удобном случае на него обрушивала свой гнев. Проще говоря, драла за уши.

– Очень странно, что ты не можешь припомнить такие пуговицы, сестрица, – снова заговорила княжна тоном глубочайшего сожаления, быстрым жестом вернув Филиппа в прежнее состояние, – ведь они – из чистого золота, и на каждой из них отчеканен ромейский герб. Двуглавый орёл.

– Двуглавый орёл? – мило улыбнулась Евпраксия, доев кашу и холодец, – так бы и сказала, сестра! Вот я эти пуговицы и вспомнила. Но признайся, как ты узнала о том, что я забрала их у гусяра? Какая змея тебе это на ухо прошипела?

Настя не собиралась что-то утаивать от Евпраксии, но с Меланьей тоже ей не хотелось ссориться. И она поступила хитро – взглянула не на саму Меланью, а на подошвы её босых вытянутых ног, белевшие совсем рядом, и громко вскрикнула:

– Ай, Меланья! На твою правую пятку влез таракан! Берегись, сестра – он очень похож на митрополита.

Меланья в бешенстве разоралась на таракана, и тот от неё сбежал, прыгнув на пол. Брезгливо взмахнув ногами, вспльчивая боярышня подогнула их под себя и утихомирилась. Судя по её глазкам, в золотой чаше был мёд.

– Бедный таракан, – вздохнула Евпраксия, отодвинув пустую тарелку с ложкою, – лучше бы вы его раздавили, сёстры, чем обижать, да ещё два раза!

Сделав глоток настоечки, она пристально поглядела на Яна. Тот засопел и начал краснеть. Настя и Меланья также уставились на него зоркими глазами, но не успели привести в чувство, так как Евпраксия уже спрашивала глубоким и нежным голосом:

– Братец мой, а ты для чего пригласил Филиппа?

– Вставай и снимай штаны, – сказал Ян. Он злился на самого себя за своё волнение. Но Евпраксия знала, как спра-

виться с этой злостью.

– За что прикажешь меня пороть? – осведомилась она, добавляя в голос немного сухости и досады, – скажи мне, брат, в чём я провинилась?

– А разве я это не сказал тебе в кабаке? Ничего не помнишь? Напилась вдрызг?

– В каком кабаке? Когда?

– В среду, у Ираклия! Хорошо ты плясала там, сладко целовалась с Вольгой-разбойником! Я тебе говорил тогда, что в субботу выпорю?

– Говорил, – признала Евпраксия.

– А не ты ли мне обещала взяться за ум, когда в прошлый раз тётя присылала сюда Филиппа?

– Было и это. Тут спорить нечего.

– На неделю тебя хватило! Долго ты ещё будешь позорить нашу семью, вовсе позабыв стыд и честь?

Настя и Меланья были довольны Яном, и он был сам доволен собой. Последнее обстоятельство для Евпраксии было уже половиной дела.

– Я, конечно, сделаю то, что ты мне приказываешь, – сказала она со вздохом, – если уж ты решил, что нужно меня посечь – так тому и быть. Я тебя обязана слушаться. Но сначала скажи мне, братец, Вольга Всеславьевич извинился перед тобой? Он давал мне слово, что извинится!

– Нет, ничего подобного не было, – сказал Ян, слегка растерявшись. Дальше Евпраксии нужно было действовать

быстро, чтобы две гадины не успели вклиниться в разговор. Тут же вскочив и как бы начав развязывать тесьмы юбки, она продолжила:

– Очень странно! Должно быть, ужасно стыдно ему. Но я с ним поговорю. Скажу, что ты согласился его принять и спокойно выслушать. А ответь мне вот ещё на какой вопрос, мой любимый брат: ты Меланью тоже велишь сегодня пороть? Или, может быть, её уже наказали?

– Меланью? Пороть? За что? – удивился Ян.

– Как, за что? За то, что она тёте солгала про мой больной зуб! Филипп может подтвердить, что произошла с нашей дорогой сестрой такая беда.

– Нет, я не хотела обманывать никого, – заёрзала в кресле босая праведница в ответ на быстрый взгляд Настеньки, – мне действительно показалось, что зуб у неё болит, она очень часто руку прикладывала к щеке!

Евпраксия улыбнулась. Тесёмки юбки, затянутые двойным узлом, никак всё не поддавались её изнеженным пальчикам.

– Ну а ты что скажешь, Филипп? – спросила она, обернувшись к мальчику с розгами. Взгляд, в который она вложила всю свою силу, привёл в растерянность и его.

– Мне госпожа Янка сказала, что Ян должен наказать госпожу Меланью за эту ложь, – ответил Филипп, – да, так и сказала: «Пусть брат её за враньё прилежно накажет!» А каким образом следует наказать госпожу Меланью, не уточни-

ла.

Евпраксия поглядела опять на Яна. Тот промолчал, жестом пояснив, что тётя лично ему, видимо, забыла это сказать или передать.

– Я всё поняла, – с досадой проговорила Настенька, перестав наблюдать за стараниями Евпраксии развязать тугой узелок тесёмок и заострив внимание на Меланье, которая усмехнулась с некоторой тревогой, – Меланью тоже следует наказать, раз так приказала тётя. Только не розгами. Нашу праведницу пороть – столь же неразумное дело, как стричь свинью: толку будет мало, а визгу много. Я с ней потом разберусь сама, через лоб дубовый до здравомыслия достучусь самой большой ложкой! Ну а ты, Ян, сейчас разберись-ка всё же со своей старшей сестрой...

– Которая вообще никому ничего плохого не сделала, – поспешила Евпраксия скрестить саблю с самой княжной, так как пропускать от неё удары было никак нельзя, – не думаю, брат, что Вольга захочет пить с тобой мёд! Я, во всяком случае, не желаю его об этом просить. Ты несправедлив!

С этими словами жертва коварства и вероломства позволила себе сесть, чтобы разрыдаться. Впрочем, со вторым делом она не справилась. Да оно и не нужно было, поскольку Ян призадумался, впечатлённый её словами, а Настенька и Меланья набросились друг на друга. Первая, взяв увесистую мешальную ложку, измазанную вареньем, старательно обливала её своим длинным язычком, глядя на Меланью. Та, за-

драв нос, холодно промолвила:

– Ай, спасибо тебе, княжна! Но только имей в виду, что ни тётя Янка, ни твой отец, ни митрополит вовсе не считают мой лоб дубовым.

– Тогда подумай о том, что благодаря мне ты сейчас не будешь визжать под розгами, дура! – пожалала плечами Настенька, кладя ложку на стол. Меланья, однако, вцепилась лишь в одну мысль – об оскорблении, нанесённом ей. Храня эту мысль на своём лице, писклявая барышня распрямила ноги из-под упругих ягодиц и величественным движением поднесла ко рту золотую чашу. Её старшая сестра, между тем, уже не пыталась выдавить слёзы из своих дивных очей. Но громко стонать и даже терять сознание, сразу же опять в него приходя, она продолжала.

– Ян, пошёл вон, – приказала Настенька, – ты дурак!

Ян дважды просить себя не заставил. Он понимал, что сотворил бурю, которая сметёт всё. Когда дверь за ним закрылась, дочь Мономаха перевела свой великокняжеский взор на старшую из сестёр.

– Что ты всё сидишь?

Евпраксия поправляла заколку, так как от слишком бурных телодвижений её роскошные волосы пришли в маленький беспорядок. Опустив руки, она взглянула на княжну нагло.

– Зачем мне опять вставать?

– Как будто не знаешь! – явно наперекор своему желанию

зазвенела Настя металлом в голосе, – быстро встала, задницу оголила и животом на лавку легла! Я тебя, паскудница, прикажу сейчас выдрать так, что ты у меня до Петрова дня не сможешь сидеть!

– Спасибо, сестрица, – примерно таким же тоном отозвалась Евпраксия, крепко сжав кулаки, – но я сомневаюсь, княжна, что госпожа Янка тебе такое позволила! Я сама спрошу у неё об этом.

И она медленно поднялась, сначала ударив обоими кулаками по столу. Очень ей захотелось кое-кого избить, потом сжечь весь Киев. Но всё же благоразумие взяло верх. Впиваясь глазами в пакостные глаза Меланьи, которая рассмешила пахабной шуточкой наклонившихся к ней служанок, Евпраксия обогнула угол стола и пошла к Филиппу. Тот вскочил с лавки, отвешивая поклон молодой вдове. Ему было очень страшно за свои уши, так как он видел, что всё у княжны идёт наперекосяк. Дрожащей рукой он вытащил из корыта самую лучшую розгу. Ещё бы – взгляд госпожи Евпраксии был не очень-то дружелюбным даже сейчас! А что будет завтра, когда она придёт во дворец? Но дочь Мономаха сразу же успокоила перепуганного мальчишку, который всё позабыл. Княжна подтвердила Евпраксии, что наказывает её четырьмя десятками розог и семидневным сидением под замком. Эти слова Насти услышал также и Ян. Он стоял за дверью, ибо ему хватило ума понять, что выставили его недаром. После второй угрозы со стороны княжны он наострил

уши ещё сильнее и ухитрился не пропустить ни одного слова из разговора.

– Имей в виду, – раздался вновь голос Насти, – все в Киеве будут думать, что тебя высекли по приказу Яна! Кроме того, боюсь, разнесётся слух, что великий князь ему поручил вступить за честь Меланьи. Ты мою мысль улавливаешь, Евпраксия? Представляешь, как над тобой будут хохотать, сестра моя дорогая? Дались тебе эти пуговицы с орлом!

– Я просто коза, – донёсся печальный голос Евпраксии вместе с шелестом её юбки, – жалею для горячо любимой сестрицы лучшего в Киеве Даниила и лучший в Киеве терем! А из-за этого пострадает главная достопримечательность Киева.

– Это что? – прикинулась княжна дурочкой, – Золотые ворота? Церковь Святой Софии?

– Ворота грешной Евпраксии! Прости, Господи, за кощунство...

Тут же последовал громкий хохот четырёх девушек и мальчишки. Ян догадался, что обе створки ворот были им предъявлены чрезвычайно пикантным образом. Когда все проржались, княжна воскликнула:

– Как люблю я тебя, сестра! Ну, хватит передо мной безобразничать, я тебе не гусяр Данила! Личиком повернись, будем говорить по душам.

Евпраксия простонала что-то невнятное, и послышался опять шелест её одежды. А затем Настя продолжила:

– Мне велели тебя лупить до тех пор, пока ты не скажешь, где эти пуговицы. Но вижу, что ты всё равно не скажешь, как бы я ни старалась. Я ведь отлично знаю тебя, боярыня! Предлагаю договориться. Пороть я тебя не буду, а под замок посажу на несколько дней. Но все будут думать, что ты была высечена своим малохольным братцем, да он же тебя и запер. Так надо, ведь я должна отчитаться – дескать, всё сделала, что могла! Меланья, ты подтвердишь?

Слушая в ответ тишину, Ян живо представил, как босоногая праведница кивает и смотрит на своих девушек. Можно было не сомневаться в том, что обе они с готовностью повторили её движение. Разумеется, повторил его и Филипп, едва только Настенька устремила на него взор своих княжьих глаз. Что ему ещё было делать?

– Вижу, что через час весь Киев будет об этом знать, – прервала княжна коротенькое молчание, – да, иначе нельзя! Получается – ты, сестрица, будешь наказана только наполовину. Открой же мне половину правды, чтоб я могла сказать батюшке что-нибудь, не солгав ему! Ведь ложь, как ты знаешь – это великий грех.

– О, ещё какой! – признала Евпраксия. Вслед за тем её пятки неторопливо затопали от позорной лавки к окну. Окно, помнил Ян, было приоткрыто, и выходило оно на Боричев въезд. Конечно, туда и следовало орать во всю глотку, дабы весь Киев удостоверился, что Ян взялся за воспитание своей старшей сестры. Но прежде чем это произошло,

Ян вдруг услышал свой собственный голос, который Меланья изобразила так, что все вновь заржали:

– Так стало быть, ты в дупле ночевала, сука? Значит, Меланья шастает босиком для отвода глаз, а сама весь матушкин жемчуг по сундукам своим рассовала?

– Ладно, не по своим, – пошла на уступку сломленная бунтарка, стоя перед окном, – пару сундуков она забрала без спросу!

В следующий же миг Евпраксия завизжала истошным голосом. После первого крика сразу раздался второй, а потом – ещё и ещё. Слушать эти вопли вблизи было невозможно, и Ян пошёл на кухню. Но он их слышал и там, усевшись за стол и начав рассказывать молодым стряпухам, а также Ульке и Зелге именно то, о чём княжна Настя хотела оповестить весь город. Впрочем, едва ли его старания были очень нужны – Евпраксия верещала, стонала и выла так, что оцепенела вся южная половина Киева, от Жидовских ворот до Ляшских. В считанные минуты новость о том, что старшая дочь Путяты громко орёт, Достигла Подолия.

Глава четырнадцатая

Перед полуднем старый митрополит Никифор уехал на отпевание знатной инокини в обитель Святой Ирины, и потому обед в его трапезной проходил без хозяина. Сразу после обеда патрикий Михаил Склир вышел поглядеть на ко-

ней, которых Ахмед и Рахман купили у берендеев. Сами два брата уже сидели в корчме, торопясь потратить вознаграждение, а коней конюхи водили перед крыльцом. Это были два жеребца, серый и гнедой. Судя по тревожному ржанию и повадкам, из них ещё предстояло выбивать дурь. Ни ростом, ни статью кони не отличались, но обладали огромной силой. Каждый, когда вставал на дыбы, легко подымал на воздух двух здоровенных конюхов, уцепившихся за поводья.

– Ну, что ты думаешь о них, Ульф? – спросил Михаил у рослого, хорошо одетого викинга средних лет, который стоял с ним рядом. Тот безразлично пожал плечами.

– Обычные степняки. Не слишком казистые, но выносливые.

– Ахмед уверяет, что серый конь без труда догоняет зайца!

– Врёт. Никакие кони без седоков за зайцами не скачут, а оба этих коня ещё не объезжены. И, пожалуй, я бы скорее выбрал гнедого.

– Чем же он лучше?

– Патрикий, я исхожу из собственных предпочтений. Для меня важно, чтоб конь хорошо управлялся во время боя, потом уже быстрота. Гнедой конь имеет более короткую шею, более развитую грудь, более широкие ноздри. Всё это – признаки доброго боевого коня. У серого жеребца, заметь, чрезмерно прямые бабки! Вот это мне в лошадях никогда не нравилось.

– Ты знаток, ярл Ульф, – задумчиво произнёс Михаил, – а я всегда думал, что скандинавы не очень-то разбираются в лошадях!

– А я, признаться, считал, что ромеи не очень-то разбираются в скандинавах, – приятно сверкнул зубами варяг. Патрикий расхохотался и хлопнул викинга по плечу.

– Я рад, что ты признаёшь своё заблуждение! Когда мы с тобою прибудем в Константинополь, ты убедишься в том, что все мои знания служат делу.

– Очень надеюсь.

От этих двух кратких слов повеяло холодком. Михаил нахмурился. Ему нужен был этот воин, встреченный им здесь, в Киеве. Ульф прослыл большим знатоком военного дела и мог немало полезного рассказать об армиях и обычаях европейских стран, потому что где только не сражался. Да, за такого советника император щедро вознаградит! Патрикию не терпелось отправиться вместе с Ульфом в Константинополь. И викинг рвался туда, чтобы быть представленным василевсу и поступить на службу. Но, к сожалению, обстоятельства всё удерживали их в Киеве. Ничего поделать с этим было нельзя. А Ульф уже проявлял заметные признаки нетерпения. И они с каждым днём становились всё недвусмысленнее.

– До лета мы отплывём, мой друг, – посулил патрикий, сделав знак конюхам увести лошадей, – почти все мои дела здесь закончены.

– Ты думаешь? – усомнился Ульф. Михаил взглянул на его лицо, слегка задрал голову, потому что варяг был очень высок.

– А ты думаешь иначе?

– Я просто спрашиваю, патрикий. Тебе всего тридцать лет. Это сложный возраст.

Михаил Склир вздохнул.

– Ты, конечно, прав. Но я ведь сказал – почти!

– Так ты на пути к успеху?

– О, да! Я в самом конце этого пути.

Варяг рассмеялся, зачем-то положив руку на рукоять своего меча. Он по непонятной причине часто так делал, когда смеялся.

– Тогда я тебе завидую! Рыжая племянница князя весьма красива.

– Что есть, то есть.

День был очень тёплым. Подворье митрополита располагалось между Подолием и Горой, вблизи Десятинной церкви. Обнесённое частоколом двухсаженной высоты, оно изнутри подкупало скромностью: дом духовной особы имел только сорок комнат, да и в конюшне стояло всего лишь сто породистых лошадей, а про кладовые никто ничего не знал – они были крепко заперты, чтобы гости не огорчились при виде скудности содержимого. Почему-то всё это охранялось греческими монахами, куда больше похожими на убийц.

Как раз с одного из этих людей, которые не внушали пат-

рикию Михаилу приятных чувств, всё и началось. Этим человеком был вратный страж. Он вдруг оборвал разговор викинга с патрикием, подбежав и тихо сказав последнему:

– Господин! С тобой хочет говорить какая-то девушка.

Варяг хмыкнул. Но Михаил решил проявить серьёзность.

– И что же это за девушка? Я надеюсь, она представилась?

– Да. Она называет себя служанкой дочери тысяцкого Путьты.

– Направь-ка её ко мне, – приказал патрикий, и толстобрюхий монах побежал к воротам. Волнение Михаила не утаилось от викинга, и ему опять сделалось смешно.

– Наверное, я пойду? – спросил он, явно не желая этого делать.

– Остайся, Ульф. У меня от друга секретов нет.

Монах открыл дверцу в дубовой створке ворот, и вошла Прокуда. Её глаза были блёклыми – по дороге она не смогла обойти кабак. Увидев патрикия и варяга, издалека разглядывавших её, рабыня почти бегом направилась к ним. Они её знали, а она знала их обоих. Михаил Склир испытал разочарование. Как он мог позабыть, что у воеводы – две дочери, и у них разные служанки!

– Патрикий, – тихо заговорила Прокуда, приблизившись и на Ульфу даже не поглядев, – мы можем говорить здесь?

– Да, я тебя слушаю.

Осмотревшись по сторонам, Прокуда сказала:

– Евпраксия только что под розгой призналась, что пуго-

вицы Ахмеда она дала какому-то мастеру, чтобы он переделал их!

– Как под розгой? – пробормотал Михаил, – её что, секли? Кто посмел?

– Её братец, Ян! Великий князь Мономах и госпожа Янка дали ему над сёстрами власть, чтоб он их воспитывал. С князем можно ещё поспорить, но слово госпожи Янки – святой закон для всех знатных девушек на Руси! Патрикий, ты слышал, что я сказала? Или тебе повторить?

– Не надо, я понял всё.

Дав такой ответ, Михаил растерянно поглядел на викинга. Тот спросил:

– Ты можешь объяснить ясно, Прокуда, зачем Евпраксия отдала пуговицы мастеру?

– Для того, чтобы он убрал с них орла и вместо него отчеканил Змея Горыныча!

Тут патрикий вмиг позабыл о крайне досадной и неожиданной для него стороне отношений между его возлюбленной и её семнадцатилетним братом.

– Что, что? – переспросил он, – трёхглавого змея? Но с какой целью?

Прокуда нетерпеливо цокнула языком.

– Разве у вас не было уговора, что если ты эти пуговицы на свой свадебный кафтан не пришьёшь, то свадьбы не будет?

– Да, был такой уговор, – вымолвил патрикий и призадумался. Ульф молчал. Прокуда продолжила:

– Она хочет замуж за Даниила, как и моя госпожа. А ты понимаешь, что это значит?

– Наверное, понимаю. Но скажи ты.

– Это значит, что если ты не захочешь пришивать пуговицы со Змеем Горынычем, то моя госпожа не выйдет за Даниила! А ты не женишься на Евпраксии.

– Не женюсь?

Прокуда вздохнула.

– Патрикий! Ты будто пьян. Что мне передать госпоже?

– Что мы будем думать, – вмешался Ульф, – тут дело серьёзное. Ведь двуглавый орёл – это герб державы, которой служит патрикий. И он не может взять да и заменить этот герб на Змея Горыныча! Думаю, что твоя госпожа должна это понимать.

– Так ведь один раз! – вскричала Прокуда, – только на свадьбе!

– Но свадьба будет в Константинополе. Объясни своей госпоже, что патрикия там за это предадут смерти, притом мучительной! А сказать, что это уже не те пуговицы, тоже будет нельзя – Евпраксия начнёт спорить, выйдет скандал невообразимый. Патрикии со скандалом не женятся.

– Всё скажу госпоже, – кивнула Прокуда. Она хотела идти, но Михаил Склир вдруг остановил её.

– Что за мастер взял у неё золотые пуговицы?

– Не знаю, не говорит. Упёрлась, хоть дали ей сорок розог! Наверное, золотых дел мастер. Такие есть на Подолии. Их

немного. Захочешь – сыщешь.

– А ты сейчас идёшь на Подолие?

– Нет, я не собиралась туда идти. Но могу сходить, если дело есть.

– Да, милая, есть одно небольшое дело.

Запустив руку в карман, патрикий достал серебряную монету и отдал её служанке.

– Найди сейчас на Подолии моего Ахмеда и его брата, Рахмана. Скажи им, чтоб шли сюда. Как можно скорее!

– Сделаю. Через час обоих увидишь.

Крепко зажав в кулаке монету, Прокуда пошла к воротам. Но вдруг она спохватилась и повернула назад.

– О главном сказать забыла! Ян, хоть оставлен в доме за старшего, во всём слушается Меланью. Кабы она не была всегда начеку, богатство Путяты давно бы уж пошло прахом! Евпраксию госпожа моя будет несколько дней держать взаперти, чтоб она не путалась с гусяром. Ты видишь, патрикий, какая тебе великая польза от госпожи? Ей нужен гусяр, а тебе – Евпраксия. Князь – за вас.

– Хорошо, иди.

Проводив девушку глазами, Ульф и патрикий по молчаливому соглашению вошли в дом, чтоб выпить ещё вина. В просторной трапезной зале они увидели только слуг – вся свита митрополита была с ним в монастыре. Велев слугам выйти, Михаил Склир и варяг уселись за стол, налили вина в серебряные чеканные кубки.

– Вот видишь, всё не так гладко, – заметил Ульф, когда выпили. Но патрикий махнул рукой, мрачно усмехаясь.

– Это жеманство! Она мечтает уехать в Константинополь и поселиться там навсегда. Что ей делать в Киеве? Вот блистать на царских пирах – это для неё!

– Ты сам сейчас слышал, что она свадьбы не хочет. Даже интригу сплела.

– Говорю, жеманство! Я от змеиных пуговиц откажусь, а она мгновенно откажется от своего условия. Ты ведь знаешь женщин, доблестный ярл! Выставить кого-нибудь дураком – для них удовольствие.

– Предположим. Ну, а гусяр Данила?

Михаил Склир стиснул кулаки.

– Это баловство! Соперничество с сестрицей, кто кому утрёт нос! Не больше того.

– Я думаю, что ты прав, но только отчасти. Ведь кроме длинного носа её сестрицы...

– Перестань, Ульф! – ударил сановник по столу кубком, – мне кажется, что мы с тобой зря опять сели пить вино! Ты уже достаточно пьян.

Ульф и не подумал обидеться. Он прекрасно знал, что удар, нанесённый им, был тяжёл. Если бы ему такой нанесли, он вынул бы меч. Но ведь перед ним был не воин, а крючоктвор! Дав этому крючоктвору время опомниться, Ульф взял жбан и наполнил кубки.

– Мы оба трезвы, патрикий! И хорошо понимаем, к чему

стремимся. Мне с твоей помощью будет легче сразу получить чин, которого я заслуживаю. Все знают, что без хороших знакомых в Константинополе никакие дела не делаются. Поэтому давай выпьем за наш успех в твоём деле!

Михаил Склир кивнул. Они выпили. После этого Ульф сказал, пригладив усы:

– Очень хорошо тебя понимаю. Девка красивая. Что нам делать? Сейчас скажу. Надо отыскать мастера и забрать у него проклятые пуговицы.

– Зачем?

– То есть как, зачем? Если их не будет, её условие рухнет.

– Ульф! Неужели ты полагаешь, что самая богатая женщина во всём Киеве не найдёт куска золота для того, чтобы изготовить другие?

– Может быть, да, а может быть – нет. Ведь Меланья, как мы только что узнали, держит её под замком! А потом, другие – это другие. Речь шла о тех, а не о других.

– Хорошо, допустим. А если мы не сумеем отыскать мастера?

– А тогда, – проговорил викинг, чуть помолчав, – тогда нам либо придётся убрать из Киева гусяра, которого она любит...

Патрикия передёрнуло.

– Да, которого она любит, – безжалостно повторил варяг, – ты можешь не верить мне, но твои мальчишки-шпионы вряд ли тебя обманывают, когда говорят, что она со своей рабы-

ней бегаёт за Данилой по всему Киеву, как собака!

– Дальше! – вспыхнул патрикий, – ты слишком медленно говоришь!

– Нет, это ты слишком быстро слушаешь! Продолжаю. Во-первых, этот гуслиар хорошо дерётся – Ахмед тебе это подтвердит. Во-вторых, к нему и к его мамаше благоволит сам великий князь. Поэтому с гуслиаром нам лучше не связываться. Патрикий! Ты хорошо меня понял?

– Нет, я тебя не понял совсем, – взволнованно замахал руками Михаил Склир, – и ты даже не рассчитывай, Ульф, что я тебя понял! Видите ли, к какому-то гуслиару и к его мамаше благоволит сам великий князь! А разве к Путяте и к двум его дочерям он меньше благоволит?

– А ты говоришь, не понял! – насмешливо протянул варяг, – пьём ещё!

Михаил вздохнул. Давно он не пил так много. Но у него никогда и не было столь серьёзных причин для самозабвения.

– Как бы твоего дядюшку не хватил удар раньше времени, когда он узнает, сколько мы оприходовали хорошего кипрского вина! – усмехнулся Ульф, когда выпили, – но продолжим. Я правильно понимаю, что Мономах очень хочет, чтобы Евпраксия стала твоей женой?

– Да, я ему объяснил, что это пойдёт на пользу его делам. И он согласился.

– Но принуждать её не желает?

– Нет. Она ведь его племянница! Он относится к ней с отеческой нежностью.

– А к Меланье?

– Думаю, и к Меланье, хоть я бы на его месте её давно утопил.

Ульф даже не улыбнулся.

– По-моему, этот князь похож на Пилата.

– Всегда умывает руки?

– Да. И при этом ни к какой грязи не прикасается.

– Ты неправ, – заметил патрикий, – лет двадцать пять назад он принял в Переяславле двух половецких ханов, да и велел их убить.

– Прямо в своём доме?

– В том-то и дело! Но это – едва ли не единственное событие, которое Владимиру Мономаху можно поставить в упрёк.

– Вот видишь! Он – чистоплюй. И при этом любит загрести жар чужими руками. Впрочем, все мудрые правители таковы.

Молчание длилось долго. Потом патрикий, глаза у которого уже были мутными, но не очень, проговорил:

– Но если Евпраксия пропадёт, меня заподозрят сразу!

– Да брось, – махнул рукой Ульф, – она где только не шляется! Мало, что ли, лихих людей мотается по дорогам и лесным тропам? Если она...

Но Михаил Склир вдруг его прервал:

– погоди! Она ведь наказана и сидит под замком! Меланья – не дура. Она её не упустит. А о таких вещах я бы предпочёл с Меланьей не договариваться!

– Да брось, – негромко повторил викинг, – не просидит она и двух суток! Меланья – дура против неё.

– Ты откуда знаешь?

– Да их где только не обсуждают! Вернёмся к сути, патрикий. Если мы сразу после лихого дела отбудем в Константинополь – нас обвинят, ты прав. По свежему следу пустят погоню, и Мономах будет вынужден в отношении нас провести серьёзнейший розыск. Шум-то поднимется небывалый, на всю Европу! Отправят гонца в Царьград, Путьята помчатся в Киев...

– Ты предлагаешь сперва отправить в Константинополь её, а через неделю-другую самим отправиться? – озадачился Михаил, – нет, это опасно! У меня нет людей, которым можно доверить её доставку. Ты сам сказал, что она – хитрющая! Если вырвется, нам с тобой не сносить голов.

– Совершенно правильно. Потому неделю-другую, а то и третью, придётся её держать где-нибудь поблизости. А точнее – к югу от Киева, чтобы можно было её забрать по пути. Надёжное место, я думаю, подберём. И людей, способных её не выпустить из надёжного места, подберём тоже. С такой задачей справятся и такие люди, как твой Ахмед.

– Да ты обезумел! – перепугался Михаил Склир, – она не должна даже заподозрить, что я за этим стою! Вдур всё-таки

вырвется?

– Нет, патрикий. Я знаю такое место, откуда сам чёрт не вырвется. Главное – довести её до Константинополя. А когда вы с ней обвенчаетесь, и её отец, и великий князь будут очень рады. А если даже не будут, никто Троянской войны из-за этой девушки не начнёт. Обвенчанная жена принадлежит мужу. Разве не так?

– Так, – кивнул головой патрикий. Но думал он о другом. Варяг сразу догадался, о чём он думает. И, как выяснилось, смекалка не подвела доблестного воина. Предложив ему ещё выпить, Михаил Склир произнёс:

– Ахмед, в случае чего, скажет, что он похитил её без моего ведома, потому что сам распалился страстью.

– Вот это славная мысль! – восхитился Ульф, – и чрезвычайно глубокая! Сразу видно, мой друг, что ты – человек образованный, тонкий, светлый! Не мне чета, грубому вояке. Мне бы и в голову не смогло такое прийти.

– И жалко, что в Киеве сейчас нету Вольги Всеславьевича, – продолжил патрикий, – по слухам, он на заре по приказу князя ускакал в Любеч.

– Вольга? Тебе жаль, что он ускакал?

– Конечно! Он сразу вызволил бы Евпраксию. Даже с князем не посчитался бы после двух ковшей пенной браги! Как-то мой дядюшка на обед его пригласил, потом пожалел об этом.

– Неужто здесь разгром учинил Вольга?

– Превеликий.

Вскоре пришли Ахмед и Рахман. Они получили приказ найти на Подолии золотых дел мастера, взявшего у Евпраксии пуговицы с гербом.

Глава пятнадцатая

Ян вскоре после завтрака ускакал во дворец, где он ежедневно нёс службу. Благодаря ему, Филиппу и княжне Насте весь Киев за один час смог узнать о том, что старшая дочь Путяты была наказана розгами и посажена под замок. Прокуда же с Дашкой, которых также стоило поблагодарить за распространение сплетни, щедро приправили её соусом под названием «Босоногая праведница смирила рыжую грешницу». Эту небылицу, выданную за правду, весело обсуждали и в теремах, и в храмах, и в кабаках, и на площадях. Давно никакая новость не поднимала так настроение стольким жителям Киева в одночасье. Хоть мало кто не любил Забаву Путятишну, почти все сходились на том, что её давно следовало высесть. Один лишь медник Улеб встревожился. И никто не знал, почему.

После заточения греховодницы княжна Настя слово своё исполнила, но неточно. Она Меланью за её лживый язык ложкой по башке колотить не стала, а вместо этого надавала ей оплеух. Как дочь Мономаха, Настя имела право творить подобные безобразия, хоть была на целых два года младше

Меланьи. Потом княжна с Филиппом ушли, оставив Меланью в слезах и в бешенстве. Впрочем, несколько глотков мёда помогли праведнице остыть. Её старшую сестру по приказу Насти заперли в комнатухе на первом этаже терема. Не утешившись этим, Меланья распорядилась открыть ворота, дабы любой желающий мог приблизиться к зарешёченному оконцу и пообщаться с наказанной. И с полудня к Евпраксии потянулись её знакомые, коих было у неё сотни по всему Киеву и окрестностям. Но боярыня никого не желала видеть. Она была смущена, разгневана и подавлена. Сразу после так называемой порки Меланья к ней допустила Ульку, чтоб она смазала высеченный зад своей госпожи конопляным маслом, взяв его из лампы. Увидев зад, Улька заявила, что нет на нём следов розги. Тогда Евпраксия и Меланья пообещали Ульке, что если та продолжит гнуть свою линию, следы розги появятся на её собственном заду. Улька испугалась и сразу сделала то, что ей было велено.

Лёжа масляной жопой кверху на пышной, мягкой перине, Евпраксия очень громко грызла орехи, заплёвывая всю комнату скорлупой, и листала книгу Плутарха. Зелга, стоявшая под оконцем, всех посетителей отгоняла с помощью волкодава, держа его за ошейник. Но вот когда она сообщила своей боярыне, что идут дочери Микулы, та соскочила с кровати и подбежала к оконцу. Оно ей было по грудь.

– Дочери Микулы? Да где они, Зелга? Где?

– А вон, у ворот! Болтают с сынами и дочерью Вельямина,

которых я прогнала. Уже не так много народу идёт, Евпраксия! Видно, передают друг другу, что ты не в духе.

– Да как будто сразу было неясно, что я не пляшу от радости! Что за глупый народ эти киевляне? Их бы так выпороть, как меня!

Когда две красавицы подошли, пёс не зарычал, а весело заскулил. Зелга отпустила его, и он начал к ним ласкаться. Премудрая Василиса Микулишна, на плече у которой висел тугой половецкий лук и колчан со стрелами, на лохматого пса уселась верхом, поскольку он был огромен, а она была ростом невелика. Очень ей хотелось попробовать пострелять из лука, скача галопом. Одному Богу известно, чем бы всё это кончилось, но неглупый пёс её сбросил и стал вылизывать её лицо. Евпраксия же, держась за прутья решётки, стала в сестёр плевать. Они уворачивались.

– Ты что? – вскричала Настасья, – с ума сошла? Мы в чём виноваты?

– Вы были сейчас у князя? – спросила узница, перестав безобразничать, – у вас мысль хотя бы возникла пойти к нему и просить вернуть мне свободу? Нет, ни хрена подобного! Вы поржать пришли надо мной!

– Не до смеху нам, – ответила Василиса, пытаясь побороть лютого волкодава, – пришли мы тебя убить!

Евпраксия изумилась так, что даже привстала на пальцы ног.

– За что меня убивать? Ты где взяла лук?

Сёстры объяснили, что их отец, услышав о том, как легко Меланья Евпраксию разложила на лавке, решил с Меланьей договориться, чтобы она занялась его дочерями, которые распоясались дальше некуда, вообще никого не слушают.

– Да при чём здесь Меланья? – оторопела Евпраксия, – что она опять там насочиняла, цапля писклявая? Это Ян велел меня выпороть! Мономах и госпожа Янка дали ему надо мною власть! И Настеньку подтянули, чтоб я этому паршивцу не надавала по заднице! И Меланье влетело бы от меня, если бы не Настя с Филиппом.

– А между прочим, Настенька всем рассказывает сейчас, что сама Меланья вчера дала тебе в лоб за то, что ты усомнилась в её христианской кротости, – заявила младшая дочь Микулы, а Василиса прибавила:

– Ей, конечно, было обидно такое слышать! Позавчера, когда ты пропала, она несколько часов за тебя молилась перед Святой Софией, стоя посреди площади на коленях. Князь с княгинями, проезжая мимо, очень хвалили её за праведность, а княгини Елизавета, Ксения и Елена даже хотели купить ей сразу же башмачки! Но твоя сестрица сказала им, что она такого благодеяния не заслуживает.

– Ещё бы! Разве у них хватило бы денег на башмачки сродни тем, коими забит весь её чулан? – хмыкнула Евпраксия и признала, что накануне драка с сестрой у неё была. Однако на этом её правдивость иссякла, и она стала расска-

зывать, как Меланья изошла пеной от горечи поражения, а княжна Настенька на коленях просила её, Евпраксию, очень громко орать под розгами, чтобы дитяtko успокоилось.

– Было слышно, как я орала? – осведомилась она, – недавно я драла глотку?

– Да, на Соборной площади было слышно, – ответила Василиса, – все так и поняли, что Меланья исходит пеной, а Настенька на коленях ползает.

– Ну, вот видишь! А вы – трусихи. Не бойтесь, дуры! Меланья с вами не свяжется. Лучше думайте, как меня отсюда выволить! А ты где взяла такой лук?

– Да никак не выволить, – проронила мудрая Василиса, отстав от бедной собаки, – ключ, видать, у Меланьи. Даниил мог бы с нею договориться, но он – в Чернигове.

– Он в Чернигове?

– Да, Олег Святославич его позвал погостить недельку-другую. Ставер на это князя подговорил, уж очень ему понравилось с Даниилом вместе играть!

– Какая беда, – вздохнула Евпраксия, и её лицо действительно отразило такую скорбь, что сёстры переглянулись, а волкодав запищал.

– Не беда, вернётся, – сказала Зелга, – а где Алёшка Попович?

– Пьёт в кабаке, – дала ей ответ Настасья, – и он с Меланьей связываться не станет.

– Да почему? Он ведь и хитёр, и напуском смел! И он го-

ворил, что за госпожу Евпраксию выйдет биться с самим Тугарином Змеевичем!

– Сравнила Меланьюшку и Тугарина! – умилилась Евпраксия, – я уж не говорю про Настеньку! Двух самых свирепых и подлых сук спустили с цепи, чтобы не давать мне видеться с Даниилом. Ой, Василиса Микулишна! А ты где взяла половецкий лук?

– Похвальбой он смел, Алёша Попович твой, – махнула рукой Настасья, а Василиса прибавила:

– Да, бахвалиться он горазд!

– А где Илья Муромец? – продолжала спрашивать Зелга.

– А он ещё с Соловьём-разбойником бьётся, – ответила

Василиса.

– А Святогор-богатырь?

– Он, говорят, помер.

– Старый дурак, – всхлипнула Евпраксия, крепко стиснув прутья решётки, – сначала надо родиться, а уж потом умирать! Ну а где мой Вольга Всеславьевич?

– Он сегодня ускакал в Любеч.

– В Любеч?

– Да. Тамошние бояре стали продавать брагу дешевле, чем она стоит в княжеских кабаках. Князь терпит убытки.

Между бровями Евпраксии появились две небольшие складки. Она о чём-то задумалась. Василиса уже не знала, как отогнать волкодава, который лез к ней играть. Зелга ему махнула рукой в сторону ворот, чтоб он не впускал боль-

ше никого. Побежав туда с громким лаем, он сразу обратил в бегство толпу каких-то друзей Евпраксии.

– А вы знаете, что я думаю? – заинтриговала всех Василиса, – это всё козни греческого патрикия. Он с Меланьей договорился, и они вместе насели на Мономаха!

– Да это козе понятно, – фыркнула Зелга, – а знаете, как следят за моей боярыней по ночам? За ней ходят половцы!

– Половцы? – удивилась Настасья.

– Да, но только не взрослые, а мальчишки. И я их видела на подворье митрополита, когда ходила туда неделю назад с боярыней.

– Это очень возможно, – мудро заметила Василиса, – в Киеве каких только мальчишек нету! Тем более, половецким мальчишкам куда деваться после разгрома половцев в их степях? За кусок баранины в день они согласятся шпионить за кем угодно.

– Да, и ещё у патрикия есть дружок, – с тревогою оглядевшись по сторонам, продолжала Зелга, – это варяг! Его зовут Ульф. Он очень опасен!

– Знаем его, – кивнула Настасья, – он в Киеве уж давно. Мономах хотел его взять на службу, но он желает служить царю. Поэтому дружит с патрикием Михаилом.

Евпраксия вдруг воскликнула, с беспредельной тоской просунув лицо меж прутьями:

– Ой, подруги мои любимые! Поищите мне гонца в Любеч! Ай, Василиса Премудрая! Да какой у тебя замечатель-

ный половецкий лук! Он просто всем лукам лук! А где ты его достала?

Зелга, Настасья и Василиса переглянулись.

– В Любеч? – переспросила последняя, – за Вольгой Все-славьевичем?

– Конечно! Он меня вызволит! Он сломает эти решётки, и двери вышибет, и Меланью за уши оттаскает, и Яну даст такого пинка, что тот через Днепр перелетит! Ведь Любеч недалеко, один день пути! Неужели трудно найти гонца?

– Нет, проще простого, – блеснула мудростью Василиса и поглядела на Зелгу. Тут же уставилась на неё Евпраксия, а за ней и Настасья. В этот же миг к Зелге подбежал волкодав и начал тереться слюнявой мордой о её руку. Зелга попятилась. На её лице промелькнул испуг.

– Вы чего?

– Да мы ничего, – сказала Евпраксия, – ты обедала?

– Ты чего? – с ужасом взглянула на неё Зелга.

– Я ничего! А вот ты чего? Дура, что ли?

Зелга старательно заморгала, чтоб у неё на глазах появились слёзы. Слёз почему-то не было. Зато всем, особенно Василисе, стало понятно, что Зелга – просто кривляка. Тогда она разозлилась:

– Мать вашу за ногу! Объясните, где я возьму коня? Рожу его, что ли?

– В свинарнике, твою мать! – взбывилась Евпраксия и рванула прутья решётки, – где же ещё можно взять коня, когда

прямо перед твоей рожей глупой – конюшня?

– Но ведь меня сочтут конокрадкой! Ты представляешь, что со мной сделают?

– Ты что, дура? Третью всего отцова имущества, в том числе и коней, принадлежит мне! Ты исполнишь мой приказ!

– Но ведь ты сама себе не хозяйка! Ты представляешь, что со мной сделает госпожа Меланья, когда вернётся?

– Моя дорогая, знай: когда ты вернёшься, твоя прекрасная госпожа Меланья забьётся в подпол, как крыса! И будет она со всеми своими братьями, девками и холопами там трястись, пока я её за косы не выволоку, чтоб выпороть! Ты забыла, моя хорошая, кто такой богатырь Вольга?

– Ах, вы все здесь смерти моей хотите! – крикнула Зелга и кинулась на конюшню. Верного пса Настасья и Василиса следом за ней не пустили, вдвоём взялись за ошейник.

Теперь уже Зелга плакала. Да, ей было очень обидно. Собирают они, кого отправляют в путь по лесным да степным дорогам? Девушку хрупкую! А скакать придётся и ночью! «Ну, и пускай! – со злобой решила Зелга, – если погибну, то им же хуже! Пусть себе локти кусают да слёзы льют! Была у нас, скажут, Зелга, а теперь нет её! Вот мы дуры!»

Знатный воевода Путята держал семнадцать коней. И всё это были хорошие кони, текинцы да аргмаки. Имелся даже один арабский скакун. Его Зелга не любила, слишком он был капризен. Когда она вошла на конюшню, там занимался своей обычной работой Волец, самый бестолковый в доме холоп

совсем юных лет. До краёв насыпав всем лошадям яровой пшеницы, он скрёб железной лопатой пол. Три конюха спали в углу, на сене. Брагой от них разило аж до дверей. Волец был так занят своими глупыми мыслями, что не сразу заметил Зелгу. Утерев слёзы, она внимательно оглядела коней и сразу приблизилась к рослому и откормленному текинцу вороной масти. Он ещё ел зерно из яслей, с храпением раздувая ноздри.

– Волец, – промолвила Зелга, – ну-ка, взнуздай да и оседлай мне этого вороного!

Мальчишка вздрогнул, застыл и с недоумением поглядел на Зелгу.

– Что ты здесь делаешь, половчанка? Коней пришла воровать?

– Осёл, – разозлилась Зелга, – я здесь с тобой говорю, дурак! Седлай, говорю, коня! А то, говорю, получишь этой лопатой по голове!

– Зачем тебе конь?

– А это не твоё дело!

Мальчишка гордо хихикнул.

– Не моим делом было сегодня резать возле Почайны прутья для задницы госпожи Евпраксии! А пришлось.

– Гордись, – усмехнулась Зелга, – холоп! Жук навозный!

– А ты кто? Муха навозная?

– Да! Поэтому залетела к тебе.

Мальчишка махнул на Зелгу рукой и снова занялся полом.

Уздечка, к счастью, висела на перекладине стойла. Взяв её, Зелга тихонечко отвязала текинца и расторопно его взнузда- ла. Но как добраться до сёдел? Все они были сложены в про- тивоположном конце конюшни. В этот момент Волец повер- нулся, желая что-то сказать. Но при виде взнузданного коня он оторопел.

– Эй, ты чего делаешь? – крикнул он, направляясь к Зел- ге, – кто разрешил? Коня не отдам!

– Поздно, жук навозный.

Трудно ли было внучке великого Тугоркана, хоть и дво- юродной, за одну секунду вскочить и на неосёдланного ко- ня? Пара пустяков. Волец не успел и ахнуть, как Зелга, взды- бив огромного жеребца, круто развернула его, и – стрелой промчалась мимо испуганного мальчишки. Конюшня вся от страшного топота задрожала и зашаталась, а через миг всад- ница была уже по другую сторону двери. Мальчишка выбе- жал следом, грозно размахивая лопатой и что-то громко кри- ча.

День клонился к вечеру. Проносясь мимо терема, полов- чанка заметила, что к собаке, Настасье и Василисе присоеди- нилась Меланья. Все они что-то говорили бедной Евпрак- сии, которая продолжала стискивать прутья своей решётки. Услышав топот копыт, они повернулись к Зелге. Но молодая наездница лишь мгновенье на них смотрела. Бешено выле- тев за ворота, она погнала коня к Боричеву въезду.

Там, как обычно, народу было полно. Но Зелга так взвыла

по-половецки, что вся толпа шарахнулась на обочины. Даже воз с дровами погонщик убрал с дороги. Путь был свободен. Все с удивлением провожали взглядами босоногую, худенькую девчонку на вороном текинском коне без седла, сидевшую очень странно. Туловище наездницы было сильно наклонено вперёд, а ноги так согнуты, что палящее солнце светило прямо на пятки. Именно так сидели на лошадях прекрасные амазонки. Промчавшись под гулким сводом распавших во всю ширь Золотых Ворот, всадница галопом спустилась к мостику над Почайной. Прогрохотав копытами по нему, вороной текинец поскакал в гору. Слева от той горы шумел на ветру непролазный лес, а справа пенился Днепр. Это была Роксанина гора. За ней вдоль Днепра тянулась и ускользала за горизонт широкая любечская дорога.

Глава шестнадцатая

Выходку Зелги Меланья со своей старшей сестрой обсуждать не стала. Она была почти уверена в том, что дерзкая половчанка уехала навсегда, решив возвратиться к лихим своим соплеменникам. Ян, прискакав вечером домой, вполне согласился с этим предположением. Снаряжать погоню не было смысла. Во-первых, в какую сторону? Во-вторых, вороной текинец мог преодолевать полсотни вёрст в час в течение очень долгого времени, а потом ещё дольше скакать с чуть меньшей быстротою. Ян и Меланья об этом знали. Им

было жаль потерять отличного скакуна, а Зелгу – нисколько. Это была рабыня Евпраксии, девка вздорная и строптивая. А Вольцу и конюхам всем троим Ян морды набил. Сразу после этого он лёг спать. Ему предстояло встать до зари, чтобы заступить на внутренний караул во дворце.

Но юному воину не спалось, и он приказал коридорной девке позвать Меланью, чтоб та с ним час поболтала. Под разговор ему засыпалось легче. Евпраксия и Меланья часто таким путём боролись с его бессонницей – и вдвоём, и поодиночке. Яну, конечно же, больше нравилось, когда с ним трепалась одна Евпраксия, потому что слушать её было поприятнее. Но Евпраксия ещё утром была посажена под замок, и Ян приготовился слушать сплетни. Без них Меланья ни с одним делом, да и с бездельем не могла справиться. Впрочем, эта её особенность никогда не мешала Яну быстро уснуть, так как голосок у Меланьи был недурной, в отличие от характера. Одним словом, Ян рассудил, что уж лучше так, чем никак.

За окнами было совсем темно, но в дальнем углу теплилась лампада перед иконами. В полумраке звенела дюжина комаров. Отмахиваясь от них, Ян злобно ворочался на своей широкой кровати. Когда Меланья вошла и уселась в кресло, он сразу понял, что у сестры хорошее настроение. Она даже ему стала чесать пятки, да и не только их, что было вполне обычным занятием для Евпраксии. Про неё и пошёл немедленный разговор. Точнее, про княжну Настю. Меланья была

разозлена тем, что Настя её побила и не дала выпороть сестру. Ян ответил, что сам он сделать Филиппу такое распоряжение не рискнул, поскольку вокруг Евпраксии начались какие-то княжеские дела, а в них лучше не соваться.

– Как будто ты не знаешь эти дела! – взвизгнула Меланья, – им золотые пуговицы нужны с двуглавым орлом! Я их раздобуду без всякой Настеньки, чтобы тётя Янка ей дала по лбу за нерадивость! Но только сначала я сама рассчитаюсь с ней.

– С Настенькой? – спросил Ян, решив, что ослышался.

– Ну конечно! Мне час назад письмо принесли от госпожи Янки. Знаешь, что в нём? Тётя Янка хочет, чтоб я помогла проверить, нет ли у Насти глистов – жрёт, говорит, много, а не толстеет! Ни одного врача для такого дела княжна к себе не подпустит. Чтобы её осмотреть, ей руки придётся выкрутить.

– Княжне Насте?

– Да, не перебивай! Её обучают Закону Божию, и она должна была выучить самый длинный псалом – ну, сто восемнадцатый. Тётя Янка ей скажет, что проверять буду я. Настя к нам должна прийти завтра и прочитать мне этот псалом, который она, конечно, даже не открывала, на хрен он ей? А как только я это обнаружу, войдёт Филипп, и княжне придётся показать зад. Я буду присутствовать, чтоб Филипп по морде не получил. Увильнуть Настенька не сможет – против неё будет и псалом, и строгое письмо тёти, которая

недвусмысленно поручила мне и Филиппу заняться этой работой!

Меланья была в восторге. Ян ничего похожего не испытывал, хоть его взлохмаченная сестра, сидевшая рядышком, безобразничала не только своим длинным языком.

– Тётя Янка думает, что княжна послушается тебя? Сама княжна Настя?

– Да! Представляешь? Марица ей наплела со слов каких-то монахинь, которым Дашка ездила по ушам, как я сбילה спесь с нашей бесноватой Евпраксии. Уж не знаю, что это был за рассказ! Но тётя в него поверила и решила, что я для дела гожусь...

Вот на этом слове нежный разговор брата с сестрой был внезапно прерван, притом самой княжной Настенькой. Кто бы мог ожидать её в такой час? Понятное дело, брат и сестра очень удивились, услышав топот шагов и многие голоса за дверью, а уж когда она распахнулась и вошла Настя, да не одна, Меланья и Ян даже испугались. Ян сразу лёг на живот да и притворился, что крепко спит. Меланья вскочила. Кого же она увидела, кроме хитрой княжны? Ещё сразу трёх знаменитых девушек: мудрую Василису Микулишну, её рослую сестру Настасью Микулишну и смуглянку Таисью, дочь Мирослава. Все они ворвались вместе с Настей в комнату, продолжая о чём-то шёпотом разговаривать и хихикать.

– Тебе письмо, – сказала княжна, вручая Меланье небольшой лист бумаги, сложенный вдвое, – от нашей тётушки Ян-

ки. Прочти сейчас же!

Пришлось Меланье, оставив девушек возле Яна, сделать четыре шага к лампаде и углубиться в чтение неожиданного письма. То есть, оно было ожидаемым, но никак не сегодня, а завтра днём. Тем временем, девушки с любопытством глядели на пятки Яна, белевшие в полумраке. Настенька и Таисья стали их щекотать, чтобы он проснулся. Ему пришлось это сделать и под угрозой более страшной пытки коротко объяснить, чем здесь занималась его сестра. Точнее, наврать. Вечерние гости громко развеселились.

– Значит, Евпраксия тоже с тобой по ночам чешет языком? – воскликнула Настенька, – очень мило!

– Милее некуда, – согласилась мудрая Василиса, – Мало этой Евпраксии зад надрали сегодня! Надо бы ей ещё и по голове настучать половником.

Опасаясь, что разговор зайдёт слишком далеко, Ян поторопился спросить о цели визита трёх любопытных барышень к нему в спальню. Веселье вмиг поутихло, и княжна Настя стала давать объяснение:

– Тётя Янка велела мне выучить наизусть псалом...

Тут она запнулась.

– Сто восемнадцатый, – подсказала другая Настя, Микулишна.

– Да, да, точно, сто восемнадцатый! Он огромный. Самый большой. Теперь тётя Янка меня прислала к Меланье, чтоб та проверила, как я выучила его. Ведь твоя сестрица знает

Святое Писание наизусть, и тётя всем ставит её в пример!

Как раз в этот миг Меланья, кончив читать письмо, вышла в коридор и там отдала какой-то приказ коридорной девушке. Та умчалась. Меланья же, не входя, спросила с порога:

– А почему ты, Настя, пришла сегодня, да ещё на ночь глядя? Тётя мне пишет, чтобы я завтра после обеда тебя ждала.

– Нам нужно с тобою срочно поговорить, – сделала княжна загадочное движение, – идём в трапезную!

– Я угощать вас ничем не буду, – предупредила Меланья. Четыре гости ей твёрдо пообещали, что не умрут и без угощения. И, стуча каблучками, вышли. Дверь они за собой захлопнули. Ян остался наедине с комарами.

Прокуда и Дашка в трапезной зажигали свечи по всем углам. Когда барышни вошли, там было уже светло, будто днём. По знаку Меланьи служанки шмыгнули в угол и затаились, чтоб не мешать своей госпоже. При этом они, конечно, были готовы ещё быстрее повиноваться куда более значительной госпоже, то есть княжне Насте. Та, подтверждая своё значение, по-хозяйски села за стол и забарабанила пальцами по нему, слегка склонив влево пышноволосую голову, на которой сиял золотой венец. Премудрая Василиса, её сестра и Таисья во всём последовали блистательному примеру княжны. Меланья расположилась в кресле, вытянув свои нищенские босые ноги.

– Что это там? – поинтересовалась Таисья, указав пальчиком на корыто с розгами. Объяснив, что в этом корыте, Ме-

ланья важно взглянула на свою родственницу.

– Начнём, сиятельная княжна? Я всё понимаю, псалом большой, так что ты Прочти мне хотя бы четверть! Любую, какая лучше запомнилась.

– Подождёшь со своим псалмом, – ударила Настя ладонью по столу, – нам не до него. Слушай-ка, сестрица, меня внимательно и сейчас же исполняй то, что я говорю! Евпраксию надо выпустить.

У Меланьи от изумления опустилась рука, которой она как бы ненароком взлохмачивала свои белые вихры, хотя они были и без того хорошо растрёпаны. После слов княжны ей, конечно, стало не до волос. Она поглядела на двух Микулишен и Таисью. Вся эта троица ей кивнула очень решительно – дескать, да, давай сюда ключ!

– Это приказ князя? – тихо осведомилась Меланья.

– Нет! – вскричала княжна, на этот раз грохнув по столу не ладонью, а кулаком, – батюшка о замыслах наших знать ничего не знает! И знать ему пока незачем.

У Меланьи камень с души упал. Но она при этом осознала, что надо быть начеку – слишком уж решительный вид имели четыре барышни, из которых две были совершенно точно не дуры. Почесав кончик своего длинного носа, Меланья глубокомысленно приложила палец к щеке.

– Так у вас есть замыслы, напрямую касающиеся дел великого князя, и он о них ничего не знает? Сколько вина вы сегодня выпили?

– Ты забыла, с кем говоришь, – холодно промолвила княжна Настя, – я занимаюсь своими собственными делами, ясно тебе? Ты же занимайся своими – молись и жди жениха, которого тебе подберёт мой батюшка, с моего на то позволения! Да, моя дорогая! Не посоветовавшись со мною, великий князь не даёт своего согласия на женитьбы детей боярских, поскольку я знаю лучше всех, кто чем дышит. Если решу – будет твоим мужем гусляр Данила, а по-иному решу – старый Мирослав, чья дочь здесь присутствует! Всё понятно?

– Делай, Меланья, что тебе велено, – подала строгий голосок и Таисья, – не гневи Настеньку! Ведь она наша госпожа, мы – её служанки.

– Вы мне подруги, – великодушно не согласилась Настенька, – но до той минуты, пока не будете мне мешать заниматься тем, что для меня важно!

Она говорила резко, как никогда. Видя, что Меланья напугана, в беседу сладко влилась премудрая Василиса Микулишна. Для начала она умиротворяюще сжала руку княжны, лежавшую на столе, затем промурлыкала:

– Полно, Настенька, успокойся! Меланью тоже можно понять. Что это такое, возьми да выпусти? Ведь Меланья послушна князю...

– Правда твоя, – улыбнулась Настенька, дружелюбно высвобождая руку, – Меланья, бояться нечего! Нынче мы Евпраксию выпустим, да и где-нибудь спрячем, чтобы её не мучили. Она прежде всего должна успокоиться и поверить, что

мы хотим ей добра – то есть, её свадьбы с Данилой. Ну, не бледней, не бледней! Сначала дослушай. Я знаю, чем Даниила взять, чтобы он пошёл на любой обман и хитростью выведал у неё, куда она дела пуговицы. Мы тут же их раздобудем, вручим патрикию Михаилу, и уж тогда не будет препятствий для его свадьбы с Евпраксией. Он её увезёт в Царьград, ты выйдешь за Даниила – я знаю, как это сделать, да вот и сказке конец!

Ужасно собой довольная, Настенька оглядела всех своих собеседниц, каждой из них улыбнувшись как самой близкой подруженьке. На Меланью она светила своими княжескими очами, конечно, дольше, чем на других. Но всё же Меланья не до конца растаяла и, собравшись с духом, сказала:

– Я понимаю, Настенька, для чего это нужно тебе и мне. Но вот для чего всё это Таисья? И, уж тем более, двум Микулишнам? Ведь они – подруги Евпраксии!

Ни Таисья, ни две Микулишны не смутились. Было похоже, что они знают, зачем им всё это нужно.

– Очень разумный вопрос, – ласково кивнула княжна, – но ты всё-таки не знаешь, Меланья, зачем это нужно мне! Думаешь, затем, чтобы меня батюшка по головке погладил, а тётя Янка расцеловала? Как бы не так! Они меня и так любят. Дело в другом. Евпраксия просто не понимает своего счастья! Если она попадёт в Царьград и будет там вхожа в царский дворец, то всем станет весело. Ведь в Царьграде кое-какие дела очень быстро делаются! Слыхала ты про зелено-

глазую Феофану, с двумя мужьями которой полтора века назад воевал наш князь Святослав? А ведь она стала царицей, будучи дочерью не боярина, а трактирщика! Красота, отвага и хитрость её на трон возвели. Ты уже догадываешься, к чему я клоню, моя золотая?

– Догадываюсь, – вздохнула Меланья, – а вы уверены, что Евпраксия, став царицей, подарит каждой из вас по сто городов? За что ей быть вам признательной? С какой стати? Она решит, что вы её предали. Да и разве это не так?

– Вздор, – махнула рукой княжна, – она очень быстро пойдёт в Царьграде, чем нам обязана. Я с ней запросто помирюсь, а уж Василиса – тем более!

– Это верно, – кивнула мудрая девушка, – помирюсь и сяду царицей на Дунае. Ты, дорогая княжна, бери себе хоть всё море синее с городами его портовыми, а вот я, чур, возьму города дунайские с виноградниками, рыбацкими деревеньками и торговлей! Дунай мне нравится. Он широкий. Не просто так Святослав столько воевал за него!

– А почему это ты отхватила себе Дунай? – вознегодовала Таисья, – сказала «чур», и он – твой? Так дела не делаются у умных людей! Надо кинуть жребий.

– Да вы лучше подеритесь, – хихикнула княжна Настя, – будет вам спорить на пустом месте! Сначала сделаем дело, потом решим, кому что достанется. Там всем хватит и городов, и золота, и земель! Империя – безграничная. Верно я говорю, Настасья Микулишна?

Сестра мудрой Василисы молча вздохнула. Видимо, ей хотелось чего-то большего, чем избыток и безграничность. Потом четыре Властительницы империи с любопытством уставились на Меланью. Им было нужно знать, как она оценивает их замысел. Видя, что от ответа не отвертеться, Меланья пожала худенькими плечами.

– Да, всё это интересно! Но вы забыли, зачем мы здесь собрались. Настенька, ты мне будешь читать псалом?

Девушки, сидевшие за столом, слегка удивились. Потом им стало смешно. Вдоволь насмеявшись, они опять поглядели на белокурую праведницу.

– Умеешь ты пошутить, – заметила княжна Настя, – но шутки в сторону, время дорого! Говори нам прямо, берёмся ли мы за дело?

– Конечно, прямо сейчас! Ведь я же тебе сказала, княжна – читай мне любую четверть, какая нравится.

Заговорщицы помрачнели. Впрочем, на губах Настеньки сохранялась слабенькая улыбка. Но вот княжна убрала с лица и её.

– Послушай, Меланья, – властно заговорила она, – я, кажется, чётко предупредила, что мне поперёк дороги стоять не нужно! Я очень добрая до тех пор, пока мне не вставляют палки в колёса. А ты сейчас это делаешь. И ты знаешь, к чему это приведёт, если не закончится? А к тому, что ты у меня отправишься в монастырь! В далёкий, под Полоцк. До самой смерти! Я это устроить тебе смогу, притом без больших уси-

лий. Итак, выбирай, пожалуйста – монастырь или Даниил?
– Я правильно понимаю, что ты не выучила псалом?

Настенька вздохнула с особенным выражением, которое не сулило ничего доброго. Найдя взглядом Прокуду с Дашкой, она велела им сбегать во дворец и позвать Филиппа. Но не успели служанки сделать и двух шагов, как открылась дверь, и Филипп вошёл. Однако княжна, которая полагала, что он находится во дворце и при этом жаждала его видеть, не удивилась и не обрадовалась. Лишь мельком скользнув по нему глазами, она опять уставилась на Меланью, поскольку та вывела её из себя уже окончательно, и никто иной не мог сейчас завладеть вниманием Настеньки. Между тем, мальчишка к ней подошёл. Она чисто по привычке, вовсе о нём не думая, протянула руку ему навстречу. Он раболепно поцеловал её пальчики, удостоил низким поклоном трёх её спутниц, которых хорошо знал, а затем приблизился к младшей хозяйке терема и застыл около неё. Меланья, уныло взмахивая ресницами, снова слушала Настю, которая обратилась к ней теперь уже с такой речью:

– Думаешь, за тебя тётя Янка вступится? Жди, надейся! А ну-ка, встань, безобразница! Я сейчас запроу тебя, как Евпраксию! В монастырь ты поедешь прямо из-под замка, шлюха босоногая!

– Княжна Настя, – вдруг ещё круче выказала ослиный свой нрав Меланья, вынув из-под корсажа с лентами предпоследнее тётушкино письмо, – скоро тебя вновь будут сва-

тать какие-то короли и цари, а ты худошава! Это нехорошо. Наша тётя Янка считает, что у тебя есть глисты. Она поручила Филиппу в моём присутствии осмотреть твою заднюю кишку. Вставай, снимай юбочку и всё прочее.

Молодая княжна слегка подалась назад, гордо вскинув голову красоты необыкновенной. Её изящные брови приподнялись от недоумения, а глаза засияли ярче. Другие три заговорщицы просто молча переглянулись. Они не видели ничего неожиданного и странного в том, что Меланья сошла с ума в очередной раз и чёрт знает что придумала, но им трудно было понять, как ей удалось втянуть в этот вздор игуменью Янку, чья подпись была различима на письме издали, и Филиппа. Настя, тем временем, проницательно наблюдала уже за ним. Увидев, что он достал из кармана какую-то небольшую, тонкую палочку с заострённым концом, княжна обменялась с Таисьей малозаметными жестами и натянуто улыбнулась.

– Искать у меня глистов? – пожалала она плечами, – прямо сейчас? Это что за бред?

– Дело государственной важности, – уточнила Меланья, – вставай и оголяй жопу.

Княжна была озадачена. Она очень медленно встала и оглядела подруг, как бы призывая их броситься перед ней на колени с мольбой пощадить Меланью. Встречные взгляды были пытливыми и безмолвными, потому что подпись госпожи Янки сомнений не вызывала. Один лишь сверчок под

печью был, кажется, убеждён, что всё это дело кончится для Меланьи плохо. Но княжна вышла из-за стола разве что с досадой, не больше. Её бледное лицо, которое послы Франции называли поистине королевским, так подчеркнуло их правоту, словно королева должна была подписать указ о казни военачальников, по вине которых сорвался штурм Иерусалима. И девушки, и Филипп следили за нею с благоговением. У Меланьи, впрочем, хватило наглости сесть на пятки и шевельнуть тонкими бровями. Такое мерзкое поведение княжну Настеньку разозлило.

– Ты, тварь бесстыжая, сучья дочка, совсем отбилась от рук? — поинтересовалась она, ловкими движениями снимая длинную юбку, — с тётушкой будет у меня завтра нешуточный разговор. Это ж надо было до такой дряни додуматься! Интересно, что ты ей в уши напела? Ну, не беда! Я уж позабочусь о том, чтобы ты вернулась в здоровое состояние.

И княжна засмеялась, небрежно бросая юбку из дорогого гамбургского сукна на второе кресло. Слегка приседая, чтобы спустить панталоны, она опять поглядела на своих девушек и заверила их, что вряд ли осмотр займёт более минуты и по его завершении можно будет снова заняться делом. Сообщницы разделили её отличное настроение. Это было для них нетрудно. Когда они дохихикали и княжна швырнула на кресло свои штаны с кружевами, Меланья внезапно снова подала голос, хоть эту гнусь никто ни о чём не спрашивал:

– Дорогая моя сестра! Аль-Аршан сказал, что для избав-

ления от глистов тебе надлежит притвориться мёртвой и пролежать пять часов с горящей свечой. При этом свечу надо держать так, чтобы у глистов не было сомнений в её наличии. Лишь тогда они все поверят, что ты покойница, исходя из этого придут к выводу, что теперь их никто не будет кормить, и умрут от ужаса. Одним словом, лежать со свечой будешь до зари, если паразиты у тебя есть! Если же их нет, сразу побежишь империи завоёвывать.

Это скотское заявление изумило всех заговорщиц. Обе Микулишны и Таисья очень тревожно закопошились, боясь немедленной драки, и приготовились убежать. Но младшая дочь великого князя решила с мстью не торопиться.

– Тьфу на тебя, – бросила она и отвела взгляд от Меланьи так, что лучше бы вправду плюнула. На ней были только лиловые башмачки из юфти и длинная, до колен, тонкая рубашка. Склонившись носом к столу, княжна задрала рубашку почти до самых лопаток, упёрлась в лавку ладонями и застыла, пряча глаза за массой волос, которые ниспадали теперь вперёд. Её голый зад оказался прямо напротив печки. Но почему-то сверчок под ней не умолк. Княжна это объяснила для себя тем, что все в этом доме один другого чуднее.

– Филипп, я жду, – тут же объявила она, голосом давая понять, что ей вновь смешно. Меланья, конечно, этому не поверила, но на всякий случай изобрела ещё одну пакость. Она вручила Филиппу письмо, которое уже несколько минут держала в руке, и распорядилась это письмо положить

на стол. Такой низости вспылчивая княжна уже не стерпела. Когда Филипп подошёл и три её спутницы, взяв пергамент, начали отнимать его друг у друга с риском порвать, она резко выпрямилась. Её янтарные кудри снова отхлынули от лица, которое послы Англии называли чисто шотландским. Придерживая рубашку под самой грудью, царственная красавица повернулась на каблуках и со всего маху дала Филиппу пощёчину. После этого оскорблённая царь-девица вернулась в прежнюю позу, вновь заголив округлые ягодицы перед мальчишкой.

– Все вы, мужчины, скоты! – звонко огласила она свой главный девиз и сморщила носик. Ученик лекаря, всхлипнув, присел на корточки. Ему было очень обидно. Пока он направлял палочку, мерзопакостная Меланья жестом подозвала к себе Дашку и шёпотом ей дала какое-то приказание. Дашка молча кивнула и тут же выскользнула за дверь. Прокуда осталась, а две Микулишны и Таисья, как-то уладив противоречия, начали ознакамливаться с письмом. Ученик врача почти с головой ушёл в столь же интересное дело. Вряд ли княжне, которая иногда сгибала колени, стараясь не отрывать ладони от лавки, оно было по душе. Кажется, её большие глаза даже выражали решимость раздавить тварь при первом удобном случае. Бедный парень догадывался об этом, ибо княжна не могла унять стервозную дрожь своих длинных ног, налитых упругой молодой силой.

– Тётушка говорила тебе, что нельзя жрать с грядки мор-

ковь, надо прежде мыть? – умничала в кресле другая стервочка, подогнув под себя не менее длинные ноги и подняв палец, – весь Киев ты переполошила в который раз! Ну, что там, Филипп?

Мальчишка хотел ответить, но как раз в эту минуту три любопытные за столом, закончив читать письмо, тихонько пришли в движение. Дочь великого князя тут же на них набросилась.

– Поздравляю, подруги милые, – усмехнулась она, слегка поднимая голову, – вы, я вижу, очень довольны, что маленький иудей у вашей княжны хочет отобрать хранителей её стройности! Не хотите ли отвернуться ради приличия?

Три нахалки даже и не подумали шевельнуться, но глазки свои потупили и сказали, что вовсе и не довольны и что охотно бы отвернулись, да вот беда – за спиной стоят образа святых, которые могут лица их распознать и доложить Господу, что они участвуют в безобразии.

– Ай вы, праведницы мои! – умилилась Настенька, – да на ваших затылках написано про вас всё! Вы – просто три сволочи! Почему бы вам не убраться отсюда вон?

Помолчав немного, она накинулась на Меланью, которая преспокойно сидела в кресле, уткнувшись задницей в пятки, и вообще никого не трогала:

– Убью, сука!

– Ой, – чуть не умерла от страха Меланья, вновь изменяя позу, – чего пугаешь, княжна? Три сволочи здесь останутся.

Они завтра подтвердят тётё, что мы с Филиппом старались. Ну что, Филипп, много наловил?

Въедливый наглец извлёк палочку и на всякий случай поцеловал княжну в голое бедро. Затем он поднялся и с трепетом доложил, обращаясь к ней же:

– Пресветлая повелительница! Сестрица твоя, госпожа Меланья, правильно говорит, что ты должна стать покойницей.

Настя тягостно распрямилась и повернулась, одёргивая рубашку. Её глаза излучали столько признательной нежности, что от них попятился бы голодный медведь.

– Вот ты и попался, красавец, – взяла она вдруг Филиппа за кончик носа и притянула к себе, свободной рукой надвинув ему на лоб раввинскую шапочку с отворотами, – я сейчас тебе откушу язычок твой аспидный!

– Животом на лавку ложись! – ударила пятками в пол Меланья, которой весь этот балаган уже надоел, – живее, бегом!

Но от её выходки балаган только лишь усилился, потому что сама Меланья тоже успела всем надоест. Настя завизжала, присела, Филипп же, наоборот, подпрыгнул, и таким образом его нос вырвался из плена. Таисья не поленилась выскочить за одну секунду из-за стола, чтобы упасть в обморок прямо на пол, а Василиса Микулишна мудро шлёпнулась на неё, чтоб не расшибиться. Тут же произошла между ними драка уже серьёзная, но Настасья Микулишна шуток ради их растащила. Уж ей ли было не знать, что, выйдя на

улицу, они сразу развеселят весь Киев! Словом, переполох поднялся не хуже, чем при пожаре или при нападении половцев. Туго скомкав рубашку выше пупка, великая киевская княжна, мечта королей, ринулась к углу так поспешно, что гнев Меланьи остыл. Она даже улыбнулась, глядя, как Настя скачет вприпрыжку, белея голыми ягодицами. Добежав до лавки, княжна на неё легла, чуть приподнялась на локтях и застыла. Её кошачьи глаза холодно уставились в угол. Когда Филипп, вынув из кармана толстую восковую свечу, зажѐг её от лампы и подошёл, эти изумительные глаза стали просто сказочными.

– Филипп, – прошипела Настенька, стиснув крепкие кулаки, – клянусь, завтра ты узнаешь, за что были сожжены Содом и Гоморра!

Свеча была очень толстая и гореть должна была долго, тем более что Филипп, запуганный Настей, вставил её на малую глубину. Три сволочи за столом довольно неплохо изобразили сочувствие. Босоногая паразитка в кресле, схватив вернувшегося Филиппа за руку, начала его успокаивать, потому что он мог без этого умереть. Княжна, не в пример ему, хранила спокойствие и безмолвие. Провожая взглядом бегущего по стене паучка, она думала-гадала, можно ли с честью выкрутиться из этой истории. Озадачившись тем же самым вопросом, премудрая Василиса Микулишна обратилась к Меланье с просьбой ответить без глупых шуток, вправду ли она думает, что глисты перемрут от страха.

– Да, перемрут, – был ответ Меланьи, – только не знаю, от страха или от смеха.

Но недоверчивая Таисья выразила сомнения в том, что глисты настолько наивны или смешливы, и предложила для достоверности перестать утешать Филиппа. Филипп немедленно разревелся, и к его вою тотчас присоединились все три застольные девушки. Меланья же стала басом петь панихиду, тряся при этом башкой, чтобы её серьги звенели, будто кадило. И достоверность вышла такая сильная, что сама княжна едва не расплакалась над своими собственными останками.

Через час прибежала Дашка. Она была не одна. С ней вместе примчались молодой сотник Демьян – сердечный друг Настеньки, и его приятель Ратмир, брат юной красавицы Светозары. Дашка поймала их близ дворца и призвала следовать за собою, сказав, что Настеньке нужна помощь. Когда два воина и служанка входили в трапезную, панихида там уже кончилась, потому что всем надоела. Очаровательная покойница, продолжая держать свечу весьма странным способом, остроумно рассказывала Меланье, сёстрам Микулишнам и Таисье, как её, Настю, сватали к польскому королю. Ученика лекаря в трапезной уже не было. Он ушёл. Меланья и три нахалки пили вино, которое принесла Прокуда, и с интересом вслушивались в поток остроумия. Остроумной княжне приходилось делать три вещи одновременно: плотно сжимать свечу ягодицами, чтобы горячий воск не тёк глубоко, хлопать рядом с ней комаров, делая упор то на один

локоть, то на другой, и вдумчиво, обстоятельно излагать череду событий, чтоб не казаться смешной из-за непоследовательности. Это было всё не так просто, ибо княжну ещё и частенько перебивали вопросами неразумными. Например, Меланья спросила, сколько же было всего послов. Как будто она не знала!

– Двадцать пять графов с епископами и челядью, – отвечала Настенька, – и ещё художник один.

– Художник? – переспросила мудрая Василиса, наполнив чашу вином из глиняного кувшина, – что ещё за художник?

– Художниками зовутся те, кто людей рисует, дубины! – с высокопарностью объяснила княжна, – вы что, про них не слышали?

– Так это иконописцы?

– Вроде того, да не совсем то. Этот человек должен был меня рисовать, потому что польский король хотел получить мой образ, написанный на холсте!

– На половой тряпке, что ли? – блеснула своим невежеством и Таисья, – так он зачем присылал послов, я в толк не возьму? Чего ему нужно-то было – грязная тряпка или невеста?

– Дура ты, ...! – выдула княжна комара из носа и злобно плюнула, – нужно было ему и то, и другое! Но я ему отказала в том и в другом, хоть батюшка очень убеждал меня согласиться. Далась ему эти ляхи! Пусть король Англии меня сватает. Вот тогда я ещё, может быть, подумаю.

– А художнику почему решила ты отказать? – допытывалась Настасья Микулишна, сделав пару глотков из чаши, – грязную тряпку отдать ему было жалко разве? Да ты взяла бы её у нас! У батюшки в подполе этих тряпок – не разгрести!

– Да, чудно всё это, – снова подала голос Таисья, – про этих двадцать пять графов с епископами мы слышали, а художника не придумала ли ты, княжна? Ой, здравствуй, Демьян! Ой, Ратмир! И ты здесь?

Внезапно услышав эти приветствия, а затем и голос Меланьи, которая приглашала новых гостей за стол, бедная княжна вся оцепенела от ужаса. Здесь Демьян? И здесь его друг Ратмир – братец Светозары, которая языком своим длинным чешет и днём и ночью по всему Киеву? И они глядят сейчас на неё, княжну, лежащую гольшом, с горящей свечой в непристойном месте? А ведь она – дочь великого князя, умница и красавица, предводительница всех ловких девушек в Киеве! Что же делать? Не повернуть ли голову? А что толку? Разве от этого меньше станет беда?

Демьян и Ратмир молчали. Неудивительно! Они были потрясены. Девушки, напротив, не утихали, пытаясь им объяснить, что произошло. Но их языки уже заплетались. И тогда Настя, уткнувшись в лавку лицом, взяла на себя это непростое дело:

– Демьян, Ратмир! Всё здесь хорошо, всё в порядке! А что сказать кроме этого, я пока ещё не придумала.

– Ничего хорошего, – возразила Меланья, ставя пустую

чашу на подлокотничек кресла. Она сидела в нём, поджав ноги, и вот теперь решила их вытянуть, чтобы сотники любовались не только тем, в чём торчала свечка. Но парни и не подумали оторваться от этого замечательного подсвечника даже после того, как пятки Меланьи вновь засверкали. Тогда она с досадой продолжила: – Княжна Настя не выучила псалом, решив вместо этого стать царицей в Константинополе! Столь греховное направление мыслей приводит к духовной смерти, которую вы сейчас лицезреете. Так ведь, Анастасия Владимировна?

– Я вовсе не собираюсь царицей быть! – возмутилась Настенька, – что ты брешешь?

Тут вдруг все начали хохотать, глядя на неё. Самое обидное было в том, что первым заржал Демьян! Три мерзких ничтожества за столом визгливо примкнули к этому непорядочному веселью, затем его поддержал Ратмир вместе с главной гадиной. У великой княжны от негодования горячо прихлынула кровь к лицу, которым она прижималась к лавке. Когда минут через пять все утихомирились, кроме, кажется, одной дуры-Таисьи, Настя воскликнула:

– Всех убью! Вы что, дураки? Кто вам разрешил меня злить?

– Долго она так пролежит? – спросил у Меланьи Ратмир.

– Ещё часа три, пока не оплавится вся свеча. Пусть Ян на неё тоже полюбуется, придя завтракать! Так решила тётушка Янка. Письмо лежит на столе, прочтите. В нём, правда, ещё

написано то, что Анастасия Владимировна от вас захотела скрыть, но зря она так! стыдно должно быть не ей, а глупым глистам, которые не смогли отличить сиятельную княжну от обыкновенной девушки и посмели в ней завестись.

Настенька сердито цокнула языком. Ратмир подошёл к столу, взял письмо. Пока он его читал, Меланья сказала самое главное:

– Я хочу, чтобы вы, Ратмир и Демьян, остались тут, в трапезной, до утра. Читайте ей вслух псалом до тех пор, пока не запомнит. Дашка с Прокудой тоже останутся. Они будут следить, чтоб она лежала не шевелясь.

Княжна промолчала, но опять гордо выгнула спину и засияла пронзительными глазами в угол. Два её друга, закончив читать письмо, уселись за стол. Микулишны и Таисья, наоборот, встали и сказали, что им пора, ибо время позднее. Поднялась на ноги и Меланья.

– Я тоже пойду посплю. Завтра день воскресный, рано вставать на службу в Святой Софии. Всего хорошего, Настенька!

И четыре девушки вышли, оставив в трапезной двоих сотников, княжну Настеньку и служанок.

Глава семнадцатая

Воскресным утром, перед зарёй, Ян во время завтрака побеседовал с княжной Настенькой, продолжавшей лежать на

лавке и морщить нос от жестокой пытки, которой были подвергнуты некоторые другие части её прекрасного тела. Их склеил воск, ибо от свечи остался малый огарок. Беседа не затянулась. Хлопая комаров, княжна объяснила Яну, что он ещё слишком глуп, чтоб вступать в дела умных девушек. Прислуживали глупцу Прокуда и Дашка. Его лучшие друзья, Демьян и Ратмир, храпели, лёжа на лавках. Окончив завтрак, Ян поспешил во дворец. Настенька ушла, как только рассвет забрезжил, так что Евпраксия и Меланья за завтраком были лишены удовольствия поинтересоваться у дочери Мономаха, выучила ли она псалом. Демьян и Ратмир продолжали спать.

Когда взошло солнышко, две сестры отправились на богослужение в храм Софии. Ясное дело, хотелось туда идти лишь одной из них. Евпраксия повязала голову знаменитым своим зелёным платком. Меланья ни шапочки, ни платка надевать не стала, так как ещё ни разу не была замужем и могла, согласно Писанию, входить в церковь простоволосая. Но свои лихие вихры она кое-как пригладила гребешком, чтоб тётушка Янка не наказала её потом за нескромный вид на богослужении. Когда шли две сестры по улице, все вокруг тем только и занимались, что как-то уж очень весело их приветствовали, глядели им вслед, шептались да пересмеивались. Казалось, что даже солнышко улыбается, что синицы и воробьи летают ниже обычного. Для Евпраксии всё это было противней гречневой каши, а для Меланьи – приятней мёда

гречишного. Она весело перебрасывалась словами с каждым знакомым, хоть нужно было спешить. Евпраксия торопила её, за рукав тянула, грозила гневом игуменьи.

Наконец, вошли две сестрицы в храм с большим опозданием. Службу вёл пресвитер Ефрем, родом армянин. Монахам любил его за начитанность. Самого великого князя в соборе не было. Воскресенья он проводил в загородном Берестовском дворце, а сопровождала его туда часть младшей дружины и небольшая свита. Все остальные знатные и богатые киевляне молились в храме Святой Софии. Построенный Ярославом Мудрым семьдесят лет назад, он внутри казался вдвое громаднее, чем снаружи, весь блистал золотом и мозаикой, а в то утро – и побрякушками молодых боярынь, стоявших рядом с мужьями, отцами, братьями. Когда дочери Путяты вошли и слились с толпой, хор молчал, а Ефрем читал нараспев послание Павла. Потом он смолк и начал звенеть кадилом, а хор запел, и все закрестились. Из сволочных глаз Меланьи потекли слёзы. О том, что это – ханжеское при творство, знала не только её сестра. Поэтому, когда длинный нос Меланьи зашмыгал, никто на эту комедию ни одной минуты не стал смотреть. Впрочем, гости Киева, незнакомые с его жителями, приглядывались к Меланье, но исключительно потому, что она была босиком выше многих женщин на каблуках, да и всех мужчин роста среднего.

Осторожно протиснувшись чуть-чуть вправо, Евпраксия оказалась рядом с княжной Марицей, старшей дочерью Мо-

номаха. Она стояла бок о бок со своим мужем-слепцом и чем-то была очень недовольна. Возможно, всем. Как всегда.

– Марица, ты слышала про мою беду? – шепнула ей на ухо старшая дочь Путяты, крестясь как можно неистовее.

– Боярыня, уступи мне все свои беды вместо одной моей, и я буду счастлива, – с гневом произнесла законная правнучка Ярослава в ответ на жалобу не вполне законной, – честное слово, Евпраксия, ты – ребёнок! Тебе не стыдно?

– Княжна! В той книге, которую ты сейчас слушала стоя, сказано, что Царствие Небесное принадлежит детям.

Хор что-то пел. Святые угодники сквозь мерцание восковых свечей пригвождали взглядами к трепету и смирению. Поп и два басовитых дьякона что-то мрачно бубнили, размахивая кадилами. Всё это почему-то делало всех серьёзными. Даже очень.

Пользуясь тем, что Меланья захлёбывается слезами и глядит вверх, на прекрасноликого юношу с ангельскими крыльями, Евпраксия начала мотаться по всему храму. Но все её друзья и приятели, так желавшие накануне видеть её заплаканное лицо, один за другим отказывались её выслушивать, потому что на них взирал с высоты архангел по имени Михаил. Ирина, двоюродная сестра Фомы Ратиборовича, даже пригрозила ей каким-то небесным громом, а молодой тысяцкий Еловец сказал, что сейчас пожалуется игуменье Янке. Как раз в этот самый миг игуменья Янка, стоявшая с несколькими монахинями левее, Евпраксию и заме-

тила, скосив взгляд. Поманила пальцем. Пришлось Забаве Путьятишне подойти к своей очень строгой сорокалетней тётушке и припасть губами к её руке, по сто раз облизанной всеми киевскими невестами.

– После службы ты и Меланья пойдёте ко мне обедать, – сухо распорядилась госпожа Янка, – у меня много есть что сказать вам обеим.

– Хорошо, тётенька, – пропищала Евпраксия и попятилась, опустив глаза. Но, как только тётенька отвернулась, со стороны виновницы её гнева вновь начались попытки испортить всем настроение. Все по-прежнему её гнали. И только юная белокурая Светозара, сестра Ратмира и дочь боярина Туки, нежно взяла скандальную вдову за руку.

– Ах, Евпраксия! Если ты уже направляешься к выходу, я – с тобой! Что-то у меня голова начала кружиться!

– Идём, – обрадовалась Евпраксия. Не хотела она, конечно, покидать храм раньше причащения, но как было не помочь хрупкой и бледной девице, никогда не имевшей греховных помыслов? По пути к дверям две подлые твари самым коварным образом утянули вслед за собой премудрую Василису Микулишну, хоть Настасья сказала ей, указав глазами на широченную спину отца:

– Василиса, знай: если ты раньше евхаристии удерёшь, то батюшка завтра отправит тебя к Меланье, как обещал!

– Мне будет приятно эту визгливую длинноносую цаплю перемудрить, – хихикнула Василиса, и храм был ею покинут.

Выйдя на паперть, три красны девицы увидали возле неё двух всадников, опоздавших даже уже и не к середине церковной службы. Они сходили с коней, а тех уже подхватили отроки-чернецы, обязанностью которых было прислуживать прихожанам такого ранга, какой имели два всадника. Это были мрачный патрикий Михаил Склир и плясун, озорник, балагур Алёша Попович. Для трёх подруг осталось неясным, подъехали ли они к церкви вместе или поврозь. Первое, пожалуй, было бы удивительно, ибо что между ними могло быть общего?

– Ай, Забава Путятишна, Василиса Микулишна, Светозара Тукиевна! – вскричал Алёша Попович прямо на всю Соборную площадь, весело хлопнув себя по бёдрам, – три звёздочки слились вместе! Да вы куда собрались-то, горлицы мои сладкие?

– Не ори, – топнула ногой Василиса. А дочь Путяты прибавила, обменявшись поклонами с Михаилом, но обращаясь к Алёше:

– Мы собрались погулять. А ты, сын поповский, в храме прилично себя веди! О нас позабудь, про Господа вспомни.

– Так вы уже причастились?

– Это тебя не касается. Не мути, говорю, народ!

Пока Василиса Микулишна улыбалась, а Светозара смеялась, Евпраксия обратилась уже к патрикию:

– Ты на днях получишь от меня дар, жених мой любезный!

– Я уж давно и нетерпеливо жду твоего подарка, бояры-

ня, – улыбнулся Михаил Склир, – что так долго медлишь с его вручением?

– Колдовство – дело кропотливое!

Так ответив, Евпраксия сошла вниз по ступеням и торопливо зацокала каблучками к Торговой площади. Василиса и Светозара последовали за нею. Поторопиться имело смысл – могла быть погоня.

Когда спустились приятельницы к Подолию, утро было ещё, можно сказать, ранним. Солнышко поднялось над степью невысоко, однако торги шумели уже вовсю. Народ на Подолии был попроще да подушевнее, и Евпраксия не ждала обидных подвохов, когда её окликали, чтоб поздороваться. Светозара, редко гулявшая в нижней части стольного города, была очень удивлена, заметив, что все здесь хорошо знают двух её спутниц.

– Куда идём? – весело спросила она, крутя глупой головой, чтобы всё зацепить любопытным взглядом.

– Идём мы в лихой кабак, – сказала Евпраксия, помахав рукой нехорошим девкам, которые ошивались возле суконщиков, – тебе скучно было стоять в соборе? Вот и повеселишься.

– На год вперёд, – зловеще прибавила Василиса, не так старательно отвечавшая на приветственные слова воловых погонщиков, бортников, гусяров, купцов-удальцов и всяких бродяг, уж не говоря о мастеровых. Она, старшая дочь пахаря, знаменитого на всю Русь, не очень была довольна

своим крестьянским происхождением и при встречах с себе подобными задирала нос, как боярыня. Но её всё равно любили.

– Да ладно вам, – небрежно махнула тонкой рукой ангело-подобная Светозара, – я не боюсь лихих кабаков! Ведь шестеро моих братьев, напившись мёду, всегда начинают драться между собою! Я уж привыкла. Евпраксия, тебя здесь прозвали Забавой?

– Я думаю, везде сразу, – дала ответ за подругу дочка Миккулы.

Когда три девицы подошли к мастерской Улеба, возле которой стояло несколько человек, медник, клещами вынув из горна кусок металла, взглядом дал знать Евпраксии, что ей лучше не останавливаться. Евпраксия поняла: уже по всему Подолию ищут мастера, согласившегося исполнить её заказ. Премудрая Василиса тоже что-то смекнула. А Светозаре медник был и неинтересен, хоть молодое его лицо, поутру ещё не слишком чумазое, показалось ей привлекательным. И пошли три подруги дальше.

Греховный путь их лежал мимо ювелирных, гончарных, конных и житных рядов к Северным воротам. Тот конец города славился кабаками, к которым даже княжеские дружинники меньше чем впятером старались не приближаться. Вольга Всеславьевич иногда бушевал и там, но в крепкой кольчуге. И об неё, по слухам, сломался не один нож. Премудрая Василиса знала об этом лучше Евпраксии, так

как вечно во всё вникала. Поэтому, когда три беглянки приблизились к кабаку возле женской бани, в которую ни одна приличная женщина отродясь не входила, дочь землепашца вдруг простонала:

– Что-то мне стало жарко! Может, пойдём сперва искупаться? Река близко.

– Вовсе не жарко, – заспорила Светозара, протянув руку к двери злачного места, – утро ещё! Давайте лучше напьёмся мёду и браги.

Но Василиса Премудрая со страдальческим видом остановилась. Закатывая глаза, она стала жаловаться, что солнце печёт кладезь её мудрости, и потребовала у старшей подружки её зелёный платок, который Евпраксии полагалось носить как честной вдове.

– Возьми, – сказала Евпраксия, обнажая рыжеволосую голову, – но зачем тебе мой платок понадобился сейчас? В кабаке сквозь крышу солнце не светит.

– А я сейчас купаться пойду на Почай-реку! Да, одна, одна, если вы – трусихи!

Дав этот мудрый ответ, дочь богатыря обвязала голову шёлковым летним платком Забавы Путятишны, знаменитым на всю округу. И получилось красивенько! Все прохожие даже начали любоваться.

– Ну, и иди, если дура, – махнула рукой Евпраксия, удивлённо переглянувшись со Светозарой, – не больно ты нам нужна! А я познакомлю Светку с Чурилой и Чуденеем.

– Их сейчас, может быть, здесь и нет! Но, как бы то ни было, я желаю вам славно повеселиться.

И, приподняв подол сарафана, чтоб не мешался, премудрая Василиса со всех ног кинулась в обход бани и двух складов к городским воротам. Все оборачивались ей вслед – куда это так несётся старшая дочь Микулы в чужом платке? Неслась она так, будто этот самый платок был ею украден. Две её спутницы, поглядев ей вслед и пожав плечами, вошли в кабак.

Глава восемнадцатая

Возле самых ворот находился ещё один склад, вместительнее всех остальных. К нему подвели дюжину телег с большими колёсами, запряжённых волами. Смерды перегружали из этих самых телег на склад мешки с солью и мукой. Рядом, на завалинке, отдыхали сопровождавшие обоз отроки. Их усталые кони ели овёс прямо из мешков. Василиса отроков этих знала. Они служили боярину Мирославу. Склад был его.

– Дайте мне коня на часок, – попросила девушка, подойдя. Отроки взглянули на неё странно. Один спросил:

– Василиса, а ты зачем повязала этот платок? Мы сперва решили, что ты – сама Забава Путятишна!

– Значит, вы получили приятную неожиданность, потому что я оказалась самой Василисой Микулишной! Коня дайте

на один час. Хочу искупаться съездить к Почайне.

– Ладно, бери, – сказал другой отрок. И все они улыбнулись, видимо предвкушая сладкое зрелище – оголение ног красавицы, когда сядет она в седло. Василисе на их улыбки было плевать.

– Какого я могу взять коня? – спросила она.

– Да бери любого! Но только на полчаса.

– Хорошо.

Выбрав молодого пегого жеребца, премудрая девица встала ногу в стремя и поднялась на коня – не так виртуозно, как Зелга сутки назад без всяких стремян, но всё же вполне себе ничего. Сарафан при этом задрался чуть-чуть выше колен. Дружинникам долго пялиться не пришлось, так как Василиса ударила коня пятками, и он рысью выбежал за ворота. Там, поднимая пыль, по дороге ехал большой отряд верховых, неплохо вооружённых. Вряд ли отряд был киевский. Пропустив его, Василиса направила коня вниз, к берегу Почайны, и рысью двинулась вдоль неё к прибрежным холмам.

Солнышко, поднимаясь за величавым Днепром, светило ей в спину. Поэтому Василиса Премудрая хорошо рассмотрела странного всадника на красивом сером коне, что выехал ей навстречу из небольшой берёзовой рощицы на вершине первой возвышенности, которую предстояло преодолеть. Это был мальчишка годов тринадцати, очень тощий и смуглолицый, судя по глазам – половец. Про его внешний вид

можно было сказать только одно слово: оборвыш. На приближавшуюся наездницу он смотрел против солнца и потому ещё больше щурил глаза, от природы узкие. Поравнявшись с ним, прекрасная всадница задалась вопросом: что возле Киева делает половчонок на таком добром коне? Но не останавливаться же было, чтоб это выяснить! Бросив взгляд на ногу мальчишки, который без башмаков с важностью сидел в седле без стремян, сжимая бока коня хилыми коленками, красна девица усмехнулась и поскакала дальше.

Вот это было ошибкой. В следующий же миг за спиной вдруг раздался свист, и на плечи ловкой наездницы опустилась петля аркана, конец которого был привязан к седлу серого коня. Рывком затянув петлю на шее красавицы, мальчик сразу погнал своего жеребца галопом, и Василиса Микулишна, неизящно вылетев из седла, с пронзительным визгом поволоклась по траве за серым конём. Её спасло то, что пегий конёк был невысок ростом, и то, что она в начале падения умудрилась крепко схватить верёвку руками. Кабы она этого не сделала, её мудрая голова едва ли осталась бы на плечах. Но от унижительного и наглого похищения босоногим мальчишкой это красавицу не спасло. Серый конь с убийственной быстротой волок её по земле через поле к лесу. Что было делать? Мудрость дала совет закрыть рот да крепче держать верёвку. Перестав выть и изо всех сил уцепившись пальцами за аркан, жертва похищения поклялась всем Небесным силам, что до замужества сохранит свежие

руины девичьей чести, если ужасный мальчишка прекратит бить пятками коня. И Бог ей поверил. Большой серый жеребец вскоре перешёл на мелкую рысь, а затем на шаг. И вдруг половчонок, на один миг обернувшись, крикнул:

– Эй, ты! Подчиняться будешь? Или тебя удавить петлёй?

– Я на всё согласна! – хрипло отозвалась девица-разумница, с мольбой глядя на смертоносные пятки маленькой сволочи, – не гони своего коня! Пожалуйста, не гони!

– Хорошо, – сказал похититель, – сейчас я с коня сойду. Но если ты попробуешь петлю снять – я свистну, и конь поскачет галопом! И будет он до леса скакать, а потом вернётся. Ты поняла?

– Поняла, – простонала пленница, и мальчишка резким рывком поводьев остановил серую скотину. Мудро уткнувшись лицом в траву, похищенная красавица широко раскинула руки. Стыд был велик. Но куда деваться, если уж умудрилась попасть в петлю?

Соскочив с коня, щуплый половчонок к ней подошёл, велел ей завести руки за спину и связал их крепким шнурком, который достал из кармана драных штанов. Потом велел встать и, опять вскочив на коня, погнал его мелкой рысью. Премудрая Василиса Микулишна, как коза на привязи, побежала вслед за конём туда, куда не хотела – к дикому лесу. Вскоре она стала задыхаться. Ей на глаза тёк пот.

– Помедленнее! – взмолилась она, следя за верёвкой, которая соединяла её с конём, – аркан натянулся! Скоро не вы-

держу, упаду!

– Тогда приторочу тебя к седлу, – пригрозил мальчишка, – будешь висеть, как мешок с верблюжьим навозом – башкой и ногами вниз, жопой кверху! Лучше беги. Так легче коню.

Пленённая барышня затряслась от бессильной злости.

– Кто ты такой? – вскричала она, стараясь не отставать от лошади, чтоб верёвка не натянулась, – чего ты от меня хочешь? Жениться на мне решил? Об этом ты даже и не мечтай! Не буду жить в юрте, не стану доить кобылу! Не подчинюсь щенку половецкому! Лучше смерть!

– Да больно ты мне нужна, – был ответ, – если я когда-нибудь захочу жениться, то возьму девку, а не вдову, которая вдвое старше меня! Лучше замолчи, а то я подвешу тебя к седлу.

– Вдову? – растерянно повторила девушка, – я вдова?

И тут её осенило страшное подозрение. А до леса, тем временем, оставалось не больше трети версты. Тощий полвочнок, что-то насвистывая, гнал серого коня к просеке.

– Дурачок! – истошно заверещала пленница, побежав за конём быстрее, – сними с моей головы платок! Ты видел моё лицо только против солнца! Я не Забава Путятишна, я – премудрая Василиса, старшая дочь Микулы Селяниновича!

– Вот я тебе заткну сейчас рот твоим же платком, – разозлился мальчик. Вновь осадив коня, он спрыгнул на землю, – и будешь ты у меня в тороках висеть всю дорогу! На четвереньки вставай!

Но мудрая Василиса успела встать только на коленки. Решительно подбежав к красавице, половчонок сорвал с её головы платок. При виде её длинных, чёрных кос, скрученных узлом пониже затылка, его узкие глаза сделались довольно обычными. С полминуты он стоял молча, а потом бросил платок на землю, затопал пятками, заругался по-половецки и стал снимать с шеи Василисы аркан. Она, свирепея, молча плевала ему в лицо. Развязав ей руки, глупый мальчишка бросился к своему коню. Вскочив на него, он возобновил путь к лесу уже галопом и скрылся из виду, затерявшись среди дубов на опушке.

Вот так премудрая Василиса Микулишна искупалась. Но не в реке, а в своём поту. Однако она даже не подумала освежиться в Почайне. Ну её к чёрту! Вновь повязав проклятый платок, она вволю напилась студёной водицы и со всех ног бросилась обратно, к холмам, чтоб найти коня. Тот, к счастью, не ускакал. Он ел одуванчики у берёзок. Сев на него, дочь богатыря поскакала в Киев. Ей оставалось только повеситься, если вдруг кто-нибудь пронюхает, как она целую версту бежала вслед за конём на аркане. И ладно бы на коне сидел добрый молодец с богатырским мечом! Но ведь, твою мать, мальчишка! В драных штанах! И без башмаков! Да уж, отличилась так отличилась.

– Василиса, да ты чего вся в грязи? – удивились отроки возле склада, взяв у неё пегого коня, – в болоте купалась, что ли?

– Нет, ничего подобного не было, просто на обратном пути ваш дурацкий конь меня сбросил в лужу, – дала ответ премудрейшая и помчалась к лютому кабаку, чтоб убить Евпраксию. Но дорогой возникла мысль: а предлог? Ведь правду сказать нельзя! Пришлось Василисе войти в кабак полностью растерянной и подавленной.

Но при виде того, что происходило там, в кабаке, её грустные глаза прояснились. Чурило и Чуденей! Они были здесь! Из этого следовало, что стыдно сегодня будет не только ей. И что же происходило? Пьяненькая Евпраксия, барабаня пальцами по столу, вела тонкий спор с расстригой Серапионом. Видимо, тот недавно пришёл, проведая, что она здесь. Спорили они о Святом Писании. Их беседу очень внимательно слушал старый лапотный волхв с густой белой гривой и бородой до пояса. Он сидел за другим столом, среди мрачных личностей с топорами и тесаками. Известный киевский вор по имени Чуденей, не боясь двух своих любовниц, крепко уснувших за самым дальним столом, нежно обнимал Евпраксию сзади и целовал её шею. Его побратим Чурило, расположившись поблизости, с той же нежностью тискал сидевшую у него на коленях глупую Светозару, сопровождая погибель её души такими речами:

– Лебёдушка моя белая! Ты ведь знаешь, как я тебя люблю! Раскрой уста свои сахарные, красавица, покажи мне свой язычок!

– А ничего более не раскрыть? – мяукала Светозара, глядя

русые кудри хитреца пальцами, на которых сияли перстни, – больно ты шустрый! А я – девица воспитанная, разумная.

Услышав эти слова, личности с ножами и топорами подняли Светозару на смех. К их хохоту присоединились ещё какие-то люди, ввалившиеся в кабак после Василисы. А та, укладываясь ничком на пустую и всем заметную лавку, дабы изображать Клеопатру во время трапезы, усмехнулась.

– Да под каким забором тебя воспитывали, сударыня? Кто тебя обучал разумности? Если этот негодник взял за свою работу хоть медный грош, он – просто подлец. Эй, Хайм! Налей-ка мне мёду!

– Сию минуту, мудрейшая, – отозвался самый приятный в Киеве целовальник, нисколько не уступавший Филиппу длиной кудрявых волос, а также умением снимать шапочку. Он был занят и подал знак одной из своих помощниц. Их у него насчитывалось побольше, чем у Ираклия. Быстроногая девушка юных лет наполнила чашу и собиралась её подать, но тут вдруг отлип от Евпраксии Чуденей. Выхватив у девушки чашу, обворожительный вор подсел к Василисе и стал её разлюбезно потчевать.

– Отвяжись, – буркнула она, сделав два глотка, – я прекрасно знаю твоё намерение! Ты, скотина, обворовать меня собираешься!

– Чтоб я сдох, если это так! – обиделся Чуденей. Но, хоть он не сдох, никто не поверил ему. Все знали, что Чуденей и Чурило умеют делать только две вещи: выжимать соки из

самых тайных, самых пленительных женских мест – то есть, из ларцов с драгоценностями, и сразу же выставлять обману-тых дур на посмешище, пропивая их побрякушки с другими дурами. Знать-то знали, да только что можно было сделать? Бабы есть бабы, а паразиты есть паразиты. Поэтому Василиса сильно обрадовалась, увидев, как эти двое обхаживают обе-их её приятельниц. А когда Чуденей подсел к ней самой, она поклялась обмудрить льстивого мошенника. Уж ему ли бы-ло тягаться с ней!

– Ты, Чурило, любишь только себя, – воркующим голосо-ком продолжала спор со вторым мошенником Светозара, дав ему для затравки поцеловать самый кончик своего длинно-го языка, – да, себя, себя! Ну, и может быть, своего дружка Чуденя! Весь Киев об этом знает.

– Выпей ещё, моя ненаглядная, – улещал негодницу по-таскун, взяв из рук второй прислужницы кубок, – вино от-кроет тебе глаза, и ты узришь истину! Вот посмотришь, как потеплеет сердце твоё жестокое, когда истина озарит тебя, словно молния! Ну, давай, давай, Светозарушка, приоткрой свои губки алые!

– Молния от края до края неба! – обрадовалась Евпрак-сия, подняв палец, – вот как начнётся, друзья мои, второе пришествие Иисуса Христа, который есть Истина! При чём здесь какие-то двойники, поп Серапион? Как ты смеешь врать?

Отхлебнув из кубка, глупая Светозара стала смеяться,

болтая ножками, ибо жулик запустил руку ей под подол. Слегка разомлела и Василиса, которую Чуденей совсем не греховно, а по-приятельски, целомудренно гладил своими тонкими пальцами по спине и что-то ей врал. Две девки кабацкие, сняв с неё башмачки и спрятавшись под столом, прутьями из веника щекотали её голые подошвы, изображая мух приставучих, чтобы любимица всей княжеской семьи сдуру не уснула и не была обворована. А она знай себе хихикала, упираясь в лавку локтями и блестя глазками!

– Ишь, разнежилась, – отвлеклась на неё Евпраксия, – поглядим, как ты заржёшь завтра, когда к Меланье в гости заявишься! Я говорю тебе точно, что твой отец подаст на тебя жалобу игуменье!

Утерев рукавом слюну, случайно потёкшую, Василиса Микулишна разразилась столь оглушительным смехом, что все встревожились за Меланью. Да уж, куда ей было против такой грозной хохотуньи!

– Ты ведь сама врала, что у Иисуса Христа есть двойник – языческий бог! – обрушился на Евпраксию бывший поп, осушив ковш браги и проводя рукой по усам, – да, перед кончиною Мира многие люди встретят своих двойников, потому что истина с ложью перемешаются, Беззаконник восторжествует, и двойники будут занимать не свои места! Грядёт царство Зверя, у которого одна голова как бы смертельно ранена, и другого Зверя, который имеет рану от меча, но жив!

– Они двойники? – спросил кто-то из угла. Но Серапион,

не ответив на этот очень даже закономерный вопрос, начал обвинять волхва в том, что тот своим беззаконием приближает кончину Мира. Угрюмый волхв заметил в ответ, что Серапион своим вяканьем приближает собственную кончину, а заодно напомнил ему о том, что всем христианам надлежит ждать прихода своего Господа с нетерпением. И поднялся многоголосый шум, ибо у обоих нашлись сторонники. Но довольно скоро все стихли, так как Евпраксия после пятой чаши вина приказала Хайму подать двух девок-свирельщиц – еврей держал и таких, но велела им не играть на дудочках, а соорудить умные рожи. Когда у них ничего не вышло, боярыня рассердилась и погнала их пинками. Никто не мог понять ничего.

– Что с тобой, кума? – пискнула премудрая Василиса, хихикая всё разнузданнее, поскольку у её девок всё получалось, – ты тронулась головой?

– Ничем я не тронулась, – оскорбилась княжеская племянница, – просто я задалась вопросом, можно ли из двух девочек сделать мальчика?

– Можно, можно, – проворковала преглупая Светозара, облизывая Чуриле нос и глаза, – однажды моя старшая сестра, у которой девки очень красивые, это сделала. После этого матушка её сразу отдала замуж!

Тут Василиса Микулишна ещё раз заржала, как дикая кобылица. От мёда ей стало весело. Сменив трапезную позу на совратительную и пятками оттолкнув своих щекотательниц,

у которых пошли уже в дело ногти, поскольку прутья сломались, она воскликнула:

– Светозара! Свиньи тебя учили так целоваться, душа моя! Чуденей! Ты можешь поцеловать меня, но чуть-чуть.

– Не смей! – запротестовала Евпраксия, – Василиса и Светозара, вы ещё девицы! Я несу полную ответственность перед Богом за вашу честь!

– Ты её уже принесла, – заметила Василиса, обняв рукой шею Чуденей, – и притом именно туда, куда следует! Так что, можешь с чистой душой нажираться дальше.

– Нет! Прекрати! Расстрига Серапион, скажи ей, что это грех!

Но Серапион опять обличал волхва. Евпраксия зарыдала. Когда Василиса и Чуденей начали обмениваться короткими поцелуями, а Чурило и Светозара прямо срослись жадными устами, в кабак негромко вошли те самые парни с девками, по вине которых он и считался лихим. Раскланявшись с барышнями, они вышвырнули за дверь Чурилу и Чуденей с их беспробудными бабами да ещё две дюжины дураков, а затем расселись, выпили браги и принялись советоваться с волхвом о своих делах. Кудесник что-то им плёл о звёздах на небесах и волшебных птицах на ветвях дуба, а захмелевший Серапион уличал всю эту компанию в беззаконии.

– Вот ты поп, а напился, – не выдержал атаман, – мы сейчас проткнём ножом тебе брюхо!

– Бойтесь не убивающих тело, но убивающих душу! – при-

крылся Серапион щитом Слова Божия, – я мгновенно попаду в Рай! А вот вы все будете ввержены, как плевелы, в неугасимую печь! Во веки веков! Аминь!

– Лучше бы его утопить в болоте, – подсказал волхв, – болотных утопленников Сварог превращает в жаб. Пускай на болоте квакает, пока уж его не сожрёт!

– Да вы двойники, – сказала Евпраксия и поспешно вышла из кабака. Две её подруги уже метались по улице, спрашивая у каждого встречного, не видал ли кто Чурилу и Чуденя. У Светозары Тукиевны пропали бусы жемчужные и сапфировые подвески височные вместе с ангельским золотым кольцом вокруг головы, а у мудрой дуры из слободы – золотые серьги, месяц и изумруд. Серьги подарил ей Ставер Годинович. Евпраксия их обеих назвала дурами, так как она сама лишилась только одной золотой серьги. Вторая осталась у неё в ухе благодаря Василисе, которая отвлекла на себя внимание Чуденя. Вот в каком бедственном состоянии трёх беглянок из храма нашли Меланья, пахарь Микула и старший брат Светозары, сотник Ратмир. Они их уже третий час искали по всем киевским кабакам и притонам. С Меланьей были две инокини, которых госпожа Янка дала ей в помощь на случай, если Евпраксия начнёт драку. Взглянув на мудрую свою дочь, которая выглядела плачевнее своих спутниц, Микула скрипнул зубами и попросил Меланью Путятишну разобраться с этой поганкой так же, как накануне разобралась она со своей старшей сестрой, ежели игуменья Янка не

будет против.

– Пускай сначала проспится, – дала ответ Меланья Пуत्याтишна, пристально поглядев в глаза Василисе Микулишне, – ну а завтра утром пришли её ко мне в терем, Микула Селянинович. Тётя Янка не будет против – я ведь вчера по её приказу ещё и младшей княжне дала неплохой урок! Ратмир мне не даст соврать.

– Будь великодушна, Меланья – и с этой тварью завтра, пожалуйста, разберись, – попросил Ратмир, указав на громко ревущую Светозару.

– Да мне нетрудно, Ратмир! Присылай. Разберусь и с ней. На том и договорились, после чего разошлись по своим домам. Евпраксию две монахини вели за руки через всё Подолие, а Меланья шла впереди.

Глава девятнадцатая

Микула Селянинович мог голыми руками вырвать из земли дерево, понести на плечах быка, задушить медведя. Один только Илья Муромец имел силу, сопоставимую с силой этого необычного пахаря. Но и он его опасался, ибо про пахаря говорили, что любит его Мать сыра земля. Всю свою сорокатрёхлетнюю жизнь Микула работал в поле и продавал мукку, однако на всей Руси его уважали так, что князья оказывали ему почёт больший, чем любому боярину. Две его весёлые дочери, подобно всем дочерям киевских бояр и купцов

с усадьбами, состояли под очень строгим надзором госпожи Янки. Узнав о последней выходке Василисы, она в понедельник утром сама приехала в дом Микулы, который лишь на словах был строг с дочерьми, да и пинком погнала к Меланье обеих. Настасья, на её взгляд, была виновата в том, что позволила Василисе выйти из храма вместе с Евпраксией. И пошли две сестрицы в Киев, чтобы принять наказание от противной ханжи Меланьи. Само собой разумеется, по пути пришлось Василисе выслушать от сестры немало приятных слов. Ответить ей было нечего, несмотря на всю бездну мудрости. А с другой стороны к терему Путяты со своим младшим братом плелась преглупая Светозара Тукиевна. Она отчаянно плакала. Хоть её саму до сих пор ещё не секли ни разу, чем не могла похвастаться Василиса Премудрая, ей не раз доводилось слышать, как режут девки под розгами, и хватало ума понять, что порка – вещь неприятная.

Ну а в этот же самый час к Северным воротам стольного города, удивляя людей посадских и встречных путников, приближались два чрезвычайно красивых всадника. Под одним был белый и рослый угорский конь с золотистой гривой, а под другим – не менее рослый, но вороной, текинский. Первого всадника звали Вольга Всеславьевич, а второго – Зелга Аюковна. Второй всадник уже сидел не на голой конской спине, а в мягком седле черкасском с подпругами из дублёной воловьей кожи, пришитыми нитью шёлковой, да тройной – не для красоты, а для крепости! Под черкас-

ским седлом был чепрак флорентийской выделки, а уздечка коня была вся со стразами. На самой же Зелге Аюковне были красные башмачки, ситцевая юбочка и батистовая рубашечка с позолоченными застёжками. Да, и бархатная зелёная шапочка с пером цапли! Всё это подарили Зелге Аюковне богатейшие любечские купцы, которые испугались одного взгляда Вольги Всеславьевича. От золота и камней драгоценных ханская дочь из скромности отказалась.

Вольга Всеславьевич торопился. А его спутница притворялась, что подустала от долгой скачки галопом. Когда они уже ехали по Киеву, привлекая тысячи взглядов, и впереди показался кабак Ираклия, ханша Зелга жалобно простонала, закатывая глаза:

– Ах, Вольга Всеславьевич, сил моих больше нет! Я утомлена и измучена. Давай спрыгнем с наших быстрых коней, привяжем их к коновязи да выпьем по чарке хмельного мёду под струнный звон!

– Да нет уж, давай доскачем, ханша моя черноокая, – предложил Вольга, – осталось-то нам немного!

Зелга привстала на стременах, оглядывая боярские терема, сиявшие золотыми маковками на трёх высоких горах за Торговой площадью.

– Да иди ты к дьяволу, бесноватый! Долго ещё скакать! Доскачи один, а я посижу полчасика у Ираклия.

– Хорошо, посиди, – согласился витязь и вновь дал шпоры коню. А Зелга Аюковна ловко спешила, привязала текин-

ского жеребца и вошла в кабак, чтоб всех изумить.

Нет, не просто так торопился Вольга Всеславьевич. Он хотел быть впереди слухов о возвращении его в Киев. Подъехав к ограде терема воеводы Путяты, Вольга в ворота стучать не стал. К чему терять время? Встав на коня ногами, он дотянулся до заострённых концов соснового частокола да и перемахнул на ту сторону. На его несчастье – то есть, конечно же, на своё, около конюшни стояли шесть молодых и сильных холопов. Вольга оброс бородой, узнать его было трудно. Решив, что это грабитель, холопы скопом набросились на него, чтоб его скрутить. Почти сразу к ним присоединились три здоровенных конюха, которые поспешили выбежать из конюшни. Через минуту все девятéro валялись со стонами на траве, сплёвывая зубы и кровь, а Вольга шёл к терему. Дверь последнего вдруг открылась, и на крыльце появился Ян. Ему уже было пора на службу. При виде статного, молодого бородача с разбитыми кулаками и целой груды холопов возле конюшни Ян понял всё.

– Вольга! – вскричал он, – ты что себе позволяешь? Как ты посмел ворваться на двор моего отца и измордовать его слуг?

– Не мог же я им позволить измордовать себя, – резонно заметил Вольга, – а ну, давай выводил Забаву Путятишну! Я слышал, что здесь над ней измываются.

– Защищайся! – бесстрашно выкрикнул Ян и бросился на богатыря, обнажая саблю. Вольга мгновенно вынул свою, и

клинки скрестились. Сабелька Яна в первое же мгновение была выбита из его руки, а её владелец, получив лёгкую оплеху, кубарем покатился до угла терема. И взошёл Вольга на крыльцо, вложив саблю в ножны. Когда он ввалился в дом, навстречу ему с двух разных сторон выскочили три до смерти перепуганные девчонки: из левого коридора – Прокуда с Дашкой, а из противоположного – Улька. Увидев богатыря, служанки Меланьи сделали вид, что лишились чувств, и со стоном грохнулись. А служанка Евпраксии закричала, всплеснув руками:

– Вольга Всеславьевич! Госпожа сидит взаперти, её будут сечь потом! Сейчас защити преглупую Светозару Тукиевну, премудрую Василису Микулишну и её сестрицу, Настасьюшку!

– Где они? – спросил богатырь.

– Да беги за мной, покажу!

С места перепрыгнув через притворщиц, бросились они влево по коридорчику. Свернув к трапезной, ещё издали услышали звонкий и тоненький голосок Василисы, которая восклицала с явным неудовольствием:

– Раз! Розга телу не вредит, а ум просветляет! Два! Розга благочестие укрепляет! Три! Розга гордыню смиряет!

Между этими странными восклицаниями был слышен очень спокойный и важный голос Меланьи. Что она говорила – Вольга и его попутчица не смогли разобрать за крепко прикрытой дверью, даже когда приблизились к ней вплотную.

– Что это с Василисой Микулишной? – прошептал Вольга, поглядев на Ульку.

– Это она поёт славословие розге, – сказала та, – её порют розгами!

– Что поёт?

– Да открой ты дверь! Меланью боишься, что ли?

Но нет, Вольга опасался кое-кого другого. Он понимал, что гордая и надменная Василиса Микулишна станет лютым его врагом, если он увидит, как её порют. Но как было не взглянуть? Он приоткрыл дверь. И – оторопел. Улька, встав на цыпочки, чтобы глянуть через его плечо, также удивилась. Да, Василису Микулишну, без штанов стоявшую задом к двери, наказывали. Но как! Вовсе и не розгой, а тем, что, казалось бы, вовсе не могло быть орудием экзекуции. Тем не менее, текла кровь. Её было много. А чем же во время этого страшного истязания занимались Настасья и Светозара? Они спокойно ели пирог, сидя за столом!

Всё это имело довольно яркую предысторию. Накануне Филипп, схваченный Меланьей возле дворца, решительно заявил, что он лучше сразу утопится, чем поссорится с дочерями Микулы. На вопрос Меланьи, что это значит, ученик лекаря объяснил, что если ему прикажут Настасью и Василису выпороть, он, конечно, сделает это, как уже делал не раз, но не во всю силу. Меланья стала хлестать его по щекам, но он стоял насмерть. Все слуги в тереме, от дворецкого до Вольца с цыплячьим его умишком, упёрлись так же. Что бы-

ло делать бедной Меланье? Самой трёх девок пороть? Боярское ли то дело? И не спала Меланья всю ночь, решая, как быть. Да и не решила.

Три провинившиеся явились во время завтрака. Ян, Прокуда и Дашка поспешно вышли из трапезной, потому что были они ничуть не глупее Вольца с Филиппом. Меланья же впала в бешенство. Взяв полено, лежавшее у печи, она начала лупить им трёх греховодниц, гоняя их по всей комнате. Визгу было, конечно, много. Ну а потом ещё появилась кровь. Она потекла из среднего пальца правой руки Меланьи – одна из дур умудрилась цапнуть его зубами и прокусить очень глубоко. Что это была за мудрая дура, Меланья сразу же поняла, хоть во время драки этот укус и не ощутила, и не заметила. И тут вдруг пришла ей на ум отличная мысль, как можно и выслужиться перед госпожой Янкой, и не поспориться с тремя девками, две из коих были опасными. Усадив гостей за стол, Меланья уселась в кресло и объявила, что Светозару с Настасьей она прощает, а Василиса Микулишна будет прямо сейчас наказана розгами. После этого заявления Светозара с настасьей сразу начали есть яблочный пирог, а третья особа побагровела, вскочила и подбежала к Меланье с криками:

– Это как? Это почему? Это с какой стати? Чем я их хуже?

– Премудрая Василиса Микулишна, я всегда поступаю по справедливости, – объяснила кровотокающая праведница, – преглупая Светозара Тукиевна глупа, а твоя сестра – ни при

чём. Со своей сестрой я разберусь позже, с тобой – сейчас. Получишь ты сорок розог. Снимай штаны, поворачивайся!

А около кресла, точно, лежали на полу розги. Их туда положила предусмотрительная Прокуда, хорошо знавшая госпожу. Скосив на них взгляд, премудрая Василиса сменила гнев на презрение.

– Да ты, сучка, хочешь всех нас поссорить, – гордо провозгласила она, подняв спереди рубашку и медленно распуская тесёмки юбки, – но я бы на твоём месте не рисковала!

– Сегодня мы разбираемся с твоим местом, – холодно возразила Меланья, – с каким, тебе уже ведомо. Штаны вниз!

Тогда Василиса мудро сменила презрение на задумчивость. Её глазки миленько заморгали, и всё лицо сделалось задумчивым дальше некуда. Покачав мудрой головой, она торопливо выпрыгнула из юбочки, оскорблённо сняла штаны и на каблучках повернулась носом к столу, пирог на котором стал вдвое меньше. Ещё обиднее было то, что он продолжал уменьшаться. Как можно выше задрав рубашку над голой задницей, Василиса Микулишна очень строго заметила:

– Ай, Меланья, все эти розги сделаны из лозы! Лозовые прутья знаешь как больно секут? Сбавь десяток розог!

– Я сбавлю пять, если ты мне скажешь, кому Евпраксия отдала золотые пуговицы с орлом двухголовым, – пообещала Меланья, стряхивая кровь с пальчика. Василиса от удивления повернула голову и уставилась ей в глаза.

– Меланья, откуда мне это знать? Честно, я понятия не имею!

– Да? Ну, тогда гляди, как эти две сволочи жрут пирог! Я не хочу видеть твоё лживое лицо. Пороть буду больно.

Мудрейшая из красавиц стала смотреть, как сволочи жрут пирог. А те на неё вовсе не смотрели. Ей стало грустно.

– Ну что, не вспомнила? – поинтересовалась Меланья, облизав палец, – гляди, ведь я тебя до крови буду сечь!

– Меланья, мне нечего вспоминать! – гневно разоралась Микулишна, глядя на уменьшающийся пирог, – Настасья, что ты молчишь? Скажи этой ненормальной, что мы в дела её взбалмошной сестры не суёмся!

– Вчера надо было думать мудрой своей башкой, а не этим местом, – досадливо оглядела Настасья свою старшую сестру под голым пупком, – я предупреждала, что тебя выпорют! Теперь стой, не скули. Четыре десятка розог ты заслужила.

– О, да, сполна! – поддакнула Светозара, затолкав в рот кусок пирога размером со свою глупость, – тебя накажут за дело!

– Госпожа Янка будет довольна, – пообещала Меланья, – всё, начинаю!

И – провела своим пострадавшим пальцем по голой заднице Василисы Премудрой, слева направо. Остался великолепный кровавый след. Совсем как от розги. Он протянулся поперёк щели, на самом широком месте задницы.

– Раз! – во всю глотку крикнула Василиса, сразу поняв

замысел Меланьи, – розга телу не вредит, а ум просветляет!

– Вот и отлично, – обрадовалась Меланья, – давно пора ему проясниться – трёх четвертей пирога уже, считай, нет! Ну, так у кого золотые пуговицы? Не вспомнила? Хорошо, получи опять!

И кровотокающий палец оставил ещё два следа, выше и ниже первого.

– Два! – взвизгнула красавица, закатив страдальческие глаза, – розга благочестие укрепляет! Три! Розга гордыню смиряет!

Меланья снова осведомилась, не освежилась ли память девицы-греховодницы. Но надменная Василиса Микулишна замотала гордой своей головой и сглотнула слёзы, мысленно посылая осатаневшую палачиху ко всем чертям.

– Четыре! – ныла она, когда любопытный Вольга чуть приоткрыл дверь, – розга от греховных мыслей освобождает! Пять! Розга почтение к старшим внушает! Шесть! Розга гнев несправедливый остужает!

– Дело идёт на лад, – кивнула Меланья, пососав палец, – готова ли ты признать, премудрая Василиса Микулишна, что твой гнев на меня несправедливым был?

– Готова, – сморщив от боли свой берендейский нос, ответила Василиса Микулишна, – ведь розга смирению учит!

Вольга бесшумно притворил дверь и потащил Ульку дальше по коридору.

– Идём, идём скорее к Евпраксии! Эти здесь без нас раз-

берутся.

– Семь! – в тот же миг раздалось за дверью, – розга от лениности избавляет! Восемь! Розга к правдивости приучает!

Евпраксия, между тем, быстро одевалась в маленькой комнатушке, где её заперли. Услыхав во дворе шум драки, она смекнула, что час свободы настал – подоспел Вольга. Но где же он, где? Почему он к ней не идёт, не ломает дверь? И вот, наконец, быстрые шаги! Сразу вслед за тем дубовая дверь страшно содрогнулась и затрещала. Евпраксия не могла представить, как Вольга сможет выломать эту дверь снаружи, если она открывается в коридор? Но в том, что он её выломает, никаких сомнений быть не могло. И он её выломал – так ударил по ней ногой, что она вся треснула пополам. От следующего удара она распалась.

– Вольга! – со слезами счастья заверещала Евпраксия, бросившись на шею богатырю, – Вольга, это ты! Ах, мой ненаглядный!

– Я тоже здесь! – прыгала от радости за спиной богатыря Улька, – моя прекрасная госпожа, мы тебя спасли!

Госпожа, конечно, не преминула расцеловать и её. А потом Вольга, как это обычно бывает в таких историях, подхватил любимую на руки и понёс её напрямиком к парадным дверям. Чувствуя немыслимую, ужасающую силу его рук и запах его молодого тела, Евпраксия расплывалась в такой блаженной улыбке, что семенившая то справа, то слева Улька над ней смеялась.

– Ах, госпожа! – пищала она, – вот визгу-то будет, если сестра твоя длинноносая с нами вдруг невзначай где-нибудь столкнётся! Вот будет буря так буря!

– Буря потом обрушится на тебя, если будешь с нами, – предупредила Евпраксия, – лучше спрячься, моя хорошая! Посиди с девчонками на поварне. Часика через два я сюда вернусь, и тогда тебе уже ничего не будет грозить.

Ульки моментально и след простыл.

– А где Зелга? – быстро спросила Евпраксия, вдруг действительно услышав за углом, к которому приближались, топот Меланьиных пяток и штук шести каблучков.

– Сидит в кабаке да хвастается без меры, – сказал Вольга и сразу остановился, так как Меланья, выскочив, преградила ему дорогу. Глаза белокурой праведницы, которая была ростом чуть-чуть ниже богатыря, смотрели в упор, да так, что будь на месте Вольги Алёша Попович, он бы Евпраксию уронил. За спиной Меланьи смешно кривлялись Настасья и Светозара. Кривлялась и Василиса Микулишна, но невесело. Вся румяная, она вздёргивала губу над ровными зубками и с шипением потирала ладонью мягкое место.

– Сёстры Микулишны! – радостно прокричала Евпраксия, обнимая двумя руками шею Вольги, – Светозара Тукиевна! А что вы здесь делаете, мои драгоценные? Вино пьёте с моей сестрицей?

– Именно так, – буркнула премудрая Василиса. Меланья же, овладев собой, холодно сказала:

– Вольга Всеславьевич, не посмеешь ты её увезти! Сам великий князь велел мне за ней следить до приезда батюшки!

– Значит, дура, не уследила, – бросил Вольга, – а ну-ка, быстро беги, открой нам ворота!

Тон его был таков, что Меланья сделала шаг назад. Но только один. Глаза её сузились.

– Ну а если не побегу? Что ты со мной сделаешь? Я ведь княжеская племянница!

– Дёрну за нос! Слишком он короток у тебя, паскуда.

Хорошо зная Вольгу, Меланья помчалась к воротам так, что пёс-волкодав, спавший возле них, проснулся от топота и едва успел отскочить. Он хорошо знал, когда просыпаться нужно, а когда – нет. Вольга и Евпраксия, поклонившись остальным девицам, пошли следом. То есть, пошёл, конечно, Вольга – Евпраксия только болтала ножками в воздухе. Сняв с ворот тяжёлый засов, Меланья раскрыла их во всю ширь. А когда Вольга подошёл, она улыбнулась ему.

– Ах, Вольга Всеславьевич! Ты – красавец! Но паразит.

– И ты паразитка, – слюбезничал богатырь, – а более ничего не могу добавить.

И Вольга свистом позвал своего коня. Тот примчался вмиг. Усадив Евпраксию впереди седла, Вольга в него сел, попросив Меланью подержать стремя. Потом он дал коню шпоры. Большой белый жеребец взял с места галопом, И за плечами всадника поднялось голубое корзно. Ещё красивее заструились на ветерке волосы Евпраксии, ярко-рыжие, как

огонь.

– Куда мы с тобой поедem, красотка? – спросил Вольга, – на кружечный двор, к Ираклию? Или к Хайму? Или на край Земли?

– Нет, – нежно улыбнулась Евпраксия, – отвези меня, мой дружок, в Печерскую лавру. Потом я зайду домой, как пообещала Ульке, и после этого мы с тобою поедem куда-нибудь.

Глава двадцатая

Оставив Евпраксию у большой горы над Днепром, Вольга поскакал в княжеский дворец, чтобы рассказать Мономаху о своей краткой поездке в Любеч. Гора была знаменита. На ней стоял среди сосен красивый каменный храм с тремя куполами. Внутри горы находились кельи и коридоры монастыря, известного всей Руси. В самой отдалённой, самой глубокой части обители, куда вёл извилистый коридор, были усыпальницы. Там, среди прочих славных людей, покоился родной дядя Яна, Евпраксии и Меланьи – суровый тысяцкий Ян Вышатич, умерший в очень преклонном возрасте.

Солнышко уже грело над самым Киевом. Воздух был неподвижен. В нём ощущалась плотная, влажная духота. Хоть небо жарко сияло от одного края до другого, не было ни малейших сомнений, что ближе к вечеру хлынет ливень с грозой. Подойдя к пещере, Евпраксия объяснила двум чернецам, охранявшим вход, что ей нужно к Нестору. Они зна-

ли, кто эта рыжая, и безмолвно посторонились.

Иеромонах Нестор, которому князь доверил запечатлеть всю историю земли Русской от времён Кия, Щека и Хорива, ещё затемно принял гонца из Суздаля. Тот привёз ему летописный свиток, который Нестор давно хотел получить, хоть не был уверен в том, что его следует включать в главный свод. И вот этот свиток был привезён. Иеромонах его просмотрел и отдал своим въедливым помощникам для детального изучения. Вскоре после утренней службы к нему приехал великий князь, притом не один, а с митрополитом и Ратибором. Они хотели узнать, что думает иеромонах о суздальском свитке. Нестор ответил:

– Он вызывает некоторые сомнения, государь. К примеру, в нём говорится, что Святослав в девятьсот шестьдесят девятом году привёл на Дунай триста тысяч воинов и войну Цимисхию проиграл.

– А разве это не так? – прошамкал беззубым ртом усталый и недовольный митрополит. Он не понимал, почему нельзя с радостью признать победу ромейских войск над язычником. Мономах, которому Святослав доводился никем иным, как прапрадедом, поглядел на митрополита с досадой.

– Во всяком случае, ни о каких трёхстах тысячах воинов даже речи идти не может! У Святослава было их десять тысяч. И после последней битвы под Доростолом Святослав отбыл на Русь с богатой добычей. Значит, война не была проиграна.

– Так и есть! – вскричал Ратибор. На том и договорились.

Когда высокие гости отбыли, к иеромонаху зашёл игумен Сильвестр. Он пригласил его в трапезную и там за столом поинтересовался, что нужно было гостям. Ответив на все его сто вопросов, Нестор поел постных щей, вернулся к себе и сел за работу по изучению других свитков. Но тут ему доложили, что его хочет видеть Евпраксия, дочь Путяты.

– Это ещё зачем? – сердито спросил иеромонах, – должно быть, опять подралась с сестрицей?

– Трудно сказать, – ответил чернец, – но она взволнована.

– Пригласи.

Когда Забава Путятишна вошла в келью, оставив дверь приоткрытой, чтоб было ей хоть маленьчко чем дышать, иеромонах зажёл вторую свечу на столе. Ему для работы хватало только одной, но он хотел видеть лицо Евпраксии. И оно, действительно, показалось ему взволнованным. Предложив молодой вдове присесть на скамью с другой стороны стола, заваленного пергаменами различной степени ветхости, летописец с шутливой строгостью проворчал:

– Опять отвлекла меня от работы! Ну так рассказывай, с чем пришла?

– Пришла с ерундой, – призналась Евпраксия, опустив глаза. Сами стены этого крохотного подземного обиталища, на которых мертвенно трепетали отблески восковых свечей, внушали ей страх перед бездной вечности. Но нельзя ведь шататься только по кабакам, заливая брагой этот туманный

страх! Он должен хоть слабо тлеть.

– С ерундой? – переспросил Нестор, пригладив бороду, – хорошо, послушаем ерунду. Это иногда поучительнее, чем слушать про то, как звёзды померкнут и солнце сделается луною.

– Так я об этом-то и желаю поговорить! – вскрикнула Евпраксия и опять смутилась, – то есть, не только об этом. И не совсем. Скажи, отец Нестор, ты слышал про двойников? Ну, что, дескать, есть у каждого человека двойник, который может прийти да и занять место этого человека?

– Серапиона наслушалась? – перебил иеромонах, – слушай его больше! Он уж совсем потерял рассудок от браги. Давно пора запереть его в монастырь, чтоб он там дрова коллол!

– Так ты в двойников не веришь? – не отставала Евпраксия, – говорят, что перед кончиной Мира многие люди встретят своих двойников!

Нестор равнодушно пожал плечами.

– Ну, перед кончиной Мира всё может быть – и ложные чудеса, и лживые предсказания, и фальшивые боги! Христос об этом предупреждал.

Евпраксия помолчала. Потом спросила:

– А у него самого может быть двойник? Двойник настоящий?

– У Иисуса Христа?

– Да, да!

– Нет, это немыслимо. Иисус – Господь, и он совершенен. И он есть Истина! Истина, как известно, только одна. Какой у неё может быть двойник? Истина есть истина!

Иеромонах говорил не слишком уверенно – вероятно, из-за того, что думал он о другом. Однако Евпраксия такой мысли даже не допускала. Она воскликнула:

– Добрый девственный пастушок, который не может смотреть на раздетых женщин, ибо он не приемлет греховных помыслов!

– И ещё при этом богом считается? – усмехнулся Нестор, – ты ведь про Леля?

– Да, про него.

Старый летописец пожал плечами, снял со свечи нагар.

– Ты правду сказала, всё это – ерунда. Так ты договоришься, дочь моя, до того, что двойник, который является к человеку – это и есть Господь!

Евпраксия вздрогнула.

– Почему это я должна прийти к такой мысли, святой отец?

– Потому, что Бог создал человека по своему образу и подобию. А ведь люди все разные! Может, и Господь многолик?

– Нет, нет! – с испугом взмахнула рукой Евпраксия, – это уж было бы чересчур!

Потом она очень долго молчала, глядя, как летописец перебирает свитки. И вдруг сказала:

– Святой отец! Господь обещал пощадить Содом ради де-

сяти праведников. А как ты считаешь – Господь Иисус Христос, придя уничтожить Мир, может передумать и пощадить его на какое-то время ради какого-нибудь количества праведников?

– Да, может, – твёрдо произнёс Нестор, подняв глаза на Евпраксию, – я уверен, что наш всемилостивый Господь щадил уже этот Мир ради одного праведника. Или одной праведницы. И думаю, что он ещё будет так поступать. И не один раз.

– Ради одной праведницы?

– Конечно. Его легко удивить. Это многократно отражено в Евангелиях.

Евпраксия почему-то зажмурилась, хотя свечи горели ровно. И вдруг, раскрыв широко глаза, она задала иеромонаху такой вопрос:

– А может ли праведница не верить?

– Этого я тебе не скажу, – вздохнул иеромонах после продолжительного молчания. По всей видимости, ответ дался ему трудно. Ещё некоторое время поразмышляв, он тихо прибавил: – Я думаю, что Господь, вдруг встретив такую праведницу, тем более не захочет уничтожать этот Мир, чтобы дать ей время уверовать и спастись! Спасение ведь даётся по вере. И Бог всё сделает для того, чтобы эта праведница уверовала.

– Уверовала? – растерянно повторила Евпраксия, стиснув пальцами лавку, чтобы от духоты не свалиться, – как?

– Господу виднее! А от себя могу сказать ещё лишь одно: мне бы очень хотелось увидеть такую праведницу.

– Неверующую?

– Да.

Евпраксия усмехнулась.

– Ах, отец Нестор! Но для чего? О чём бы ты её спрашивал?

– Ни о чём. Я бы просто сел около неё, взяв перо с пергаментом, и старательно записал, как выглядит эта праведница, не верящая в того, кто ради неё одной пощадил всю Землю! Разве Господь откажет мне в такой малости, если я помолюсь за это?

– Спасибо, святой отец! – сказала Евпраксия и вскочила. Ей нужно было на воздух, и она выбежала из кельи. Потом – из монастыря.

С востока шла туча. Она висела над степью и уже скоро должна была закрыть солнце. На пристани суетились сотни людей. Они торопливо перегружали тюки и ящики с кораблей на телеги, поскольку знали – когда дорогу до Золотых ворот размочит дождём, на ней и быки увязнут. Туча, тем временем, приближалась. Поднялся ветер, и Днепр вспенился волнами. Засверкали молнии с долгими и трескучими громовыми раскатами. Но Евпраксии не хотелось в Киев. Ей очень надо было побыть одной. Даже под дождём. Перебежав мост над Почайной, она устремилась к лесу возле большой горы – той самой горы, на которой полтора века назад красовал-

ся терем Роксаны. Евпраксия этот лес любила. Шла она к нему быстро. Но неожиданно из него ей навстречу выехал всадник. Это был смуглый и узкоглазый мальчик годов тринадцати. Он сидел на красивом сером коне. Всадник и Евпраксия поравнялись. Она узнала его.

– Ну что, всё-таки нашёл своего коня? – весело спросила вдова, – ого, какой конь! Где ты его взял?

– Украл, – был ответ. Евпраксия засмеялась и пошла далее, обнимая себя за локти. От ветра стало прохладно, и он нагнал уже страшный грозовой сумрак.

Остановила её петля, которая вдруг упала на плечи и затянулась, больно сдавив ей шею. И тут как раз хлынул дождь. Настоящий ливень. Евпраксия волоклась за конём по жидкой грязи, истошно вопя и изо всех сил стискивая пальцами аркан, как и Василиса Премудрая накануне. Но с новой жертвой мальчишка поступил более обдуманно: дав ей время схватить руками верёвку, бережно протащил через низкий мостик, быстрее – через холмы, и там осадил коня. Угрозами запугав Забаву Путятишну, он связал ей за спиной руки и помог встать.

– Да что тебе надо? – спрашивала Евпраксия, под дождём еле успевая бежать на привязи за проклятой серой скотиной, – ты хоть скажи, чего тебе надо?

– Чтоб ты не сдохла в пути, – ответил мальчишка, – иначе я за тебя не получу денег!

– Деньги? Ты хочешь денег? Я дам тебе много золота! От-

пусти меня! Слышишь, мальчик?

– Замолчи, дура, а то заткну тебе рот!

Так они достигли опушки. Там половчонок спешился и заставил своего серого коня лечь на землю. Евпраксии он велел подойти и возле коня встать на четвереньки. При этом показал нож, грозя перерезать горло, если не подчинится или промедлит. Боярыня подчинилась. Куда ей было деваться? Сняв с её шеи аркан, мальчишка его раз пять обмотал вокруг её талии, завязал и накрепко приторочил беспомощную вдову к седлу. Когда конь поднялся, похищенная красавица закачалась, повиснув на его правом боку – ногами и головой вниз, задом кверху. Она даже не могла толком пошевелиться. Ей было больно, страшно и стыдно. Опять вскочив на коня, мальчишка его погнал через дикий лес по узенькой просеке.

– Кто тебе приказал похитить меня? – спросила Евпраксия, чувствуя, как верёвка трёт ей живот, – патрикий Михаил Склир? Куда ты меня везёшь? Говори, сучонок!

– Молчать! – прикрикнул мальчишка и больно стукнул вдову по затылку пяткой. Пленница замолчала. Узкая просека потихонечку отклонялась к югу. А дождь всё лил. Листья на деревьях давно уже распустились. Они шептались так грустно, что у Евпраксии ныло сердце. Конь скакал то галопом, то крупной рысью. Гордо сидел на нём половчонок. Ещё бы! Ведь у него в тороках висела очень красивая, очень знатная и богатая женщина. И как ловко поймал он её петлёй

прямо возле Киева! И при этом не покалечил. После истории с Василисой Ахмед ему надавал тумачков за неосторожность. И поделом – голова красавицы чудом лишь не была оторвана! А Забава Путятишна молча плакала. Несомненно, она могла бы одной затрешиной свалить наземь этого половчонка! Но он подвесил её к седлу, как связанную овцу, и куда-то вёз. Уж не во дворец ли Змея Горыныча, на гору Сорочинскую?

Глава двадцать первая

Зелга врала в кабаке про всякие свои подвиги двум известным богатырям, Алёше Поповичу и Михайле Казаринову. Те, ясное дело, старательно восторгались и целовали её в уста. Ещё с ними пили три совсем молодых княжеских дружинника – Ростислав, Андрей, Елисей. Также Зелгу слушали и поили какие-то жиганистые купцы из Тмутаракани и из Богемии, куда больше похожие на разбойников с Херсонесского шляха. Был ещё в кабаке лихой новгородский гуслиар Садко, красивый и статный молодец. Как и Ставер Гоудинович из Чернигова, он мотался по всей Руси и всех веселил умелой своей игрой. И Зелга Аюковна танцевала под его гусли, и громко топала каблучками сафьяновых башмачков – на радость всем добрым молодцам да на зависть кабацким девкам, которые до морозов бегали босиком. Радовался выходкам ханской дочери и Ираклий, ибо по Киеву слухи бежали

скоренько, и желающих поглядеть на Зелгу Аюковну приходило с каждой минутой больше и больше. Всякий хотел с ней выпить и закусить, так что золото-серебро уже просто текло рекой. А когда по крыше ударил проливной дождь, в кабаке и вовсе сделалось тесно.

– Ещё на меня в пути напали дюжины две разбойников, – врала Зелга, сняв свои башмачки и отдав их девке, которая поднесла ей очередную чашу вина, – но я их всех порубила! Каждого иссекла на сорок восемь частей!

– Да чем? – ласково спросил Михайло Казаринов, – разве у тебя была с собой сабля, душа моя?

– С собой не было ничего! Но возле дороги валялась какая-то совсем ржавая сабля. Я её подняла, и – давай рубиться! Кабы не эта сабля, была бы мне от разбойников сразу смерть!

– Да и всему Киеву, – присовокупил Алёша Попович под общий хохот, – кабы не Зелга, все бы от скуки сдохли!

На этом веселье кончилось, потому что в кабак пришла весть о том, что Евпраксию, старшую дочь Путяты, менее часа назад похитили за Почайной, возле Роксаниной горы. Купцы, проезжавшие берегом Днепра, видели, как мальчишка на рослом сером коне поймал её на аркан и утащил к лесу волоком.

Эта новость сразила всех. Двести человек, мигом протрезвев, безмолвно уставились на девчонку, которая проорала её с порога на весь кабак. Окончив рассказ, она заревела, мок-

рой рукой утирая слёзы. С неё ручьями текла вода.

– Не брешешь ли ты? – вскричал Михайло Казаринов, поднимаясь с лавки, – не путаешь? Точно ли то была Забава Пуत्याтишна?

– Точно, точно, – всхлипывала девчонка, – купцов этих было шестеро, да со слугами! Все они очень хорошо её знают! Уже пол-Киева говорит об этом, Михайло!

Тут весь кабак взволнованно загудел. И, чёрт побери, событие того стоило! Пока бледный Михайло пытался что-то сообразить, а Зелга сидела, будто ударенная бревном, к девке подбежал Алёша Попович.

– К какому лесу он её поволок? Говори! Там с трёх сторон лес!

– За рощицы, за холмы, за поле широкое! Ой, Алёша Леонтьевич! Ради Бога, скачи туда!

– Да не верещи, дура! Это то поле, которое близ Почайны?
– Да!

Медлить было нечего. Два могучих богатыря и три молодых дружинника устремились к своим коням, чтоб как можно глубже прочесать лес за проклятым полем возле Почайны. Зелге Алёша велел скакать к Владимиру Мономаху, так как вполне могло оказаться, что тот ещё ничего не знает о похищении.

Дождь лил страшный. Босая Зелга в зелёной бархатной шапочке с пером цапли изо всех сил молотила пятками по бокам коня и истошно выла по-половецки, чтоб все от неё

шарахались. Пролетев под навесом ворот дворца, она чуть не сшиблась с Вольгой Всеславьевичем, который во весь опор скакал на белом коне в противоположную сторону. За ним мчались десять его ребят.

– Вольга, ты куда? – прокричала Зелга, даже не оборачиваясь.

– В Смоленск! – ответил ей богатырь уже из далёкого далека. Зелга поняла, что великий князь в самом деле ещё не осведомлён о страшной беде. Какая же была глупость одну секунду назад не крикнуть Вольге вдогонку: «Остановись, погоди!» Теперь до него уж не докричишься, и не догонишь его без шпор! Всё, время упущено!

Отроки с алебардами, неподвижно стоявшие на дворцовых ступенях, хорошо знали Зелгу. Когда она, соскочив с коня, панически ринулась во дворец, они ни одного слова ей не сказали, так как по одуревшим глазам её было видно, что дорог ей каждый миг.

– Где великий князь? – спросила она у каких-то воинов и боярынь, мило болтавших около лестницы на второй этаж.

– На совете, – ласково улыбнулась ей двадцатитрёхлетняя воеводская вдова Марфа, приятельница Евпраксии, – ой, какая милая шапочка! Что случилось, моя красавица? Ты бледна!

Зелга объяснила двумя словами, даже не замедляя своего бега вверх по ступеням лестницы. Молодая боярыня громко ахнула, и её собеседники также чуть не упали. Точно такой

же ответ дала Зелга самой игуменье Янке и княжне Насте. Они ей встретились на пути.

– Да ты погоди, я с тобой! – вскричала игуменья, резво бросившись ей вдогонку, – отроки без меня тебя не пропустят, от тебя пахнет вином!

– Быстрее, быстрее, госпожа Янка! – подпрыгивала на месте Зелга, как будто каменный пол под её ногами был раскалён. При этом она следила за княжной Настей. Та устремилась к дверям дворца – конечно же, для того, чтобы подняться на ноги, взбаламутить, ошеломить, увлечь за собою весь верхний Киев.

Наперегонки добежав до гридницы, у которой стояли более строгие отроки, чем внизу, монахиня и рабыня сами открыли двери и ворвались на совет.

Великий киевский князь, сидя на золотом троне своих предков, уже часа полтора говорил с дружиной о самых разных делах. Обсуждались планы по укреплению городов, по освобождению караванных путей от разбойников. Был отправлен к смоленскому воеводе Вольга Всеславьевич, потому что Смоленск перестал справляться с лихими шайками. И теперь Мономах внимательно слушал сотника Ратшу, который ему докладывал, что творится на дальних степных заставах. Все остальные тысяцкие и сотники также слушали, чинно сидя на длинных дубовых лавках, стоявших вдоль белых стен. Две женщины оборвали Ратшу на полуслове.

– Да говорите поодиночке! – крикнул им князь Влади-

мир, когда они, подбежав, так застрекотали своими длинными языками, что ничего невозможно было понять, – сначала говори ты, дочь Аюка... забыл, как тебя зовут!

– Зелга, Зелга, – нетерпеливо напомнила мать игуменья, будто Зелга сама не могла представиться. А та взвыла, больно царапнув себя по щекам ногтями:

– Похищена госпожа!

– Твоя госпожа? Евпраксия?

– Да, Евпраксия! Час назад поймали её арканом возле Почайны и утащили в лес! Мальчик-половчанин на рослом сером коне всё это проделал! След ещё не остыл! Отправляй погоню, великий князь!

Дружинники встали с мест. Лицо Мономаха только слегка напряглось. Стискивая пальцами подлокотники своего престола, он поглядел на сестру.

– Что знаешь об этом, Янка?

– Надо бы опросить свидетелей, братец, – пробормотала игуменья. Больше ей сказать было нечего, потому что она ни черта не знала. И не успела начать осыпаться со стен побелка от грозных криков дружины, как двери гридницы вновь открылись, и вбежал отрок, вымокший от дождя. Приблизившись к Мономаху, он с заиканием простонал:

– Беда, государь! Многие свидетели видели, как какой-то всадник около Северных ворот напал на твою племянницу – дочь Путяты, Забаву! Она утащена в лес за прибрежным полем! По Киеву идут слухи всякие нехорошие!

– Не Забава её зовут, – с внезапным ледяным бешенством бросил князь. Засверкав глазами на молодых воевод, он возвысил голос: – Фома! Войтишиц! Касьян! Что встали, как пни? Снарядить погоню! Вольга уже ускакал?

– Уже ускакал, умчался быстрее ветра! – с отчаянием сообщила Зелга, всё же отметив, что воеводы бросились исполнять приказ с отменной быстротою, а вслед за ними ринулись сотники, – да, его уже не догнать! Как же без него теперь обойтись?

– Ратибор, тащи ко мне всех свидетелей! – продолжал приказывать князь среди оглушительной суеты, – Мирослав! Прознай, что творится в Киеве. Вельямин! Отправляй разъезды на все дороги, на все заставы – гонцов! И в Царьград гонца!

– Государь, дозволю прочесать подворья, – дерзко подступил к князю Ратмир, когда престарелые воеводы также засуетились и поспешили к дверям. Княжна Янка плакала, утирая слёзы платочком. Но всем, конечно, было не до неё. Со всем не ко времени инокиня устроила перед князем потоп, опять вспоминая свою и его сестру, которую тоже звали Евпраксией. Жизнь той Евпраксии была страшной и очень рано оборвалась.

Затею Ратмира вполне решительно поддержали десять молодых сотников, задержавшихся в гриднице. Мономах взглянул на них мрачно, вставая с трона.

– Подворья? Ну, и какие подворья вам интересны?

– Прежде всего, подворье митрополита, – сказал Демьян, – очень нам охота туда заехать. Слышали мы, что хитрый патрикий там кого только не привечает!

– Половцев, например, – холодно прибавил Ратмир.

Зелга не услышала, что сказал на это великий князь. Она уже выходила с плотной толпой дружинников и бояр, подавленных страшной новостью. Да уж, Евпраксию все любили! А Зелга – больше других. Но всё же поплакать она решила потом, сейчас нужно было срочно заняться более обязательными делами. Прежде всего – поиском ночлега. Домой сейчас возвращаться было никак нельзя. Да, без госпожи там придётся туго! Там только Улька дружна с ней, с Зелгой, а от рабыни какая будет защита такой же точно рабыне? Улька наверняка сейчас бьют саму, притом смертным боем! Куда же было податься несчастной маленькой половчанке, сдурившей свои последние башмачки? И решила Зелга поехать к сёстрам Микулишнам, чтоб у них переночевать. Выйдя из дворца, она села на коня, надвинула шапочку на вспотевший от беготни и тревоги лоб, да и поскакала.

За Днепром небо уже очистилось. Но над правобережьем дождь ещё продолжался, закат скрывался за тучами. Проезжая по улицам, Зелга видела непривычную суету. К Ляшским, Золотым, Жидовским воротам спешили всадники, а на лицах прочих людей, которые собирались большими группами и негромко общались между собой прямо под дождём, читалось смятение. Это же выражение на всех лицах

можно было заметить и за воротами, и на пристани. Все как будто ждали чего-то страшного.

Но предместье жило по-прежнему. На дворе Микулы обе его служанки кормили кур под навесом между избой и птичником.

– Вы слышали новость? – спросила девушек половчанка, въехав в ворота, которые ей открыла одна из них.

– Про твою Евпраксию? – усмехнулась вторая, – как же, слышали! Она сама всё это устроила, захотела провести время с любовником!

Первая, запирая ворота, с ней согласилась, да что-то ещё от себя добавила. Зелга спешила. Приказав двум дурам дать вороному торбу овса, она поднялась на крыльцо, миновала сени и вошла в зимнюю половину.

Настасья и Василиса сидели в сосредоточенном состоянии за столом, под иконостасной лампадой. Василиса учила свою сестру играть в шахматы заморские. Богатырь Микула пёк пироги в огромной печи. Этим он всегда занимался сам, и все его выпечки были самыми вкусными на Руси.

– Потерпи маленько, – сказал он Зелге, когда уселась она с голодным лицом за стол, – дай тесту поспеть! Пироги должны быть румяными, будто солнышко. Даром, что ли, колосья к нему тянулись?

– Да, да, и пышными, – подсказала мудрая Василиса, отвоевав у сестрицы пешку, а с Зелги сняв её шапочку, чтоб примерить, – как Акулина! Женился бы на ней, батюшка!

Сколько можно печь пироги, похожие на неё? Я уже хочу поесть кренделей, похожих на младшую дочь Путяты!

Настасья, глядя на доску, сердито цокнула языком – дескать, нашла время для глупых шуточек! Богатырь Микула молча вздохнул. Акулиной звали одну из двух глупых девок, кормивших кур во дворе. Вскоре они обе явились. И, к счастью, сразу ушли, чтоб ужинать в горнице за сеньями. Та самая Акулина приволокла из погреба квас в деревянном жбане, вторая – студень.

– Сдавайся, Настенька! – заорала мудрая Василиса, взяв у сестры ферзя, – я ведь как-то раз играла с князем Владимиром. Он неплохо играет, но я один раз пошла, и другой пошла, а пятый пошла – князю шах и мат, да и шахматы долой!

– Наглое враньё, – сказала Настасья, загородив своего короля ладьёй, – играли вы целый день, и князь под конец тебя пожалел – предложил ничью, хотя ты была уж загнана в угол!

Тут подоспели и пироги. Заморские шахматы отложили, начали ужинать. Прежде чем присоединиться к Зелге и дочерям, Микула Селянинович парочку пирогов отнёс девкам, в горницу. Потом сел. Зелга набивала свой белозубый ротик за шестерых. Глаза её были лютыми.

– Что слышать? – спросил у неё Микула Селянинович, недовольно косясь на двух дочерей, которые ели вовсе как свиньи, – ты ведь была во дворце?

– Была, – пробубнила ханша, звероподобно сжирая сразу два пирога, с грибами и с рыбой, – пока великий князь Мо-

номах всё делает правильно: разослал погони во все концы, гонцов во все города! Да только всё это без толку.

Богатырь и две его дочки переглянулись.

– А почему ты так полагаешь, Зелга? – осведомилась Настасья.

– По двум причинам. Во-первых, на Руси куда легче прятаться, чем ловить. Ну, а во-вторых – мне ли не знать половцев? Это очень хитрые твари.

– Так ведь и князь – не глупец!

С этим утверждением Зелга спорить не стала. Тут из её дурных, диковатых глаз вдруг потекли слёзы. Она не хныкала, она ела. Но слёзы прямо лились по смуглым щекам отчаянной половчанки. Настасья и Василиса в зелёной бархатной шапочке с пером цапли принялись, как могли, её утешать. И сами не выдержали, расплакались. Ведь Евпраксия уже много лет была их самой любимой, лучшей подругой!

– Да хватит вам! – прикрикнул на них Микула, – ни половцы, ни разбойники ничего дурного с ней не посмеют сделать! Они потребуют выкуп. Великий князь им заплатит выкуп, и всё.

– О, если бы речь шла только о выкупе, то моя душа была бы спокойна! – пискнула Зелга, набив свой рот холодцом, – однако, боюсь, всё гораздо хуже! Во много раз!

Тут она от жадности подавилась и стала кашлять. Настасья и Василиса начали хлопать её по спине и не подпускать к ней отца, который однажды так хлопнул по спине лошадь,

что та скопытилась. Когда всё у Зелги встало на место, ей дали квасу. Дождик, тем временем, совсем кончился.

– Бедный наш Даниил, – вздохнула Настасья, бросая взгляд за окно, где было уже темно и туманный Днепр струился за огородом под светом звёзд, – уж лучше бы он и не приезжал назад из Чернигова. Он ведь так сильно любит свою Евпраксию! И она его любит.

– Да? – только и промолвила Василиса Микулишна, очень мудро прищурившись на сестру. И та покраснела.

Где-то возле Днепра с голодной тоской завывала собака. Всем её стало жалко. Премудрая Василиса даже решила ей отнести холодец, но только попозже.

– Мне негде жить, – произнесла Зелга, выпив весь квас из ковша, – можно я у вас заночую?

– Да оставайся у нас совсем, – предложил Микула, переглянувшись с дочками, – тебе нечего делать рядом с Меланьей! Евпраксия нас похвалит, когда вернётся. Она ведь знает, как мы тебя сильно любим! Ты будешь мне третьей дочкой.

От этих слов Зелга покраснела ещё сильнее Настасьи. Видя смущение половчанки, обе сестры бросились её целовать. Они были счастливы, что у них теперь есть младшая сестрица, которой можно будет доверить уход за свиньёй, короной, новорождённым телёнком и поросёнком. Потом, нарадовавшись, все смолкли. Ночь за окном была очень страшная. И тревожная. Стонал ветер и подползал к предместью

туман. Премудрая Василиса в зелёной бархатной шапочке с пером цапли всё-таки вышла покормить пса холодцом. Вернувшись, она сказала, что такой ночи ещё ни разу не видела.

Во второй половине ночи по всем предместьям прошлись княжеские отроки. Им велели обследовать каждый дом, каждое строение, каждый погреб, проверить все корабли на пристани. Тем не менее, двор Микулы Селяниновича дружинники обошли стороной.

Глава двадцать вторая

Великий киевский князь с его многочисленным окружением не сомкнули глаз в эту ночь, как и почти все киевляне, прознавшие о беде. Во все города Руси скакали гонцы. Тысячи дружинников и охотников разбрелись по лесным да степным дорогам, отыскивая Евпраксию. Мономах говорил с купцами, видевшими её похищение. Говорил с летописцем Нестором, принимавшим её буквально за полчаса до этого страшного происшествия. Говорил с Меланьей и Яном. Брат и сестра, конечно, винили во всём Вольгу. Но было понятно, что удалец виновен лишь в том, что избил холопов, уронил Яна, выломал дверь и забрал Евпраксию у Меланьи – ведь сразу же после этого он отвёз Забаву Путятишну прямо к Нестору и немедленно ускакал во дворец, а потом – в Смоленск.

Гонцы прибывали к князю каждые полчаса. Хороших но-

востей не было. Вскоре после полуночи к нему в башенную часовню, где он, как правило, принимал послов и бояр с докладами, поднялись Алёша Попович и Михайло Казаринов. Их, конечно, впустили сразу же, как начавших поиски первыми.

Небольшая часовня, точнее сказать – молельня, внутри имела полки для книг, сундуки для свитков и для печатей, стол, пару кресел и лавку узкую под иконами. Мономах сидел за столом рядом с сестрой Янкой, устало подперев голову жилистыми и крепкими, несмотря на возраст, руками. Две его дочери удручённо шептались возле оконца. Средняя дочь, Евфимия, с Рождества околачивалась по польским монастырям, чтобы изучить особенности латинской веры. Бояре Чудин и Тука скорбно сидели в углу под иконостасом. Все остальные были при деле.

– Что у вас, молодцы? – спросил Мономах Михайлу с Алёшей. Первый почтительно положил на стол ситцевый карманный платок, весь мокрый и грязный.

– Её ли это платок, государь?

– Кажется, не видел я у неё такого платка, – проговорил князь, взяв тряпицу и поднеся её к нескольким свечам, горевшим в серебряном канделябре на середине стола, – не припомнишь, Янка?

– Меланью надо спросить, – сказала игуменья, утерев рукавом слезинку, – а лучше – Зелгу и Ульку. Или Микулишен. Где вы этот платок нашли?

Михайло ответил, что на опушке леса, за большим полем возле Почайны.

– Следов там никаких нет, – прибавил Алёша, – да это неудивительно, дождь лил сильный и долгий! Там начинается просека через лес. Я по ней галопом скакал до захода солнца, минуя все ответвления, а Михайло и трое отроков по другим тропинкам продвинулись вёрст на десять в лесные дебри. Но никого не увидели.

– Безусловно, это её платок, – довольно уверенно заявила княжна Марица, вместе с сестрой подойдя к столу, – носила она его в нагрудном карманчике сарафана. Как он мог выпасть, если её на этой лесной опушке за ноги к дереву не подвесили?

– Да зачем с ней было это проделывать? – удивилась Настенька, – ведь такое могло прийти на ум лишь Меланье, и то в отдельные дни! Тётушка, ты знаешь, что эта дрянь в субботу со мной устроила, исполняя твоё мудрейшее приказание? До сих пор жопа не расклеилась!

Положив платочек на стол, князь довольно резко велел своим дочерям не городить вздор, а госпожа Янка строго предупредила Настю, что это было ещё не всё. Вернувшись к окну, княжны снова зашептались. Тут отроки доложили Владимиру Мономаху, что его хочет видеть патрикий Михаил Склир. Князь распорядился впустить, при этом дав знак двум богатырям немного посторониться. Те отошли от стола на пару шагов.

Патрикий был бледен, слегка даже суетлив от искренне-го волнения и застѣгнут не на все пуговицы, что вовсе считалось недопустимым. Но поклонился он безупречно, и все слова ободрения прозвучали из его уст с правильными нотками. Вслед за тем царедворец сразу перешёл к делу.

– Великий князь! – вскричал он, – я осознаю громадность беды, постигшей твою семью, и полностью разделяю твоё волнение. Но нельзя ли, мудрый архонт, остановить обыск в доме митрополита? Ради всего святого, скажи своим воеводам, что это просто невысказано – подвергать главу русской Церкви такому жуткому потрясению, да тем более поздней ночью! Прошу у тебя прощения, государь, за несвоевременность моего ходатайства, но у митрополита большое сердце!

– Угу, – только и сказал Мономах. После этого он почти целую минуту молчал, меняя свечу. Затем, отирая пальцы платком Евпраксии, с удивлением оглядел Михаила с ног до макушки, будто впервые видел его, – патрикий, ты что-то путаешь! Обыска никакого нет. Я просто велел Ратмиру с Демьяном пройтись по митрополичьим владениям и проверить, не затаились ли там, втайне от святого митрополита и от тебя, какие-нибудь разбойники? Половцы, например? Ну а если их уже след простыл, то узнать, что они там делали и когда оттуда исчезли!

– Я правильно понимаю, что речь идёт о мальчишках? – сразу спросил патрикий. Будучи человеком опытным, он не мог не предугадать заранее, каким будет его сегодняшней

разговор с Мономахом ввиду сложившихся обстоятельств, вплоть до деталей. А князю, ясное дело, было не до того, чтобы расставлять тонкие силки. И он сказал сразу:

– Да, о мальчишках. Ты, разумеется, знаешь, что половчонок похитил мою племянницу. Так изволь объяснить, что делали половчата много недель подряд на митрополичьем подворье?

– О, гнусный, безбожный турок!

Михаил Склир столько репетировал эту реплику с жестом ужаса от внезапного озарения, что она ему опостылела. И теперь его подавляло чувство, что надоела она также и всем тем, кто слушал его сейчас. Но всё-таки нужно было продолжить чуть более твёрдым голосом, будто сразу взяв себя в руки. Патрикий так и продолжил:

– Великий князь! Клянусь, я не знал, что именно половецкий мальчик как-то причастен к исчезновению госпожи Евпраксии, у которой я имел честь просить снисхождения к нежным мукам моего сердца! Но вот теперь...

– Теперь отвечай, – прервал князь Владимир, делая над собой усилие, потому что ему совсем не хотелось слушать этого человека с бледным лицом, – какие дела были у тебя с половчатами?

– Бог свидетель, не у меня! Мой слуга Ахмед у них покупал лошадей! Потом он их, кажется, перепродавал кому-то. Да, я ему не мешал дружить с этими мальчишками и иметь от них какую-то выгоду, потому что он – мой верный слуга!

Если бы не он, я уже сто раз был бы мёртв! Но я ведь не знал...

– И ты не догадывался о том, что лошади эти – краденые? – опять перебил Мономах, – разве ты глупец?

– Ахмед меня уверял, что они все дикие, пойманные арканом в степи! Тебе ведь известно, великий князь, что кочевники, даже ещё маленькие, владеют арканом со сверхъестественным мастерством!

Игуменья Янка закрыла лицо руками. Её властительный брат стиснул кулаки.

– Мне это известно. Говори дальше.

– О, благородный архонт! Я не так давно стал подозревать, что мой глупый раб влюблён в госпожу Евпраксию! И теперь выходит, что я был прав. Этот необузданный человек распался так, что даже посмел напасть на твоего воина, Даниила, ибо ему показалось, что госпожа Евпраксия благосклонна к этому юноше! Мне же он потом клялся, что, мол, отстаивал госпожу Евпраксию для меня. Я тогда поверил ему. Глупец! А два дня назад он исчез. Меня обмануло то, что он отлучался порой и раньше. Но на сей раз вместе с ним исчезли и все его половчата! А вот теперь исчезла и госпожа Евпраксия. О, всемилостивый Господь! Где были мои глаза? И где был мой разум? Разве мне было трудно не допустить всего этого?

Замолчав, патрикий провёл ладонью по лбу. На его щеках отчётливо проступили красные пятна. Все на него смотрели

долго и пристально. Сестра князя не отрывала рук от лица. Но она глядела сквозь пальцы.

– У тебя всё? – поинтересовался князь.

– Да, больше мне сказать нечего, – был ответ с коротким смешком отчаяния, утолить которое, безусловно, могла лишь кровь, – остаётся действовать!

Мономах спокойно кивнул.

– Вот иди и действуй, патрикий. Но только знай, что от твоих действий будет зависеть многое.

Взгляд патрикия состоял только из огня, как и полагается человеку, который идёт на смерть. Низко поклонившись, Михаил вышел.

Игуменья Янка Всеволодовна тотчас опустила руки. Долго молчали. Сняв со свечи нагар, Мономах взглянул на Туку и Чудина.

– Вы что думаете, бояре?

Оба степенно зашевелились, будто проснувшись.

– Всё может быть, – пробормотал Тука. Чудин глубоко-мысленно подтвердил:

– Господь один знает, что на уме у всех этих нехристей, коих даже и покрестили! Нам, христианам, их разгадать мудрено.

– Я думаю, что он лжёт, – произнесла Янка, – кабы его турчин разгорелся к нашей Евпраксии лютой страстью, он бы её заграбастал сам, своими руками, а не руками какого-то половчонка! Тебе разве так не кажется, братец?

– Возможно, ты и права, – проговорил князь, – а может быть, нет. Ведь такие люди, столкнувшись с увесистым кулаком, становятся осторожными. А у нашего Даниила очень тяжёлые кулаки! Один лишь Вольга его одолеет в драке.

Услышав эти слова, Алёша Попович стиснул свои пудовые кулачищи. Сердце его молодецкое до краёв обидой наполнилось и неистово закипело праведным гневом.

– Князь! – вскричал он, – что стоило Даниилу взять да и придушить этого Ахмеда, когда он дрался с ним? А теперь вот из-за его глупой доброты страдаем мы все! И можем Евпраксию потерять!

– Да я бы на его месте этому идолищу поганому просто взял бы да оторвал башку, – присовокупил Михайло, – а Даниил ему оторвал золотые пуговицы! Загадочно, непонятно и удивительно поступил мой друг Даниил.

– С этим не поспоришь, – задумался Мономах. Однако же спор мгновенно возник, притом весьма бурный. Сестра и две дочери князя с яростным целомудрием защищали бедного Даниила, а два боярина и два воина – без малейшей зависти, разумеется, а единственно только из ненасытности к справедливости во всю глотку орали, что гусяра следует отправить на службу в Полоцк или Плесков.

– Да вы обезумели! – рассердилась госпожа Янка, – он – сын Мамелфы, лучшей моей подруги! Я вас самих отправлю прямо сейчас на Ладогу! Или в Тмутаракань! Как у вас хватило бесстыдства при мне говорить такое?

– И где вы ещё найдёте такого славного гусяра? – визжала Марица, – с прочими гусярами на пиру скука, они как волки голодные в поле воют! Это не гусяры, не песельники, Алёшенька! А вот наш кудрявенький Даниил...

– Да, и синеглазенький! – неожиданно зарыдала Настенька, – я убью тебя за него, Алёшка! Убью!

Вскоре Мономах погнал из часовни всех и приказал отрокам не впускать к нему никого ни под каким видом, кроме Евпраксии и гонцов с важными известиями. Ему нужно было остаться наедине со своей печалью. Лишь на одно мгновение задержавшись перед иконостасом, великий князь подошёл к окну и начал молиться. При этом он глядел не на купола киевских церквей под яркой луной, а гораздо выше – на звёзды, мерцавшие за прозрачным туманным саваном. И молился великий князь до утра.

А перед зарёй, когда ещё тишина стояла по всему Киеву, из Чернигова прискакал, едва не загнав коня, Даниил. По пути он встретил гонца. От дозорных отроков, отворивших ему ворота, он узнал дополнительные подробности о случившемся. Также они сказали ему, что в полдень начнётся совет дружины, и намекнули, что там его будут ждать с большим нетерпением. Но, приехав домой, Даниил лёг спать, потому что он проскакал без отдыха полтораста вёрст по размытой, вязкой степной дороге.

Слуга его разбудил, как он и велел, через шесть часов. За завтраком матушка рассказала Даниле всё, что было извест-

но ей. А знала вдова Мамелфа немало – её служанки уже прошлись по торгам, прислушиваясь к народной молве, да и во дворце имелись подруженьки.

– Если этот самый Ахмед похитил Евпраксию, то придётся тебе, Данилушка, объяснять, почему ты его отпустил неделю назад, – сказала вдова, когда её сын поднялся из-за стола, чтобы идти к князю.

– Ну и чудесно, – махнул рукой Даниил, – если мне Евпраксию больше увидеть не суждено, то пускай убьют меня самого! Буду благодарен. А если её спасут, она за меня заступится.

– Да, конечно, – сказала вдова Мамелфа спокойным голосом, хоть в груди у неё возникла лютая боль от жалости к сыну, который был у неё единственным, – ступай с Богом! Но по дороге, Данилушка, подойди к собору Святой Софии да помолись, чтобы князь был милостив!

– Если только успею, – пообещал Даниил и, взяв свои гусли, отправился во дворец.

Конечно, он не успел завернуть к собору, так как уже опаздывал. Да, признаться, и позабыл. Грустная задумчивость помешала ему заметить, что все прохожие на него глядят не по-доброму, а иные даже плюются под ноги с тихой бранью. Благодаря Алёше Поповичу, да и кое-кому ещё слух о том, что гуслиар Данила причастен к случившемуся с Евпраксией, очень быстро облетел Киев. Про его драку с Ахмедом, конечно же, знали все, но кто мог подумать, что этот самый

Ахмед как раз и похитил княжескую племянницу? Эта новость вместе с рассветом пришла и к тем, кто уже двенадцать часов занимался поисками Евпраксии по лесным чащобам и степным шляхам, поскольку к ним присоединялись новые и новые следопыты. Знала о том, как быстро распространяется этот слух, и вдова Мамелфа Тимофеевна. И поэтому, когда сын её вышел из дому, она бросилась на колени перед иконой и зарыдала так, что к ней прибежали все её девки.

Медленно дошагал Даниил до княжеского дворца, хоть поторопиться стоило бы. С дружинниками, стоявшими у дверей, о чём-то трепалась юная вдова Марфа – та самая, что вчера улыбнулась Зелге. Хоть был у Марфы свой собственный теремок, да такой, что сама Евпраксия ей завидовала, она во дворце проводила почти всё время. Ещё бы – столько молодых воинов! С Даниилом были у Марфы довольно тёплые отношения. Иногда они нагревались так, что вдовушка каждый день бегала на исповедь. Но сейчас она, увидев его, потупилась, а приятели поздоровались с ним не очень-то поприятельски. Это даже не покорило Даниила. Какое дело было ему до всех этих странностей и нелепостей, если вся его жизнь дала трещину, как рассохшаяся ладья? С такой грустной мыслью вошёл гуслиар во дворец и поднялся в гридницу.

Там сидели с князем Владимиром только тысяцкие – все сотники со вчерашнего дня прочёсывали округу на триста вёрст во все стороны, при малейшей возможности отправляя к князю гонцов. Один из этих гонцов как раз выходил,

когда Даниил вошёл. Приблизившись к князю, гусляр низко поклонился.

– Гусли зачем? – спросил Мономах, взглянув на него измученными глазами. Две дюжины воевод рассерженно зашептались, а Даниил задумался. Да, действительно, зачем гусли?

– Я по привычке их взял, – проговорил он, опустив глаза, – мне не до веселья, великий князь!

– Почему?

Этот очень странный вопрос застал гусляра врасплох. Он оторопел. Что было сказать? Тысяцким молчание Даниила не по душе пришлось. Иван Жирославич грубо ему напомнил, что князю следует отвечать.

– Случилась беда с Евпраксией, – произнёс Даниил, – какое сейчас может быть веселье?

– Так ты любил её? – прозвучал третий вопрос князя, ещё более чудовищный. Даниил густо покраснел. Но ответил твёрдо:

– Я и сейчас люблю её, князь Владимир!

– А если так, почему ты здесь?

Даниил опять промолчал. Но на этот раз воеводы не стали учить его уму-разуму, потому что князь уже задавал свой пятый вопрос, повышая голос:

– Патрикий Михаил Склир, который виновен только лишь в том, что не уследил за своим рабом, отправился ночью в лес, чтоб найти Евпраксию! И никто не знает, где он теперь

и жив ли он вообще. Тысячи людей, ни в чём не повинных перед Евпраксией, её ищут, забыв про еду и сон, уже второй день! А ты, отпустивший на берегу её лютого врага, который вчера похитил мою племянницу, почему стоишь здесь, передо мной, со своими гуслиями? Пошёл прочь!

Вернувшись домой, Даниил узнал, что матушка его – в храме. Это ему было очень на руку.

Глава двадцать третья

На рассвете Микула Селянинович, нагрузив свою сивую кобылу, пошёл с ней в поле пахать. Солнышко всходило на чистом небе. Туман над Днепром рассеялся. Становилось очень тепло. Микула боялся, что будет жарко. Ведя свою старую лошадку вдоль берега под уздцы, он тихо насвистывал. И соседи, и встречные ему кланялись, а он кланялся им в ответ.

Обе его дочки со своей новой сестрицей проснулись после полудня. Ополоснулись они из большой кадучки, стоявшей возле крыльца. А потом Настасья и Василиса повели Зелгу в хлев, дабы познакомить её со свиньями, жеребцом и рыжей коровой, уже родившей телёночка. Зелга с ними мало что познакомилась – подружилась. Стоял в хлеву и её испытанный друг, вороной текинец. Взяв из-под кур десяток яиц и отдав их девке, которая мела двор, барышни отправились в избу завтракать. Просяную кашу с медком, пареную репу и

молоко в глиняном кувшине им подала Акулина.

– Слыхали, барышни, что на пристани говорят? – спросила она, кладя на стол ложки, – да и не только на пристани, но и по всему Киеву!

– Ну, и что говорят? – спросила Настасья, стараясь не показать своего волнения. Очень странным было оно. Как будто чья-то костлявая, ледяная рука прикоснулась к сердцу. Зелга и Василиса тоже уставились на служанку, но с иным чувством. Они решили, что есть какие-то новости про Евпраксию. Акулина небрежно бросила:

– Говорят, что Владимир-князь выгнал гусляра Даниила из своего дворца! И даже пинка ему дал под зад!

– Даниила? – переспросила Зелга, переглянувшись с сёстрами, – гусляра Даниила? Сына Мамелфы Тимофеевны? Это вздор! Даниил в Чернигове.

– Тю, проснулась! Он ещё ночью прискакал в Киев! И ночью стало известно, что госпожу твою распрекрасную знаешь кто полонил? Ахмед!

– Ахмед? Тот самый Ахмед?

– Да, тот самый! Громадный, страшный турчин, которого Даниил избил около Почайны, да не убил из-за своей глупости! И вчера господин этого турчина, патриций греческий, сказал князю, что его раб влюблён в Забаву Путятишну, и как раз потому напал он на Даниила! Ахмед водил дружбу с мальчишками-половчатами. А три дня назад он пропал!

– Пропал?

– Без следа! Выходит, что для него шустрый половчонок вашу Евпраксию заарканил! Это всё рассказал Алёшка Попович, он врать не станет. И получается, виноват во всём Даниил! Свернул бы тогда башку этому Ахмеду, идолищу поганому, и сейчас все были бы счастливы.

– Пошла вон! – велела Настасья. Первое слово у неё вышло, но на втором голосок почему-то дрогнул. Не зная, куда девать себя от стыда, Настасья схватила ложку и стала есть. Взглянув на неё внимательно, Акулина расхохоталась и уплыла, качая широкой задницей. Зелге и Василисе было, конечно, не до того, чтобы всё это заприметить. Сосредоточенно размышляя над тем, что было услышано, они ели кашу с медком. Ели очень медленно. Их примеру следовала Настасья. То, что творилось с её пылающей головой, нельзя даже описать.

И глубокомыслие приковало взгляды к тарелкам до того крепко, что ни одна из девушек не заметила, как открылась дверь и вошла Меланья. А её стоило бы заметить! На ней была юбка синяя, узкая, и малиновая рубашка, расшитая золотыми нитями. Белокурая голова воеводской дочери вид имела такой, будто ураган её растрепал. До таких пределов она ещё никогда не была взлохмачена, и высокой, худой, носатой Меланье такая причёска была безумно к лицу. Это подтвердила ей княжна Настенька, у которой младшая дочь Путяты провела утро. Она пришла к ней просить прощения, потому что вражда была не нужна обеим. Пили они вино. Для

восстановления дружбы Настя при помощи своих девушек и китайской сурьмы, румян да ещё каких-то заморских штук сделала Меланью почти красивой.

– А, вот ты где, моя дорогая! – возликовала почти красавица, незаметно прокравшись до середины комнаты и увидев за столом Зелгу, – беглая половчанка! Радуйся, что не я твоя госпожа! А где жеребец?

– Ой, мамочка моя родная! – серой мышкой пискнула Зелга, подняв на гостью глаза. Да и подавилась со страху. Пока из её дурацкого и хвастливого рта разлеталась каша, а мудрая Василиса искала взглядом, где кочерга, Настасья Микулишна поднялась – бледная, но грозная. Её тонкие соболиные брови сдвинулись, голубые очи сверкнули.

– Меланья, ты здесь зачем? – спросила она, – тебя кто впустил?

– Я к князю вхожу без спросу, – дала ей ответ бесстыдница, оглядевшись по сторонам, – а к смердам кто мне осмелится путь закрыть? Сядь, Настасья! Я к вам без розог пришла.

Настасья уселась. Зелга откашлялась. А премудрая Василиса решила, если возникнет надобность, пустить в дело кувшин вместо кочерги, до которой было так сразу не дотянуться.

– Пришла я за Даниилом, – с прежней развязностью продолжала Меланья делать наглые заявления, оставаясь посреди комнаты, – а ещё должна вам сказать, что вы – просто ку-

рицы!

Три сестры, сидевшие за столом, вовсе растерялись.

– За Даниилом? – переспросила Зелга, – ты к нам пришла за ним, госпожа Меланья?

– Конечно! Вы ведь, наверное, слышали, что великий князь прогнал его из дворца? Дома его нет, ко мне ему приходиться пока ещё рановато – могут возникнуть всякие подозрения нехорошие! Не у вас ли он, две сестры Микулишны? Вы ведь с ним, я знаю, дружны! Давайте-ка мне его, если он у вас!

Вихрастая барыня говорила очень уверенно и напористо, высоко задирая нос. Зелга и Настасья просто не знали, что и подумать. А их сестра, премудрая Василиса, уже не только знала, но и подумала.

– Уж не хочешь ли ты сказать, сука длинноногая и писклявая, что Ахмед с Даниилой договорился о похищении им Евпраксии? – поинтересовалась она, – и не хочешь ли ты к этому прибавить для пушей подлости, палачиха гнусная, что Данила всё это вытворил, чтоб жениться на тебе, дрянь, не встретив помехи от твоей старшей сестры, которая его любит?

– Ну а для чего же ещё? – взвизгнула Меланья, – конечно, только для этого! Ведь Евпраксия совершенно безумна! Она могла бы весь Киев сжечь, чтоб нам помешать! Она Яну морду всю исцарапала, когда он заикнулся только о том, что меня пора выдать замуж за Даниила! Вот Даниил с Ахмедом

и сговорился сразу после той ихней драки на берегу! Они составили замысел. А иначе мой Даниил его бы убил!

Настасья закрыла лицо руками. Косо взглянув на неё, премудрая Василиса как-то загадочно подмигнула Зелге и зада-ла последний вопрос:

– Какого ж ты чёрта-дьявола, тварь, пришла нам доклады-вать, что твой будущий муж совершил деяние, за которое его следует придать смерти? Дура ты, что ли?

– Кто вам, смердовкам, поверит? – с невероятным нахаль-ством тряхнула крашенная кикимора белой гривой и топнула голой пяткой, – особенно же тебе, кобыла ты берендейская! Все уже знают о том, что я тебя высекла, и на твои длинные косы не поглядела! Да, да, все только об этом и говорят! Ко-сы у тебя дотянутся до Переяславля, а ум – от печки до ла-вочки!

Вот как раз после этих слов кувшин с молоком в башку ей и полетел. Он разбился вдребезги. Вся Меланья была с го-ловы до ног залита парным молоком. Сперва-то она, конеч-но, оторопела! Но уж потом начала вовсю безобразничать – с визгом взяв кочергу, стоявшую у печи, стала всех гонять. И была бы сёстрам верная смерть, кабы их не выручил тот, о ком говорили – сам Даниил. Подъехав к избе верхом и услы-шав крики, он соскочил с коня и вбежал, растолкав служа-нок. Обе они из сеней только наблюдали, боясь вмешаться.

– Данила! – истошным голосом воззвала к нему Василиса Микулишна, бегая от Меланьи по всей избе, в то время как

Зелга Аюковна и Настасья Микулишна прятались под столом, – защити, Данила! Спаси! Меланья сошла с ума!

– Данила, держи, хватай! – орала Меланья, пытаюсь вышибить кочергой все запасы мудрости из обвитой косами Василисиной головы, – она хочет свадьбы нашей не допустить!

Последняя фраза была ошибкой. Едва услышав её, Даниил решительно встал на сторону мудрости, и Меланья была немедленно скручена. Акулина, другая девка, Зелга Аюковна и Настасья Микулишна помогли Василисе крепко её связать бельевой верёвкой. Тряпкой заткнув плюющийся рот скандальной боярышни, чтобы больше она не твякала, три сестры впихнули её под лавку и снова сели за стол вместе с Даниилом. Тот был в кольчуге и при мече. Изба была вся разгромлена. Двум служанкам велели выйти.

– Что между вами произошло? – спросил Даниил, залпом осушив предложенный ему ковш ягодной наливки.

– Произошла драка, – последовал очень мудрый ответ понятно кого, – Меланья Путятишна на меня разгневалась, разобиделась.

– Это я заметить успел. А что её так разгневало?

– То, что я назвала тебя дураком.

– Дураком? Меня?

– Да, конечно! Я, как и все, считала, что ты из-за своей глупости не убил Ахмеда. Но госпожа Меланья сняла с моих глаз пелену. Оказывается, ты мечтаешь на ней жениться, и потому пропала Евпраксия, что она мешала вашему сча-

стью! Боюсь, что завтра об этом заговорит весь Киев, друг мой Данила.

– Ей бы не тряпку запихнуть в рот, а ведро цемента, – проговорил Даниил, с досадой взглянув на голые ноги Меланьи, торчавшие из-под лавки пятками кверху. Девушки также на них взглянули. И стало им очень горестно. Их внезапно кольнуло чувство, что там, под лавкой, лежит Евпраксия, потому что стопы Меланьи имели тот же размер, что и у сестры, и те же особенности. А более ничего у сестёр похожего не было.

– Ты зачем, Данила, вооружился? – спросила Зелга, подняв глаза на лицо дружинника, – с кем ты собрался сражаться?

Даниил взял кувшин и выпил ещё немного вина. Утёр рот рукой.

– Со Змеем Горынычем! Мне приснилось, что это он утащил Забаву Путятишну.

– Лучше верить дурацким снам, чем купцам, – согласилась Зелга, ногой пихнув под лавкой Меланью, которая там внезапно зашевелилась и стала что-то бубнить, – но где ты его найдёшь-то, Змея Горыныча? Лично я понятия не имею, где он живёт. Мой дедушка, Тугоркан, рассказывал мне однажды, что он играл с ним в кости где-то на Лукоморье и выиграл у него Жар-Птицу и Царь-девицу. Вот тогда надо было спросить у дедушки, где стоит змеиный дворец – он наверняка навевывался туда в шапке-невидимке и сапогах-скороходах! Но я во время рассказа о Царь-девицыном гребешке,

которым она, сидя на луне, протыкает тучи, уснула.

– Ты слишком недоверчива, Зелга! – мудро заметила Василиса, также хлебнув наливки, – и недалёка. Данила имел в виду, что он отправляется искать смерть.

Зелга засмеялась, хлопнув себя ладонями по коленкам.

– Ой, я не могу! Искать смерть в кольчуге – это так же умно, как с завязанными глазами искать грибы! Данила, скажи нам честно, зачем ты вооружился и куда едешь?

– Ты знаешь, Зелга, я доверюсь коню. Ведь этот буланый конь Евпраксию любит! Она не раз кормила его печеньем. Может быть, он меня привезёт туда, где она томится?

– Всё может быть, – опять согласилась Зелга, – но ты поешь! Поешь хоть чуть-чуть. Хочешь каши?

– Спасибо, нет. Поем хлеба.

И Даниил задумчиво съел ржаную горбушку. Выпил ещё вина. Он начал пьянеть. Глаза его были тусклыми, а на лбу появились капельки пота.

– Есть ли у тебя шлем? – спросила Настасья, подняв взволнованные глаза на воина. Даниил поглядел на неё внимательно и пожал плечами.

– Да, есть. К седлу приторочен.

– А щит?

– Есть и щит.

– Наточен ли меч?

– Конечно.

Настасья некоторое время молчала, прежде чем задать

главный вопрос:

– Ну, а велика ли твоя любовь, гусяр Даниил?

Все замерли, не сводя очей с Даниила. И он кивнул.

– Велика. Безмерна.

– Тогда езжай, – вздохнула Настасья и поднялась с решительным видом, – скачи как можно быстрее, мой милый друг Даниил! Я благословляю тебя.

Даниил с сомнением встал, и бледная девушка его трижды перекрестила, шепча какой-то псалом. Меланья под лавкой билась.

– Когда вы её развяжете? – спросил воин, – может быть, Яна за ней позвать?

– С ней сейчас полдюжины Янов не совладают, – мудро заметила Василиса, – она хоть тоненькая, но лютая! Подождём отца.

А потом три дочки Микулы и Даниил спустились во двор. Увидев коня, стоявшего у крыльца, маленькая ханша отметила про себя, что таких красивых коней мало на Руси. Он был очень редкой буланой масти. Трижды поцеловав каждую сестричку, гусяр вскочил на буланого. Но, когда он тронул поводья, Зелга вдруг спохватилась.

– Стой! Наклонись!

Натянув узду, Даниил пригнулся. Поднявшись на пальцы ног, Зелга обняла рукой его шею и прошептала на ухо:

– Конский череп!

– Что говоришь? – не понял гусяр.

– Ищи лошадиный череп, насаженный на высокий шест! Евпраксия – там. Она сейчас смотрит на этот череп и молится, чтобы я вспомнила про него да тебе сказала!

– Зелга, с чего ты это взяла?

– Даниил, скачи! – воскликнула Зелга и отступила на шаг. Недоумевая, Данила цокнул коню, и тот рысью выбежал за ворота. Открыла их ему Акулина.

День уже начал клониться к вечеру. По широкой пыльной дороге, что пролегла вдоль берега Днепра до синего моря, а возле Заруба разветвлялась, ползли обозы и ехали верховые. А по Днепру плыли корабли красы необыкновенной. И паруса на них были подняты, и гребцы работали вёслами. Доверяясь коню, Даниил направился по дороге к югу от Киева. Миновав кузнечную слободу, а за ней гончарную, он вдруг начал жалеть, что гусли с собой не взял. А потом подумал: какие гусли? Зачем слепому свеча? Зачем соловей, если вороньё кругом каркает? И зачем река, когда грозовые тучи над головой собрались? И тонкая плеть взвилась над конём. Тот помчался вскачь.

Прямо за предместьями, возле Лыбеди, красовалась Выдубицкая обитель. На всех её колоколенках начинали звонить к вечерне. По небольшому мостику переехав быструю речку и холм над нею, всадник услышал, что справа, за малой рощей, будто бы лемеха по камням почиркивают да гужи ремённые на оглоблях поскрипывают, да кто-то посвистывает. Внезапно всё это прекратилось, и из-за рощи выкатил-

ся громадный валун, который бы не смогли сдвинуть с места семь мужиков здоровенных. И докатился валун до самой дороги. Конь Даниила еле успел отшатнуться. Потом опять зачиркали лемешки по камням, и гужи ремённые заскрипели, и пахарь начал посвистывать. Даниил за рощу свернул и увидел пахаря.

Под малиновым светом вечерней зорьки тот шёл за плугом, который мерно, покладисто волокла сивая кобыла. Справа и слева от плуга круто бугрилась и осыпалась земля – чёрная, сырая и рыхлая.

– Здравствуй, Микула Селянинович! – громко сказал Даниил, осадив коня. Гикнув на лошадку, которая сразу остановилась, радуясь отдыху, пахарь медленно разогнулся и поглядел на всадника.

– Будь здоров, Добрыня Никитич! А далеко ли собрался ты на ночь глядя?

– Да куда все нынче едут, туда и я направляюсь!

– Не за Евпраксией ли?

– За нею.

Пахарь покачал головой.

– Да где ж ты её найдёшь? Её похищали хитро – не для того, чтоб отдать! Разумные люди стоят за этим, Данила. Или какая-нибудь придумка у тебя есть?

– Никаких придумок. Но если я не найду Евпраксию – не вернусь.

– Ого! Не князь ли ругал тебя, Даниил?

– Было дело! Но это дело пустяшное.

Помолчали. С тоской взглянув на ласковое вечернее небо, так отражавшееся в Днепре, что и лес, и степь около реки казались замороженными её пламенной красотой, Даниил спросил:

– Не знаешь ли ты, Микула, где на шесте висит лошадиный череп?

– Не знаю, – с грустью тряхнул Микула полуседыми кудрями, вовсе не удивившись вопросу. Потом он вдруг призадумался, – погоди! Не череп ли это коня князя Святослава, торчащий на двухсаженном шесте около часовни близ Гурчевецкой дороги?

– На Гурчевецкой дороге? – переспросил Даниил, – а что это за часовня?

– Каменная часовня стоит посреди степи. В ней живёт и служит молодой поп Кирилл. Великий он бессребреник, причащает путников и бродяг за малые подношения. За сухарь может исповедать и причастить. Около часовни, на двухсаженном шесте, торчит лошадиный череп. Все говорят, что это череп коня князя Святослава. Он ведь погиб где-то там от рук печенегов полтора века назад!

– Как странно, – задумался Даниил, – зачем около часовни череп торчит на шесте?

– А вот уж чего не знаю, того не знаю! Но спокон веку они глядят друг на друга. Да только там, Даниил, Евпраксию не ищи! Никакой дурак туда её не потащит. Отец Кирилл – свя-

той человек. На женщин он не смотрит, на деньги не льстит. Я его знаю, муку ему отвозил. Ты зря потеряешь время, если поскачешь туда.

– Нет уж, поскачу, – мягко возразил Даниил, приглядываясь к глазам Микулы, – скажи, отец, как добраться?

– Добраться просто. У Заруба поверни направо. Вёрст через пять, у бугра с тремя ветряными мельницами – налево. Дорога там будет узкая, неприметная, и скакать по ней девяносто вёрст. Часовню увидишь издали. Рядом с ней – колодец, напротив – дуб и тот самый череп. Не проглядишь.

– Да благословит тебя Бог, Микула Селянинович, и всех трёх твоих дочерей! – произнёс Данила и, повернув коня обратно к дороге, дал ему шпоры. Выехав на дорогу, он поскакал галопом. Вскоре ему повстречался большой отряд верховых. Это были княжеские дружинники, сутки кряду безрезультатно искавшие след Евпраксии по ближайшим степям. Узнав Даниила, они не стали его приветствовать. А Микула долго глядел ему вслед с отеческой нежностью, весь объятый розовыми лучами солнца, садившегося за лес. Когда Даниил скрылся за холмом, богатырь опять взялся за соху и гикнул своей лошадке.

Глава двадцать четвёртая

Поп Кирилл – громадный, дородный и бородатый детина лет сорока с небольшим, действительно был решительным

бессребреником. Серебро и медь он с презрением отвергал, а брал одно золото. Но об этом знали только лихие люди, которые промышляли разбоем на степных шляхах. Награбленное добро, политое кровью купцов, хранили они под полом часовни, которую ещё прежний великий князь, Святополк, доверил отцу Кириллу. Там был устроен тайник приличных размеров. И все разбойники знали, что толстобрюхий ба-тюшка никогда себе не присвоит ни одного гроша из сокровищ, взятых им на хранение. Но за это хранение он взимал солидную плату. В подполе, около сундуков убийц, стоял его собственный сундучок, накрытый куском холста, чтобы не ложилась на него пыль. В нём уже лежало пятьдесят гривен. А нужно было поболее – годика через два священник рассчитывал перебраться в Константинополь, купить там добротный дом и взять в жёны дочь какого-нибудь влиятельного сановника.

Три ватаги хранили в святом подполье свои богатства немалые, потому что лучшего места было и не сыскать. Конечно, разбойники привозили попу вкусную еду и вино. Но для простых путников он был постником. Толщину его живота они объясняли господним чудом. Поскольку поп знал Евангелие отлично, он всем любил говорить про птиц, которые не сеют, не жнут, а Отец Небесный питает их. Если у него язык заплетался, это служило, конечно же, подтверждением того факта, что Иисус превращает воду в вино. Попу всегда верили. И никто никогда не пытался его обманывать, в свя-

зи с чем он довольно редко показывал крутость своего нрава. Но вот когда длинноусый варяг по имени Ульф, турчины Ахмед с Рахманом и три половецких мальчика привезли к Кириллу очень красивую молодую бабу, с кляпом во рту висевшую в тороках, поп рассвирепел.

– Да ты обезумел, варяг! – накинулся он на Ульфу, – мы ведь с тобой договаривались запрятать на две недели жену какого-то там купца, чтоб получить выкуп! А ты мне кого сюда приволок? Это ведь родная племянница Мономаха!

– Умолкни, поп, – сказал Ульф, – если тебе мало шести золотых монет, ты получишь семь! Но – не более. И мы все останемся здесь сторожить её. Без коней. Если кто подъедет, спрячемся в подполе. Ты не бойся, она отсюда уж не вернётся в Киев! Поедет прямо в Царьград.

– В Царьград? – затопал ногами служитель Бога, – в Царьград? Я сам через год поселюсь в Царьграде, буду ходить во дворец! Она меня сразу отправит там к палачу! А ну, поворачивайте коней!

– Восемь золотых! – разъярился викинг, – чёрт с тобой, девять! И знай, дубина – ежели мы сейчас повернём коней, то она опять окажется в Киеве и там князю расскажет, как ты со мной торговался!

Поп пожелтел всем своим огромным лицом.

– Двенадцать! – прохрипел он, рвя на груди рясу. Но варяг понял, что одержал над жадиной убедительную победу.

– Девять, – повторил он, – и ни грошом больше!

– Одиннадцать! – простонал священнослужитель, – Богом прошу! Христом!

Сошлись на десятке. Пока варяг отсчитывал деньги, его дружки также спешили, и мальчишки сняли с аркана пленницу, провисевшую часов двадцать или чуть меньше. Было, конечно, несколько передышек, иначе не довели бы её живой. Первую устроили, когда к шустрому половчонку в лесу присоединились его сообщники. Дав Евпраксии посидеть немного на корточках и размяться, они опять притянули её к седлу, сложив пополам, и повезли дальше. Путь продолжался всю половину дня и всю ночь – сперва через лес, затем – по степи, озарённой звёздами. Неужели он кончился? Да, похоже было на то.

И точно – Евпраксии развязали руки, вынули кляп изо рта. Она была вся измучена. Но, конечно же, огляделась, с трудом держась на ногах. Утренняя зорька. Степной простор. Колодец. Часовня. Дуб... Конский череп, насаженный на высокий шест!

Глаза у Евпраксии затуманились. Господь Праведный! Сквозь туман взирая на этот череп, боярыня обратилась к Богу с молитвой так, как ещё ни разу не обращалась. Пусть Зелга вспомнит слова Лисы Патрикеевны! Бог Всевышний! Пусть она вспомнит! А череп, белый от времени, всё глядел и глядел прямо на неё чёрными глазницами – так же пусто и так же парализующе, как, должно быть, глядит на жертву змея.

– Прости, Забава Путятишна, – лепетал, тем временем, жирный поп громадного роста, засовывая монеты в карман и одновременно кланяясь пленнице, – силою и угрозами приневолен я оказать содействие похитителям! Ты не гневайся на меня, я человек маленький!

– Я не гневаюсь на тебя, мурло толстобрюхое, – отвела Евпраксия взгляд от черепа, потирая ноющие запястья. Её живот от верёвки пострадал меньше – во время первого отдыха половчата любезно подсунули под неё лошадиный потник, сложенный вдвое. Переведя глаза с трясущегося попа на трёх этих сорванцов, один из которых был её похитителем, на Ахмеда с Рахманом и на высокомерного Ульфа, пленница с вымученной улыбкой прибавила: – И на вас я тоже не гневаюсь. Только дайте мне, ради Бога, попить, поесть и поспать! У меня нет сил.

– Желания дам надо исполнять, – осклабился Ульф, который за годы службы при европейских дворах перенял у рыцарей их манеры. И он всё тут же устроил. Поскольку запирать пленницу пока было необязательно, для неё мгновенно соорудили ложе из трёх охапок сочной травы, дали ей вина и два калача. Позавтракав, дочь Путяты опять начала молиться, глядя на конский череп. Но тот уже не казался ей чем-то этаким, потому что чернел глазницами в сторону, и боярыня почти сразу уснула под ярким весенним небом.

И проспала она шесть часов. Все эти часы Ахмед и Рахман сидели с ней рядом и глаз с неё не спускали даже на

миг, а двое мальчишек, взобравшись на одинокий дуб с другой стороны дороги, зорко оглядывали степную даль – вдруг кто приближается? Третий маленький половец, напоив коней, погнал их за двадцать вёрст, в Гурчевец, чтобы там оставить на постоялом дворе и вечером прибежать назад с запасом провизии. Ульф и повеселевший Кирилл охотно разговорились, употребляя вино.

– Вот посмотришь, меня в Царьграде сразу назначат епископом! – гундел поп, поглаживая свой толстый живот, – а может быть, даже архиепископом!

– Патриархом, – зевая, говорил Ульф, – неплохо звучит – патриарх Кирилл!

Прямая дорога из Заруба в Гурчевец считалась очень опасной, и ею мало кто пользовался. Поэтому половчата подняли крик лишь перед полуднем. Спустившись с дерева, побежали они к часовне. С севера приближалась дюжина всадников. Это были лихие. Евпраксию разбудили. Сдвинув одну из каменных плит, которые составляли пол храма Божьего, патриарх Кирилл упрятал всех своих гостей в подпол. Но не туда, где были сокровища, а в соседнее помещение. Там Евпраксии снова заткнули рот и связали руки.

Разбойники, между тем, подъехали. Спешились. Все они озирались по сторонам с тревогою. К счастью, им нужно было лишь напоить коней.

– Что слышно во Киеве? – спросил поп, черпая ведром на длинной цепи из колодца воду и наполняя ею большое

каменное корыто.

– Беда великая приключилась, – проговорил атаман, первым подводя к корыту коня, – какой-то козёл похитил Евпраксию, дочь Путяты!

Кирилл присел, выронив ведро. Глаза его выпучились.

– Евпраксию, дочь Путяты? Княжескую племянницу? Да ты что? Не шутка ли это?

– Какие могут быть шутки? Вся Русь стоит на ушах! Дружинники рыщут просто по всем дорогам, нигде нельзя погулять! Хорошо, хоть проклятый дьявол Вольга намедни в Смоленск уехал.

– А вы куда направляетесь?

– Да хотим переждать грозу в днепровском лимане. Золотом там, конечно, не разживёмся, но постреляем гусей и уток. Как-нибудь с голоду не помрём!

Другие ватажники, за плечами которых действительно были луки и кожаные колчаны со стрелами, разразились такой неистовой бранью по адресу похитителя, что Евпраксия в подземелье даже почувствовала к ним нежность. Но не к Кириллу, хоть тот орал и топал ногами громче их всех.

– Да поразит Бог слепотой гнусного злодея со всеми его сообщниками! – закончил поп свою речь, когда кони напились и головорезы снова на них уселись, – да, слепотой! И параличом! И гнойными язвами!

– Когда княжеские псы прискачут сюда, ори так же громко, – велел ему атаман, взяв поводья, – не то они захотят об-

нюхать часовню! И пол простукают.

– Не волнуйся за свои деньги! Про то, что я – честный человек, сам Мономах знает!

Разбойники ускакали. Прежде чем вызволить всех из подпола, поп решил осмотреть окрестности. Встав ногами на сруб колодца и покрутив головой, он возблагодарил Бога за свою мудрость. На северном горизонте уже виднелся второй отряд верховых. Было их не менее полусотни. Спустя несколько минут попу стало ясно, что это княжеские дружинники. А ещё через полчаса они с превеликим шумом подъехали, осадили коней своих у колодца и также спешили, чтобы их напоить. Все перекрестились на купол степной часовни. Отвесив воинам три глубоких поклона, поп одним махом всех их благословил, опять взял ведро на звонкой цепи и стал наполнять корыто.

– Ну, святой праведник, отвечай, – с шутливой угрозой приблизился к нему Ратша, который был предводителем, – ты разбойников много сегодня видел?

– Разбойников?

Удивление честного человека было таким огромным, что он присел, выронив ведро. Потом закрестился.

– Спаси меня, сохрани, Царица Небесная! Да о чём ты говоришь, сотник? Каких разбойников? Как я мог их сегодня видеть? Да и вчера? Да и когда-либо? Разве они, поганцы, не знают, что если я вдруг увижу их – прокляну! Что им делать здесь? Они за пятьдесят вёрст меня объезжают!

– Да ладно, ладно, не плюйся! Я пошутил. Наполняй корыто.

Пока священнослужитель, что-то рассерженно бормоча, громыхал ведром, два добрых молодца по сигналу сотника незаметно вошли в часовню и, оглядев её быстро, вышли. Усталые скакуны утоляли жажду долго и жадно, храпя ноздрями широкими. Степной поп раз десять подливал воду в корыто.

– Много ли путников проезжало нынче мимо твоей часовенки? – спросил Ратша, – или, может быть, ночью кто-нибудь проезжал? Или проходил?

– Да, ночью трое калик перехожих в сторону Киева шли, а днём скоморохи с бубнами и с медведем в другую сторону направлялись, – ответил поп, не хуже коней раздувая ноздри, – а что?

– А ты скоморохов тех раньше видел?

– Да, видел, и не единожды. Знаю их. А кого вы ищите-то?

– Да ищем мы, поп Кирилл, беглого раба. У тысяцкого Екима убежал раб-сарацин. Он очень опасен. Если услышишь чего, дай знать.

– Свят, свят! – опять закрестился поп, выпучив глазища, – вот уж поистине страсть невиданная, беда небывалая! Беглый раб, да ещё поганый! А что ж вас всего полсотни-то?

– Так ведь слишком много дорог на Руси, – сделав два глотка из ведра и вдев ногу в стремя, объяснил Ратша, – по каждой полк не отправишь!

Взявшись рукой за луку седла, он сел на коня. Все его ребята, утолив жажду, последовали его примеру. Весело поглядыв друг на друга, а после этого – на попа, они хором крикнули:

– Будь здоров, святой патриарх Кирилл!

– Скачите отсюда, черти! – гневно затопал ногами поп, – ишь, озорники! Ишь, кощунники!

Всадники, хохоча, дали коням шпоры. Когда они скрылись из виду, Кирилл выпустил на свет божий своих подельников. А Евпраксия выйти не пожелала. Ей не хотелось видеть вольную степь, в которой она оказалась узницей. Это было для неё более мучительно, чем лежать в каменном подвале, на старой бараньей шубе, и плакать, прикрыв лицо широким воротником. Её, впрочем, развязали. Дыру подвала оставили приоткрытой, однако Ульф приказал сидеть рядом с ней двум братьям-турчинам и не зевать. Оба половчонка влезли опять на дуб, а Ульф и Кирилл стали обсуждать, сможет ли последний, когда станет патриархом, объединить Восточную христианскую церковь с Римской.

Часа через полтора один из мальчишек заорал:

– Всадник!

Но не успели все всполошиться, как другой крикнул:

– Это патрикий Михаил Склир! Он скачет сюда один!

– Да точно ли это он? – усомнился Ульф, пристально взглянув на северный горизонт и с очень большим трудом различив в волнах ковыля наездника.

– Это он! – заверили его оба. Но викинг вскоре и сам уж узнал патрикия. Мальчуганы увидели его поздно – видимо, заболтались.

Когда патрикий, подъехав, спрыгнул с коня, Кирилл напил последнего и ушёл в часовню, чтоб не мешать разговору двух своих нанимателей. Те уселись на три охапки травы, прежде подтащив их к огромному валуну около дороги. Одна из его сторон кое-как давала возможность облокотиться.

– В каком она настроении, ярл? – спросил Михаил, разглядывая колодец, часовню, череп и дуб. Место показалось ему более чем мрачным, хоть солнце светило ярко, а степной ветер наполнял грудь пьянящей медовой свежестью.

– В превосходном, – ответил на вопрос Ульф. Патрикий взглянул на него сердито.

– Ты шутишь?

– А ты мне задал этот вопрос серьёзно? Тогда попробуй как-нибудь провисеть головою вниз и с кляпом во рту почти сутки кряду!

– Извини, Ульф! Я часов двенадцать скакал галопом, почти не делая остановок. Поэтому задаю странные вопросы. Зачем ты вставлял ей кляп?

– Она начала предлагать твоим слугам деньги. И это было опасно.

– Она в подвале сейчас?

– В подвале.

– Плачет?

– Наверное. Впрочем, ты можешь сам к ней спуститься и поглядеть.

Но Михаил Склир испуганно замотал головой.

– Только не сейчас! Да, я понимаю, что должен с нею поговорить, но сделаю это завтра. Мне надо собраться с мыслями.

– Ты намерен пробыть здесь, с нами, до завтра? – настояжился варяг, – это неразумно! Здесь уже были княжеские дружинники. Что, если они вновь подъедут сюда? Коня в подполе не спрячешь!

– Да я и сам прятаться не стану. Зачем? Все знают, что и я тоже её ищу.

Ульф Тут же признал, что и в самом деле сказал какую-то ерунду, поскольку он тоже сильно устал и вся его голова сейчас занята мечтой об обеде. Патрикию надоело сидеть на месте. Вскочив, он начал бродить вдоль узкой дороги, не отходя сильно далеко от часовенки и всей грудью вдыхая звонкий, медовый ветер. Конь его пасся возле колодца.

Перед закатом солнца на пять минут вывели Евпраксию. Но она патрикия не заметила. Она шла, низко свесив голову с растрепавшимися и грязными волосами. Ей не хотелось, чтоб видели её слёзы. И не желала она глядеть на степной простор.

Когда солнце село, мимо часовни прошёл на Киев выючной купеческий караван из Пешта. Воинственные мадыарские торгаши поили коней и спрашивали Кирилла, что на

Руси слышать. Они ему предложили серебряную монету. Он отказался, нравоучительно заявив, что воду сотворил Бог, а не поп Кирилл.

Ночь выдалась звёздная. Над равниной взошла луна, и пустой взгляд черепа стал осмысленным. Но Евпраксия не могла его больше видеть. Вернулся мальчик, который поу-тру отогнал в Гурчевец коней. Он принёс провизии на два дня. Все ели, кроме Евпраксии. А потом завалились спать: мальчишки – под дубом, Михаил Склир и поп – на полу в часовне, а остальные – под полом. Евпраксия попросила её не связывать. И она с головой укрывалась овчинной шубой, чтобы не слышать храпа своих тюремщиков. Но не он мешал ей уснуть, а ясное осознание сокрушительности постигшей её беды. Молодая женщина понимала: выхода нет. Даже малой щёлочки. Вдалеке кричала ночная птица. Кричала так, что Евпраксия чувствовала себя малюсенькой серой мышкой, которую эта самая птица ищет.

Перед рассветом послышался храп коней. К часовне подъехали два десятка княжеских следопытов. К ним вышли Михаил Склир и священник. Не в пример Ратше, ночные всадники почему-то не стали от них скрывать, что они разыскивают племянницу Мономаха. Ещё сказали они, что скоро в Киев прискачет Вольга Всеславьевич, и пусть он Евпраксию ищет, ибо похитил её, судя по всему, чёрт – следов нет совсем! И двинулись дальше в степь. А их собеседники легли спать.

Когда разметалась по всему небу заря, к часовне подъехал гуслир Данила.

Глава двадцать пятая

Трёх мальчишек он не заметил – спали они в высокой траве у дуба. Зато увидел коня, привязанного к колодцу. Добрый был конь, да под сарацинским седлом! Гнедой жеребец. Его разнуздали только наполовину – узда с золотыми бляхами и отличным кожаным мундштуком висела на шее. Знатный и безалаберный человек ночевал в часовне. Не мог коня расседлать!

Пока Даниил гадал, кто бы это мог такой быть, дверь часовни скрипнула, и на утренний холодок вышел рослый поп в чёрных сапогах, рясе и скуфье. Протерев глаза, он зевнул, взглянул на подъехавшего и сразу сообразил, что этот молодой всадник – не из простых. И уж не гуслир ли это Владимира Мономаха? Да, кажется, он и есть! Пару лет назад Кирилл ездил в Киев для разговора с епископом Александром, и во дворце побывал. Там-то он и видел этого парня с гуслиями, да и много кого ещё.

Понял и Данила, рассматривая попу, почему Микула Селянинович усмехнулся в бороду, говоря, что отец Кирилл – святой бессребреник. Пошутить Микула Селянинович был горазд и редко о чём-то говорил прямо, если имел возможность сказать намёками. Такова уж была его пахарская сущ-

ность – несуетливая, хитроумная и насмешливая.

– Тебе что, добрый человек? – важно спросил поп, – коня напоить? Самому водицы испить? Или, может быть, ты исповедаться, причаститься в пути желаешь? Я никакой награды не требую за свой труд – даром получили, даром давайте!

– Мало ещё на душе грехов с прошлого причастия, – отвечал Данила, – конь мой напился в поле ночной росы, а ты выводи мне сюда Евпраксию!

Говоря такие слова, Даниил случайно взглянул на дуб, да и заприметил, как из высокой травы высунулись три головы с очень удивлёнными лицами. Хоть глаза мальчишек были расширены, Даниил узнал половчат.

– Евпраксию? – повторил Кирилл, не выдав волнения, – княжескую племянницу? Не ты первый, кто о ней спрашивает! Вчера часовню мою осматривал сотник Ратша с дружиной, а нынче, перед зарёй – сотник Велимир с умелыми следопытами. Их следы ещё не остыли! Если прищпоришь коня, без труда догонишь.

– Незачем мне, толстобрюхий, коня прищпоривать, – произнёс Данила и спешился, заломив шапку на затылок, – путь мой, вижу, закончился. Дай-ка я теперь загляну в часовню твою!

– Изволь, – осклабился поп, сойдя со ступенек и низко кланяясь гусяру. Но, как только тот поравнялся с ним, направляясь к двери, Кирилл вдруг его схватил и начал давить, чтобы кости треснули. Весил поп почти как племенной бо-

ров – десять пудов. С трудом Даниил поднял эту тушу, дав ей сперва по печени, чтоб отлипла да не барахталась, но зато уж от удивления шандарахнул её об землю изо всей силы и без зазрения совести. Вся часовенка содрогнулась, а на земле распластался труп в десять пудов весом.

Но рано было Даниле победу праздновать. Вдруг увидел он, что к его коню бегут половчата, готовя петли арканов – хотят буланому ноги спутать. И уже начали спутывать, когда воин вскочил в седло и стал жеребца ремённою плёткой между ушами охаживать. Конь заржал, взвился на дыбы, запрыгал как бешеный. Все его четыре ноги из арканов выпростались, но всадник на этом не успокоился, бил и бил коня семихвостой плёткой. Половчата бросились врассыпную. Тут понял конь, чего от него хотят – каждого догнал да измолотил копытами до смерти.

Повернувшись опять к часовенке, Даниил увидел перед собой нового врага, страшного. На коне Михаила Склира сидел, блистая кольчугой и золотой серьгой в левом ухе, улыбочивый и любезный варяг по имени Ульф. Данила не раз встречал его на пирах у князя Владимира.

– Вот спасибо тебе, что убил попа! – усмехнулся Ульф, обнажая меч, – он был глуп и жаден до неприличия. Патриархом Кириллом себя назвал, рожа гнусная! Поучил ты его бороться. А теперь я тебя поучу сражаться на саблях!

– У меня были учителя хорошие, – возразил дружинник. И, вынув саблю из ножен, погнал коня прямо на варяга.

Сшиблись они. С булатных клинков полетели искры. Скрежет и звон поднялись до самых небес, и солнце зажмурилось. Этот бой был очень тяжёлым для Даниила – викинг не уступал ему силою и проворством, а опыта имел больше. Беда случилась бы с гусяром, кабы не одно обстоятельство: конь под викингом был чужой. Он не так старался для своего наездника, как буланый конь Даниила.

За поединком следили, высунув головы из часовни, Михаил Склир и Ахмед. Рахман всё ещё сторожил Евпраксию. Но, когда варяг с разрубленной головой свалился на землю и победитель, спрыгнув с коня, бросился в часовню, его там встретили трое. Не до Евпраксии стало им.

Теснота мешала сообщникам. Михаил хотел ударить врага мечом, но так размахнулся, что меч его зацепился за цепь светильника, а дружинник не сплеховал, выпустил ромею кишки. Ахмед и Рахман, приняв во внимание тесноту, вынули не сабли – кинжалы. Но не учли того, что на Данииле – кольчуга, работать против него кинжалами нелегко. Им даже не удалось его ранить. Рахману он отсёк руку, затем пронзил ему горло над стальным панцирем, а могучую руку Ахмеда перехватил, выкрутил, сломал, потом взял турчина сзади за шею да и расколотил ему лоб о каменную плиту. И всё было кончено.

Конь за дверью призывно ржал, тревожась за своего хозяина. Не успел гусяр слегка отдышаться и обтереть клинок сабли полою плаща патрикия, как из подпола поднялась

Евпраксия. Необычным был её вид. На её лице не возникло страха при виде трупов и крови. Она не плакала. Она молча смотрела глазами тусклыми и холодными, как луна. Вложив саблю в ножны, Данила бросился к ненаглядной своей Забаве. Опять начав задыхаться, он подхватил её на руки. А она тоненькой рукой обняла его шею так, что он сразу понял: её спокойствие – нездоровое. Что-то с ней приключилось минувшей ночью. Что-то ужасное. Потому и нет у неё сейчас ни малейшей радости.

На столе стояла большая чаша с красным вином. Его привозили для причащения. Вновь поставив на пол Евпраксию, Даниил приказал ей выпить. Она с покорностью осушила чашу до дна. И всё вдруг пошло на лад. Сначала на её бледном лице появилась слабенькая улыбка, потом румянец. Ясными, как лазурь, глазами Евпраксия поглядела на Даниила с нежностью. И – припала к его груди.

– Даниил! Как страшно кричала ночная птица! Я думала, что она предсказывает беду. А ведь оказалось, что она счастье мне предсказала! Любимый мой! Нет, не надо больше брать меня на руки! Сама выйду. Ой, сколько крови!

– Это всё кровь проклятого Змея Горыныча, – объяснил Даниил. Евпраксия улыбнулась. И они вышли, трепетно взявшись за руки.

Утро было ещё очень-очень раннее. Зеленела, шумела на ветру степь. Бескрайняя степь. По ней пробегали тени перистых облаков. Травяное море! Волны ковыльные! Рай пче-

линый! Свистели и щебетали птицы. Конь Михаила спокойно щипал траву около колодца. Буланый конь, убедившись, что всё в порядке с хозяином, стал от радости бить по земле копытом. Мельком лишь поглядев на трупы священника и варяга, Евпраксия обратила своё пылающее от счастья лицо к лицу Даниила и положила руки ему на плечи. И солнышко веселилось, глядя на их неистовый поцелуй. И медовый ветер пел звонче, сладостнее. И кто-то ему из дальнего далека не то подпевал, не то весело подыгрывал на свирели. Кто? Ржанка? Иволга? Или пастушок Лель, которому стало радостно за влюблённых?

– Данила, я голодна, – вдруг проговорила красавица, отлепив ненасытный рот от губ гусяра и теплее солнышка засияв на него глазами, – мне очень нужно поесть. А иначе я, мой любимый, с тобой не справлюсь! Мальчик вчера принёс два мешка еды... Кстати, а где мальчики?

– Вон они, – указал Даниил рукой. Евпраксия повернула голову. И румянец за один миг исчез с её щёк. Она содрогнулась. И Даниил вдруг увидел совсем другие её глаза. Таких глаз Евпраксии ни один человек ещё никогда не видел.

– Данила! Ты их убил?

– Их убил мой конь.

– Но им правил ты! – вскричала Евпраксия. И её возлюбленный убедился, что не бывает чудес. Всё же не ошиблась ночная птица, которую услышал и он за час до рассвета в росистой, тихой степи. И не просто так конь под ним в тот миг

оступился. Ночная птица не может счастье предсказывать! Никогда.

– Забава Путятишна! Это были злые змеёныши!

– Даниил! Это были дети!

Гусляр молчал. Евпраксия огляделась по сторонам. Потом, спотыкаясь, сделала несколько шагов к дубу и там продолжила, крепко стиснув руками голову:

– Как всё просто! Я думала, что меня спас Бог, который всё может, всех любит и всех жалеет. А оказалось, что спас меня лошадиный череп, насаженный на высокий шест! Лошадиный череп! Но я не стану благодарить его, потому что лучше было бы мне погибнуть. А Бога нет! Я в него не верю.

И больше ей сказать было нечего. Даниил тихо возразил, что этого быть не может. Она, казалось, не слышала. Она молча смотрела вдаль. Глядя на неё, единственный сын Мамелфы очень хорошо понял, что всё возможно.

Он разнул буланого и ослабил на нём заднюю подпругу, чтобы коню удобнее было пить и пастись. Пока конь ел клевер, дружинник стоял спиной к Забаве Путятишне, потому что она стирала в корыте свою одежду и ополаскивалась сама. А потом пустились в обратный путь. Евпраксия ехала на втором коне. Сидела она в седле по-мужски, низко нахлобучив на лоб шапку Даниила, чтобы никем не быть узнанной. Гурчевецкий шлях, как и накануне, был почти пуст, а вот после поворота на оживлённую киевскую дорогу надежды на эту шапку осталось мало. Но, кажется, повезло.

Когда на вечерней заре огибали холм с тремя ветряными мельницами, сворачивая к Днепру, Даниил взглянул на закат и предположил, что завтра будет тепло. А глубокой ночью, когда впереди показался Киев, Евпраксия попросила своего спутника проводить её к дому Микулы Селяниновича и его дочерей. Прощаясь с ним у ворот, она обратилась к нему с ещё одной просьбой. Потом поблагодарила его за всё. Коня он у неё взял.

Глава двадцать шестая

Этой же ночью в Киев вернулся Вольга. Ужасная весть настигла его в кабаке поблизости от Смоленска, где он остановился с товарищами для отдыха. Тут же вскочив на коня, он один пустился в обратный путь и уже через семь часов коня доконал. По счастью, это случилось недалеко от заставы, и ему дали другого. Отроки на дозорной башне Северных ворот Киева за версту узнали Вольгу Всеславьевича при свете луны и сразу открыли ему ворота. Ворвавшись в город, Вольга заехал на постоялый двор, где единым духом выпил два ковша браги и завалился спать. Он не смыкал глаз почти уж четверо суток. Весть о его прибытии разбудила Киев раньше зари. И всюду, от самой бедной избы до княжеского дворца, все перекрестились. Мало кто сомневался в том, что Вольга, проснувшись, сразу найдёт Евпраксию. Но когда этот чёрт проснётся, никто не знал.

На заре Микула Селянинович вновь отправился в поле. Он взял с собой для компании волкодава, которого накануне Ян отдал Зелге, за что она вернула ему текинского жеребца. Ведя под уздцы лошадку, тащившую на спине соху, Микула посвистывал очень весело. Он посвистывал бы ещё веселее, кабы Евпраксия не велела ему день-другой молчать о её чудесном спасении. Это же пожелание она ночью высказала служанкам и дочерям хлебопашца, которые чуть с ума не сошли от счастья, когда она заявила. Трём дочерям, а не двум! Они разобиделись. Не смягчил их даже очень подробный рассказ о всех злоключениях рыжей шлёнды, как сразу обозвала Евпраксию Зелга. Спасибо, хоть накормили!

– Совести нет, – ворчала премудрая Василиса Микулишна, забираясь под одеяло, – мало того, что переполох устроила среди ночи – ещё, свинья, и командует!

– Дрянь бесстыжая, – горячо поддержала сестру Настасья, ложась с ней рядом. Спали они на большой кровати. Зелга с Евпраксией улеглись на печи. Микула пошёл спать в горницу.

Хоть Евпраксия почти весь остаток ночи только и делала, что подлизывалась к разгневанной Тугорканской наследнице, та была к ней неумолимо повёрнута только задом. Впрочем, и это было с её стороны большим одолжением. На рассвете, когда Микула скрипнул воротами, Зелга глухо, свирепо бросила:

– Никогда с тобою не помирюсь! Я ради тебя поскакала в

Любеч, а ты себя как ведёшь? Это почему никому нельзя ничего рассказывать? Все охотники и дружинники с ног сбиваются! Князь, княжны и госпожа Янка сходят с ума! Вся Русь с ума сходит! Разве тебе никого не жалко?

– Ну, хорошо, – сжалилась над Русью Евпраксия, – если тебе так не терпится почесать языком, то спрыгивай с печки и беги в Киев! Прямо сейчас.

Зелга удивлённо приподнялась на локти.

– И всем рассказывать?

– Потихонечку. Ты понимаешь, душа моя? Потихонечку! Двум-трём сотням людей, не больше. И упаси тебя Бог кому-нибудь растрепать, где я нахожусь! Во дворец не суйся, ибо мой гнев на княжескую семью пока не остыл. Но прежде всего беги к меднику Улебу и заведи у него те пуговицы, которые я ему отдала! Думаю, что он работу над ними уже окончил.

– А он их мне, думаешь, отдаст? – усомнилась Зелга, свешивая ноги с печи.

– Отдаст. Он прекрасно знает, что мы с тобой – одно целое. Объясни, что я велела забрать. И скажи, что скоро к нему приду!

– Дайте нам поспать, греховодницы! – пропищала с кровати премудрая Василиса Микулишна, натянув одеяло на ухо, – вот поганки!

– Просто негодницы! – согласилась с нею Настасья. Спрыгнув с печи, Зелга торопливо надела юбку, рубашку,

бархатную зелёную шапочку с белоснежным пышным пером и помчалась в Киев.

Рассерженные Микулишны больше уж не уснули. Ещё часок поворочавшись, они стали орать служанкам, чтоб те готовили завтрак. С кислыми рожами выбравшись из-под двух пышных одеял, пошли умываться. Вернувшись, сели и начали прихорашиваться.

– Позволь, премудрая Василиса, я заплету твои косы дивные, – ласково предложила Евпраксия, соскочив с печи, – а ты, Настасья, румяна эти оставь! Пошли сейчас девку ко мне домой, пускай принесёт хорошие.

Премудрая Василиса, самостоятельно заплетая косы, с недоумением огляделась, словно не замечая Евпраксию. После этого обратилась к своей сестре, которая натирала щёки румянами перед зеркальцем:

– Ай, Настасьюшка! Ты сейчас ничего не слыхала? Мне показалось, будто лягушка в избе заквакала!

– Да откуда ей в избе взяться? – махнула рукой Настасья, – это, должно быть, овца на улице бляла!

– Разве? А не свинья ли это на грядках хрюкала, пожирая нашу морковку сладкую?

– Ах вы, злобные крокодилицы! – со слезами на воспалённых глазах вскричала Евпраксия, – мало вам, что меня два дня басурмане мучали? Вы решили меня домучить? Ведь вы же даже не знаете, почему мне надо пока таить своё возвращение!

Две сестры устыдились, но промолчали. Во время завтрака, состоявшего из трёх блюд, к которому Зелгу не дождалась, они так же молча подкладывали Евпраксии самые слюновыделительные куски. Она не отказывалась, но обиженные гримасы всё ещё корчила.

– А где Зелга? – спросила её Настасья, когда уже пили квас, – куда ты её отправила?

– На Подолие. Не волнуйтесь, я вашей младшей сестре больше ничего не стану приказывать. Буду только её просить о дружеской помощи. И она у вас жить останется. Ей здесь лучше.

Эти слова понравились двум Микулишнам так, что они сейчас же расцеловали Евпраксию, и пошла у них болтовня про княжеских отроков.

После завтрака младшая сестра отправилась в хлев поглядеть телёнка, а Василиса Микулишна взяла лук со стрелами да затеяла упражняться в стрельбе, избрав в качестве мишени чугунный печной горшок, сушившийся на заборе. Стрелы в него не втыкались, но и испортить его они не могли. Действуя таким образом, она чуть не убила Зелгу, которая от большого ума полезла через забор, вернувшись из Киева. Обозвав премудрую Василису дурой, Зелга вбежала в избу, где молодая боярыня мыла голову над лоханью, и отдала ей пуговицы.

– Отлично, – проговорила Евпраксия, оглядев новую чеканку на них, – это то, что надо! Но только это уже никому

не надо. Итак, Улеб теперь знает, что я вернулась?

– Нет, – ответила Зелга. Евпраксия с удивлением положила пуговицы на стол. Вода с её длинных, рыжих волос стекала по голому телу на пол. Взяв полотенце, боярыня их отжала и начала вытирать.

– Да как это, нет? Ты что ж, ему не сказала?

– Сказала! Но он мне, кажется, не поверил. Он счёл меня полоумной.

– Какое тонкое наблюдение! Но зачем же он отдал полоумной такие пуговицы?

– Из жалости! Он не верит, что ты вернёшься. Он мне сказал, чтоб я убежала от злой, жестокой Меланьи и как-нибудь обустроила свою жизнь за счёт этих пуговиц. На Подолии не слышали ещё о том, что я – дочь Микулы.

Евпраксия призадумалась. Отложив полотенце, она надела рубашку. Достав затем из ларчика на столе шпильки Василисы или Настасьи, она приказала Зелге собрать её волосы на затылке и заколоть. Когда половчанка справилась с этим делом, её бывшая госпожа поинтересовалась:

– Зелга, а кто-нибудь поверил тебе? Ведь ты же наверняка трепалась по всему Киеву о моём возвращении!

– Может быть, – загадочно улыбнулась Зелга. И рассмеялась. Тогда Евпраксия кликнула Акулину и приказала ей подавать немедленно завтрак для младшей дочки Микулы, что было тотчас исполнено. Усадив Зелгу за стол, боярыня положила перед ней ложку.

– Ешь, моя дорогая! А я пойду погулять.

– Куда тебя чёрт несёт? В Киев?

– Спроси об этом того, кто меня несёт.

Рискуя погубить Зелгу, которая за столом от смеха всегда давилась, Евпраксия слегка вымазала лицо сажей из печи. Но ей повезло – половчанка по уши запихнулась в миску с овсяной кашей и ничего не видела. Очень этим довольная, загрязнившаяся боярыня натянула старую юбку Настасьи, старую её кофточку, повязала самый невзрачный её платочек и, сунув пуговицы в карман, прямо босиком отправилась на прогулку. Ей удалось незаметно проскользнуть мимо Василисы Премудрой, которая собирала стрелы возле горшка, и тихо открыть ворота. Горничной девке, которая проводила её глазами, она дала знак молчать. Не хотелось ей, чтобы Василиса Микулишна измудрялась на пустом месте.

Время приближалось к полудню. Солнце трудилось невыносимее, чем Филипп с письменным приказом госпожи Янки, и ни единого облачка не виднелось ни над степными просторами, ни над лесом. Около слободы купались в Днепре какие-то ребяташки, но середина реки будто замерла, храня в голубом сиянии золотое – все купола киевских церквей отражались там. Выйдя из предместья, Евпраксия миновала шумную пристань, пересекла дорогу, запруженную телегами, и пошла по нежной траве вдоль речки Почайны, никем не узнанная. Пришло ей в дурную голову искупаться около того поля недоброго, по которому гнался за ней во сне див-

ной красоты жеребец с лютыми глазищами. Проходя по холму, берёзовой рощей, она сняла с головы платок, чтоб хотя бы птицы её узнали. Густой волной рассыпались по её плечам золотые волосы. И запели птицы дружнее, радостнее. И легче стало идти.

Открылось перед Евпраксией злое поле. Но не судьба была искупаться. На берегу паслось небольшое стадо – коровы, овцы. На молодых бурёнках висели звонкие колокольчики. Возле самой реки сидел пастушок, белокурый мальчик. Но не совсем уже маленький, а примерно ровесник Яну. Ну, может, годом помладше. Нарядный был – штаны и рубашка белые, лапотки только что сплетённые, гребешочек на поясочке. На дудочке не играл. Сжимая её в руке, глядел на кувшинки в заводи у другого берега. Те кувшинки уже всю расцвели. Цветы были очень яркие и красивые.

Прежде чем подойти к пастушку, Евпраксия повязала опять платочек на голову.

– Здравствуй, маленький пастушок, – сказала она, приблизившись. Села рядом. Мальчик взглянул на неё расстроенно и опять устался на кувшинки.

– Здравствуй, боярыня!

– Ты под сажей меня узнал, в одежде невзрачненькой? – удивилась Евпраксия, – поразительно! А вот я совсем не помню твоё лицо. Если бы я верила в Бога, я бы подумала, что ты – Лель, двойник Иисуса Христа! Ну, то есть, он сам.

Пастушок вздохнул. Такая печаль была на его лице с сим-

патичным носиком и большими задумчивыми глазами, что у Евпраксии сжалось сердце.

– О чём грустишь, пастушок? – спросила она, – могу я тебе чем-нибудь помочь?

– Цветы у кувшинок очень красивые, – сказал мальчик, – мне бы хотелось сорвать их несколько штук!

– Цветы? У кувшинок? Ну, доплыви и сорви! Речка совсем узкая, семь сажений. Может быть, ты не умеешь плавать?

– Плавать-то я умею, только боюсь. Почай-река – злая! Одна струя у неё как вода кипит, а другая струя как огонь горит, а третья струя как змея шипит! Сведёт она мои ноги, сдавит дыхание, и утянет на своё дно, где ключи холодные! И не выплыву.

– Какой глупенький! – засмеялась Евпраксия, – уже взрослый, а веришь в сказочки!

Вскочив на ноги, она пристально огляделась по сторонам. На проклятом поле не было никого, кроме пастушка и его овец с коровами. Но мальчишка был не в себе, а его животные увлечённо жевали сочную травку. Стесняться некого! И сняла Забава Путятишна юбку, кофту, платок. Мальчишка за ней внимательно наблюдал. Когда она начала стягивать рубашку, он пришёл в ужас – зажмурился, покраснел и дудочку выронил.

– Не снимай!

– Да ты голых женщин боишься, что ли? – ещё сильнее

развеселилась Евпраксия, – ладно, ладно, не буду снимать рубашку! Можешь открыть глаза.

– А вдруг ты меня обманешь?

– Не бойся, не обману! Даже у Лисы Патрикеевны не хватило бы духу тебя обманывать.

Пастушок осторожненько приоткрыл сперва один глаз, а затем другой. Убедившись, что не обманывает его боярыня, перевёл дыхание. Он был очень напуган.

– Сколько тебе нужно цветочков, мой дорогой? – спросила Евпраксия, входя в воду по тёплому и рассыпчатому песку с ракушками.

– Шесть!

Водица была прохладная, но Евпраксия быстро вошла по пояс, затем по грудь, да и поплыла, широкими взмахами поднимая по реке волны. Достигнув заводи, попыталась она нащупать ногами дно. Но не получилось, и пришлось сделать ещё два взмаха. Там уж нащупала. Правда, ноги её погрузились в ил. И здесь, под ракушками, солнца не было. Леденящий холод прямо обжёг Евпраксию. Торопливо сорвав шесть самых красивых цветков с длиннющими стеблями, поплыла Забава Путятишна назад, к мальчику, загребая воду только одной рукой. Доплыла с трудом, потому что ноги стало сводить. Выйдя на залитый солнышком бережок, она отдала пастушку цветы.

– Такие годятся?

– Да! Ой, спасибо!

Мальчик был счастлив. Он весь сиял. Он даже не замечал того, что вымокшая рубашка так облепляла тело молодой женщины, что видны были все детали.

– Сыграй мне теперь на дудочке, – попросила Евпраксия, отжимая её подол. И тут пастушок опять поглядел на неё с испугом, притискивая цветы к груди.

– Нет! Я не могу!

– Почему не можешь?

– Нельзя!

– Нельзя так нельзя.

Одевшись и повязав платок, Забава Путятишна протянула пастушку пуговицы с искусной чеканкой, выполненной Улебом. Было их шесть.

– Возьми!

Мальчик нерешительно взял. Подержал. Взглянул на Евпраксию.

– Золотые?

– Да, золотые. Не потеряй!

– Ты что, мне их даришь?

– Да.

Мальчик покраснел.

– Это очень странно!

– Что именно?

– Почему ты мне отдаёшь золотые пуговицы?

– Ты беден, а я богата. У меня золота хватит на миллион таких пуговиц, пастушок!

– Это очень странно, – повторил мальчик ещё более растерянно. Убирая пуговицы в карман, он с большим вниманием оглядел Евпраксию и спросил: – Девица-красавица, а ты правда не веришь в Бога?

– Да неужели стану тебя обманывать? Пыль в глаза женихам пускают! А мне не нужен жених с пастушьим кнутом. Вот моя сестрица, Меланья, на тебя клюнет!

К Евпраксии подошла корова с бубенчиком. Глядя, как молодая женщина её гладит, Лель-пастушок сказал:

– Чёрт возьми!

Между двумя этими словами он сделал паузу. Небольшую, на один миг. Звякнув бубенцом, Забава Путятишна рассмеялась и пошла к Киеву. Там осталась у неё Улька.

Эпилог

– Нет, не читали мне про Забаву Путятишну, – нагло соврала Женька, опять усевшись на стул, – я все свои тайны тебе раскрыла! Теперь твоя очередь рассказывать. Кто играл на рояле?

Маринка дальше мучать её не стала. Отдав ей пуговицу и лупу, гордо сказала:

– Я!

Женька разозлилась.

– Какая же ты свинья! – вскричала она, – ведь мы же с тобой конкретно договорились, что ты, узнав все мои секре-

ты, тут же расскажешь мне, кто играл на рояле! А ты опять измываешься? Нарушаешь данное слово?

– Не измываюсь я! – обиженно возразила Маринка, – не нарушаю данное слово! Играла я! Клянусь, что играла я!

И тут Женька ужаснулась. Она отчётливо поняла, что с ней говорят серьёзно.

– Мариночка, успокойся, – пробормотала она, внимательно глядя в глаза своей собеседницы и готовясь на всякий случай вскочить, чтобы убежать, – ты при всём желании не могла играть на этом рояле! Тебя здесь не было! То есть, минувшей ночью ты здесь, конечно, была, но в другие ночи тебя здесь не было! А рояль звучал! И звучал он много ночей подряд.

– Вот я тоже думала, что меня здесь не было, – улыбнулась Маринка, – а оказалось, что я-то здесь и была! И я, если честно, сама очень удивилась, узнав о том, что я здесь была.

Женька застонала. Ей стало жаль Дмитрия Романовича. Так жаль, что перед глазами вдруг появилась мокрая пелена.

– Мариночка, это бред, – промолвила Женька, вытерев слёзы, – подумай и согласись, что ты несёшь бред! Тебя не могло здесь быть.

– Конечно же, не могло! Но я здесь была! Поверь же мне, Женька! Ну почему ты не веришь мне?

– Не верю я потому, что этого быть не может! Ты была дома. У себя дома! И ты уже много лет не можешь ходить. Не можешь встать с кресла! А дверь квартиры всегда была

заперта – на оба замка, засов и цепочку! Всегда, кроме одного раза. Как ты могла оказаться здесь?

– Женечка, не знаю, – разволновалась Маринка, – но я здесь как-то оказывалась!

– Ну, ладно, – вздохнула Женька, – допустим. Тогда ответь на такой вопрос. Почему те двое, Лёшка и Колька, умерли от разрыва сердца, когда вошли и тебя увидели за роялем? Чем ты их так могла напугать?

– А ты бы не умерла от разрыва сердца, увидев ночью такое? – с крайней досадой осведомилась Маринка. Тут же вскочив со своей коляски, она стремительно подошла к роялю и стала нажимать клавиши самой верхней октавы: ми, ре, соль, до, ми, ре, до, ля, соль. А потом – опять, те же самые.

– Хорошо, а дверь? – не унялась Женька, – кто держал дверь? Объясни мне, Ритка!

– Внимательно прочитай роман, – сказала Маринка, захлопнув крышку рояля, и бегом бросилась в туалет, – тогда всё поймёшь!

Конец

Июль – октябрь 2018 года

Авторские права нотариально заверены